

ЖИЗНЬ

ЖУРНАЛЬ ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ тринадцатый

1900

CXXXVI

Содержаніе

1. **Г. Янчевецкій**, Ревель. На урокахъ Гомера. XIV. Гостиницы молодому человѣку. Од. IV 587 сл.
 2. — **его же**. На урокахъ древн. ораторовъ. I Цицеронъ. Речь за Милона. XIV—XVI (36—44).
 3. **Ө. Болотниковъ**, Вятка. Планы произведеній русской литературы. (прод.)
 4. Изъ кн. «На досугъ» — Перев. изъ др. поэтовъ: **В. Латышева**. Эпиграммы **Димодока**. Изъ **Солона**: Седмицы человѣч. жизни. Изъ **Мосха**: Море и земля.
 5. **В. Тычининъ**, Витебскъ. Пушкинъ — воспитатель (оконч.)
 6. **Н. Шпаковский**, Ревель. Организация защиты въ Моск. государствѣ (прод.)
 7. **К. Котельниковъ**, Владивостокъ. Веч. пѣсни (подраж. древнимъ).
 8. **W. v. Oettingen**. Подъ солнцемъ Гомера. Путевыя впечатлѣнія. Съ нѣм. пер. В.
 9. **Пав. Ч—въ**, Казань. Переводы изъ др. писателей.
 10. **J. Rossignol**. Художники Гомера. Съ фр. пер. Д. Янчевецкій, Порт-артуръ. (прод.)
 11. Изъ **Горація**: *Sarm.* III 12. В. Лебедевъ, Кіевъ.
 12. **П. Теренцій**. Ком. «Братья». Перев. съ лат. **
 13. **И. Мордвиновъ**, Валкъ. «Суворовъ» (стих.).
 14. *Epigrammata aenigmata*. **К. Котельниковъ**, Владивостокъ.
- ИЗЪ ПЕЧАТИ:**
15. **В. Янч—ій**, Спб. Націон. русская школа.
 16. **В. Розановъ**. Школа и жизнь.
 17. **А. Башмаковъ**. Размышленія о русскомъ классицизмѣ.
 18. **Сигма**. Что такое «Русскій классицизмъ».

Сотрудники „Гимназіи“

Аренсбургъ. Свящ. І. Регема.

Баку. Е. Фехнеръ (г.).

Болховъ. М. Лисицынъ (б. пр. г.).

Варшава. И. Цвѣтковъ (г.).

— О. Вабнеръ (г.).

Витебскъ. В. Тычининъ (см. д. уч.).

Воронежъ. С. Николаевъ (г.).

Владивостокъ. К. Котельниковъ (г.).

Вятка. Ѳ. Волотниковъ (г.).

Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).

Гомель. М. Крашенинниковъ (г.).

Екатеринбургъ. Я. Владимировъ (г.).

Екатеринославъ. П. Козловскій (р. у.).

Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. у.).

Казань. Д. Нагуевскій (проф. ун.).

— А. Соловьевъ.

— Пв. Черняевъ (г.).

— Пт. Черняевъ (г.).

Калуга. Ѳ. Штифтаръ (г.).

Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).

Карачевъ. А. Овсянниковъ (прог.).

— Г. Фишеръ (инсп. прог.).

Кіевъ. Г. Александровскій (ж. г.).

— Я. Мищенко (г.).

— А. Семеновъ (г.).

— А. Степовичъ (дир.).

— А. Тиховъ (г.).

— Н. Уводскій (г.).

— А. Ярешъ (КПГ.).

— Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).

Кострома Н. Мурашевъ (г.)

Ломжа. Е. Гомеровъ (г.)

Люблинъ. В. Дмитріевскій (г.).

— В. Истоинъ (нач. уч. дир.).

— В. Эустахевичъ (г.).

Москва. П. Первовъ (Лаз. инст.).

— Э. Черный (г.).

— М. Лакомте (б. дир. г.).

Нижній Новгородъ. Ѳ. Ржига (г.).

Николаевъ. А. Салоникио (г.).

Новочеркасскъ. И. Автократовъ (г.).

Одесса. Е. Ветнекъ (г.).

— Ю. Стовикъ (б. дир. прог.).

Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).

Портартуръ. Д. Янчевецкій (Пуш-
кинская школа).

Ревель. Св. С. Архангеловъ (г.).

— С. Афанасьевъ.

— Л. Жярицкій (г.).

— И. Калнинъ (г.).

— Н. Шпаковский (г.).

— Г. Янчевецкій (дир. г.).

— В. Ястремскій.

Рига. М. Крыгинъ (р. уч.).

— С. Кузнецовъ (г.).

Ржевъ. И. Поликарповъ (прог.)

Ростовъ на Д. Н. Кораблевъ (р. у.).

Рыбинскъ. Н. Веригинъ (г.).

Рязань. М. Дроздовъ (дух. сем.).

Саратовъ. В. Боголюбовъ (дир. г.).

Симферополь. П. Брактенгеймеръ
(дир. р. у.).

Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).

С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).

— В. Варнеке (г.).

— В. Завадскій-Краснопольскій (г.).

— И. Киприановичъ (г.).

— А. Образцовъ (г.).

— А. Филоновъ (б. дир. г.).

Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).

Сувалки. А. Толубѣевъ (г.).

Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).

Ташкентъ. И. Любомірскій (г.).

Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).

— И. Виноградовъ (инсп. нар. уч.).

Тифлисъ. М. Здаевичъ (г.).

— А. Приселковъ (г.).

— В. Романовскій (г.).

Троицкъ. М. Вукъ (г.).

Харьковъ. М. Знаменскій (дир. г.).

Холмъ. В. Ипатовъ (г.).

Хортица. А. Нейфельдъ (д. центр. уч.).

Г. г. Подписчикамъ.

На 1901 годъ подписка на ж. «Гимназія» не объявлялась.

Если кто либо изъ г.г. Подписчиковъ имѣетъ какія-либо претензіи за недосланныя книжки за прежніе годы, таковыя претензіи, по первому требованію, немедленно будутъ удовлетворены бесплатною высылкою журнала за прежніе годы, по указанію г.г. Подписчиковъ.

Гимназія

ЖУРНАЛЪ ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed v magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

Годъ XIII

CXXVII

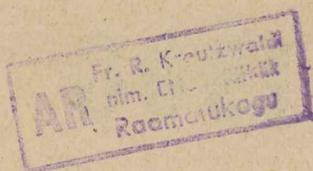
1900

Fr. R. Kreutzwaldi nim.
Eesti No. V
Riiklik Ajalik
Raamatukogu

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій».

Доволено цензурою. — Ревель, 28 сентября 1901 года.

~~65.631~~

На урокахъ Гомера.

XIV.

Гостинцы молодому челоѣву.

(Од. IV 587 сл., XV 101 сл.)

Г. Янчевскій, Ревель.

Во время пребыванія Телемаха въ Лакедемонѣ, Менелай предлагаетъ ему на прощанье гостинцы и говоритъ;

Веселые дамъ я гостинцы:

Дамъ тройку коней съ колесницей тѣченой и ковшикъ
Красивый, чтобъ ты у себя, возливая безсмертнымъ,
Блаженнымъ богамъ, и меня каждый день вспоминалъ бы.

Телемахъ однако не можетъ принять этихъ даровъ по слѣдующей причинѣ:

Гостинецъ, который ни даль бы, мнѣ будетъ на память;
Но взять лошадей не рѣшусь я съ собою въ Итаку:
Пусть будутъ тебѣ они въ радость. Для нихъ здѣсь долины
Широкія, лотосъ растетъ изобильно и киперь,
Пшеница и полба съ раскидистымъ бѣлымъ ячменемъ;
Въ Итакѣ же выгоновъ нѣтъ и луговъ нѣтъ просторныхъ:
Итака для козъ; но она мнѣ милѣй коневодной.

На это Менелай замѣчаетъ:

Отъ доброй ты крови, мой сынъ, если такъ говоришь ты.
Такъ я замѣню свой гостинецъ инымъ чѣмъ: найдется.
Я дамъ изъ сокровищъ, какія лежатъ въ моемъ домѣ
Гостинецъ прекраснѣйшій: онъ же и самый почетный:
Художный и чанъ тебѣ дамъ; весь серебряный чанъ тотъ.
А губы окрашены золотомъ—дѣло Пфеста!
А мнѣ подарилъ его Федимъ почтенный, сидонскій
Владѣтель, когда, на обратномъ пути, въ его домѣ
Гостилъ я: вотъ это тебѣ подарить я намѣренъ.

Передъ самымъ отъѣздомъ Телемаха, въ подаркахъ принимаетъ участіе и Елена:

Менелай въ кипарисную вышелъ палату,
Но былъ не одинъ: Меганею шелъ за нимъ и Елена.
Когда же въ палату спустились, гдѣ были ихъ клады,
То тамъ Менелай богомилый взялъ кубокъ двукубный,
А сыну велѣлъ Меганею серебряный чанъ взять.
Елена же къкладамъ своимъ подошла, гдѣ лежали
Покровы узорные, въ копѣхъ сама потрудилась.
Одинъ изъ нихъ выбравъ, Елена, богиня изъ смертныхъ,
Сама понесла, по узорамъ прекрасный, наибольшій,
Свѣтиломъ блестявшій и самымъ послѣднимъ лежавшій.

Вручая подарки, счастливые супруги высказывают свои пожеланія. Менелай говоритъ:

Дарю тебѣ чанъ сей художный: серебряный весь онъ.
А губы его въ позолотѣ: то—дѣло Ифеста;
А даль мнѣ его самъ Федимъ, царь сидонскій, почтенный,
Меня на возвратной дорогѣ въ палатахъ принявшій.
Вотъ этимъ-то даромъ тебя проводить я желаю.

Елена съ своей стороны прибавляетъ:

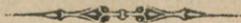
И я, милый сынъ, приношу тебѣ даръ свой отъ сердца,
Какъ память Елениныхъ рукъ, къ часу свадьбы счастливой.
Супругъ твоей, чтобъ носила; а раньше лежитъ пусть
Въ свѣтлицѣ у матери милой. Спиши же на радость
Въ свой домъ доброданный и въ милую землю родную.

Изъ этого эпизода мы видимъ, какъ старшій другъ вмѣстѣ съ своею супругой чествуютъ сына своего друга и сподвижника и, видя его мужающую юность, высказываетъ свои пожеланія для дальнѣйшей его жизни. Менелай даетъ кубокъ „двукубный“. Изъ другихъ мѣстъ Гомера мы можемъ догадываться, что кубокъ „двукубный“, т. е. съ двумя ручками, употреблялся на пирушкахъ, когда за виномъ шла оживленная бесѣда, и надпитый кубокъ передавался по очереди дальше. Но Менелай даритъ ему еще чанъ большой, вмѣщавшій не одно ведро, потому что изъ него черпали и разносили особыми кубками, какъ это видно изъ разныхъ мѣстъ.

Слѣдовательно, Менелай желаетъ Телемаху быть большимъ бариномъ и устраивать роскошные пиры. Если же принять во вниманіе, что чанъ былъ изъ лучшаго мѣста гомеровскаго искусства—Финикіи и притомъ серебряный съ позолотой, то значеніе подарка еще болѣе увеличивается.

Подарокъ Елены—„память Елениныхъ рукъ“, слѣдовательно, приготовленный тоже подъ влияніемъ знаменитыхъ финикійскихъ художницъ, представляетъ подарокъ „отъ сердца“, т. е. лучшее произведеніе тогдашней моды для дамъ высшаго круга въ ея же вкусъ, при чемъ Елена предлагаетъ, чтобы до свадьбы подарокъ хранился „въ свѣтлицѣ у матери милой“.

Слѣдовательно, Елена какъ бы говоритъ: „желаю, чтобы онъ былъ достойнымъ украшеніемъ будущей жены твоей, и надѣюсь, что и мать твоя этимъ уборомъ будетъ довольна“.

На урокахъ древнихъ ораторовъ.

Г. Цицеронъ.

Рѣчь за Милона.

Г. Янчевецкій, Ревель.

Предлагаемый отрывокъ представляетъ въ оригиналѣ очень благодарный матеріалъ для письменнаго перевода въ классѣ, въ 2—3 урока, — какъ это и было въ 1899—1900 уч. г., правда, при отличномъ составѣ многолюднаго V^{II} класса. Работа шла настолько успѣшно, что вся рѣчь была пройдена въ 2 мѣсяца безъ всякихъ пропусковъ.

Но авторъ всегда считалъ своею цѣлью, путемъ ознакомленія съ древнимъ ораторомъ, учить самому ораторскому искусству, насколько это достижимо при нашихъ, слабыхъ словомъ, воспитанникахъ. Многолѣтняя практика, преимущественно въ старшихъ классахъ, дала возможность автору выработать особый приѣмъ и нѣкоторый кодексъ постоянно изъ года въ годъ практикуемыхъ правилъ, благодаря которымъ ученики дѣйствительно приучались къ хорошей, не лишенной изящества, русской рѣчи.

Основные правила, которыми всегда руководствовался авторъ, при переводѣ какъ греческихъ, такъ и римскихъ писателей, были слѣдующія:

I. При устномъ переводѣ:

- 1) сколько словъ въ текстѣ, столько и въ переводѣ.
- 2) что въ началѣ, — не стѣсняться переносить въ конецъ, и наоборотъ.
- 3) возможно больше независимыхъ предложений.

- 4) всячески избѣгать причастій и мѣстоименій, особенно личнаго онъ, его и т. д. Мѣстоименіе „онъ“ хорошо замѣняетъ qui, когда предложеніе съ qui становится главнымъ.
- 5) одинаковыя выраженія оригинала одинаково передаются порусски.
- 6) совершенно избѣгать иностранн. словъ, за исключеніемъ техническихъ (консулъ, сенатъ и т. д.).

II. При письменномъ переводѣ (классномъ):

- 1) назначаемый отрывокъ никакъ не долженъ быть переданъ въ томъ же видѣ, какъ стоитъ въ оригиналѣ, а разбитъ на соотвѣтствующіе смыслу цѣльные отрывки.
- 2) не допускается болѣе одной страницы писать безъ красныхъ строкъ.

Переводя оратора, ученикъ долженъ помнить, что это—ораторъ, и переводя историка—что это историкъ, —благочестивый ли Геродотъ, или изящный Ксенофонтъ.

Предлагаемый отрывокъ представляется какъ образчикъ ученическаго перевода, исполненнаго по изложеннымъ правиламъ. Это почти буквальный списокъ съ тетрадей учениковъ, нынѣ кончившихъ: XIV гл. А. Газенкамфа и XV—XVI гл.—А. Грибанова.

Сис., pro Mil. XIV—XVI (36—44).

Остается доказать, что уже самый характеръ и привычки говорятъ за Милона, и что это-же самое обличаетъ Клодія.

— „Но Клодій никогда ничего не дѣлалъ посредствомъ насилія, а Милонъ все!“.

— Такъ-ли, судьи?

Когда я, къ вашему прискорбію, удалялся изъ Рима, развѣ я суда боялся? Не рабовъ ли? Не оружія ли? Не насилія ли? Да и какая могла бы тогда найтись законная причина для возвращенія моихъ правъ, развѣ не было законной причины для моего изгнанія? Конечно, онъ призвалъ меня къ суду, наложилъ денежный штрафъ, возбудилъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ; а мнѣ, разу-

мѣется, нужно было бояться суда въ моемъ—позорномъ дѣлѣ, а не въ вашемъ—прекраснѣйшемъ.

Нѣтъ, я не желалъ, чтобы мои сограждане, спасенные моими распоряженіями отъ опасностей, подвергались изъ-за меня оружію городскихъ бродягъ, рабовъ и преступниковъ. Вѣдь, я видѣлъ, самъ видѣлъ, какъ присутствующій здѣсь Кв. Гортензій, свѣтило и украшеніе государства, едва не былъ убитъ рабами, когда помогалъ мнѣ. Въ томъ столкновеніи доблестнѣйшій сенаторъ К. Вибиенъ, когда дѣйствовалъ за одно съ Гортензіемъ; такъ былъ избитъ, что лишился жизни.

Когда же послѣ этого отдыхалъ кинжалъ Клодія, который онъ принялъ отъ Катилины?

Кинжалъ былъ направленъ противъ насъ; но я не допустилъ, чтобы вы были выставлены ему изъ-за меня. Онъ тайно былъ направленъ противъ Помпея; онъ окровавилъ Аппіеву дорогу, въ память своихъ предковъ, убійствомъ Папірія; онъ же послѣ долгаго промежутка снова былъ обращенъ противъ меня: недавно опять, какъ вы знаете, онъ меня чуть не доконалъ у царскаго дворца.

Что же похорого выказалъ Милонъ? Все насиліе его всегда состояло въ томъ, чтобы Клодій не держалъ государства подъ гнетомъ насилія, — не могъ же онъ притащить Клодія на судъ! Если бы Милонъ захотѣлъ его убить, то сколько и какихъ было случаевъ, и притомъ самыхъ благопріятныхъ!

Развѣ онъ не могъ отомстить, по праву, когда защищалъ отъ нападенія Клодія свой домъ и боговъ-пенатовъ?

Развѣ не могъ, когда былъ раненъ его товарищъ, доблестнѣйшій римлянинъ и самоотверженнѣйшій гражданинъ П. Секстъ?

Развѣ не могъ, когда былъ осажденъ домъ справедливѣйшаго и самоотверженнѣйшаго претора Л. Цецилія?

Развѣ не могъ, когда былъ изгнанъ доблестнѣйшій Кв. Фабрицій, послѣ того какъ совершилась жесточайшая рѣзня на площади,—потому что Фабрицій хотѣлъ внести законъ о моемъ возвращеніи?

Развѣ не могъ сдѣлать въ день, когда внесено было предложеніе о моемъ возвращеніи, когда вся собравшаяся Италія, взволнованная вопросомъ о предложеніи, охотно признала бы славу этого подвига и когда весь Римъ считалъ бы его славу своею собственною, хотя бы это совершилъ и Милонъ?

39 А какое было благопріятное время!

Врагъ Клодія, знаменитый, неустрашимый консулъ, мститель за его преступленіе, поборникъ сената, защитникъ вашей вольности, попечитель общественнаго спокойствія, возстановитель моей жизни, Публій Лентулъ, семь преторовъ, восемь народныхъ трибуновъ—мои защитники, его противники!

Врагъ Клодія, руководитель и виновникъ моего возвращенія—Кней Помпей!

Его-то столь убѣдительною и блистательною рѣчи послѣдовалъ сенатъ въ вопросѣ о моемъ благѣ!

Онъ-то убѣдилъ весь римскій форумъ!

Онъ-то издалъ обо мнѣ декретъ въ Капуѣ, и самъ всей Италіи, тосковавшей и умолявшей о покровительствѣ, далъ сигналъ стекаться въ Римъ для возстановленія моихъ правъ!

40 Наконецъ тоска по мнѣ воспыкала всеобщей ненавистью къ Клодію. Всякій, убившій его тогда, былъ бы предметомъ разсужденій не о безнаказанности, но о наградѣ. Однако Милонъ сдержался и въ судъ обращался дважды, но къ насилію—ни разу.

Далѣе, Милонъ былъ частнымъ лицомъ и отвѣтчикомъ передъ народомъ по обвиненію Клодія, какъ вдругъ сдѣлано было нападеніе на Помпея, защищавшаго Милона. Какой это былъ не только случай, но и поводъ обуздать Клодія!

Недавно даже, когда благороднѣйшій юноша Маркъ Антоній, питавшій большую надежду на благоденствіе всѣхъ благонамѣренныхъ, принялъ на себя самую тяжкую часть государственныхъ дѣлъ, и этого звѣря, уклонявшагося отъ петли суда уже держалъ въ сѣтяхъ,—боги безсмертные!—какое было удобное мѣсто, какое удобное время!

Когда Клодій бѣжалъ и спрятался во мракѣ лѣстницъ, и Милонъ могъ уничтожить эту язву

безъ всякой личной ненависти, какую славу заслужилъ бы тогда Маркъ Антоній!

Далѣе, сколько разъ представлялась возможность при выборахъ на Марсовомъ полѣ, когда Клодій, позаботившись объ обнаженіи мечей, бросаніи камней, ворвался за рѣшетку, и вдругъ, испуганный выраженіемъ лица Милона, бѣжалъ къ Тибру, и вы всѣ благонамѣренные римляне высказывали желаніе, чтобы Милону дана была возможность примѣнить свою доблесть!

Стало бытъ, кого Милонъ не хотѣлъ убить при всеобщемъ сочувствіи, того убилъ по жалобѣ отдѣльныхъ лицъ? Кого не осмѣлился убить безнаказанно, въ свое время, въ удобномъ мѣстѣ, по праву, того не поколебался убить съ опасностью для своей головы, въ неблагоприятное время, въ неудобномъ мѣстѣ, безправно? Особенно, судьи, когда приближается день выборовъ и борьба за высшую почесть, въ это время,—я знаю,—какъ честолюбіе боязливо, насколько и какъ тревожно желаніе консульства. Мы тогда боимся всего, не только того, что можно порицать открыто, но и мыслить втайнѣ; пугаемся лживыхъ толковъ, выдуманыхъ и пустыхъ слуховъ; всматриваемся въ глаза и лицо каждаго. Да; нѣтъ ничего столь ненадежнаго, столь непрочнога, столь переменчиваго и шаткаго, какъ расположеніе и чувства къ намъ гражданъ, которые возстаютъ не только противъ недобросовѣстности кандидатовъ, но гнушаются часто и правильныхъ дѣйствій.

Стало бытъ, Милонъ, представляя себѣ этотъ долго жданный и желанный день, подходилъ къ этимъ священнымъ центуриатскимъ жертвоприношеніямъ съ окровавленными руками, открыто хвалясь преступнымъ злодѣйствомъ.

Какъ это невѣроятно въ Милонѣ! И какъ это неопровержимо въ Клодіи, когда онъ, убивъ Милона, надѣялся самовластвовать!

Далѣе, судьи,—и это—самое главное въ дерзости,—кто не знаетъ, что величайшею приманкою для преступленія служить сознаніе безнаказанности?

Въ комъ же изъ двухъ это было?

Въ Милонѣ ли, который теперь еще обвиняется въ славномъ и даже необходимомъ поступкѣ, или въ Клодіи, который настолько презиралъ судъ и кару, что его ничто не прельщало, что было пристойно по природѣ или дозволялось законами?

44 Но къ чему доказательства? Къ чему разглагольствія?

Къ тебѣ обращаюсь, самоотверженный и благомыслящій римлянинъ, Кв. Петилій! Тобою свидѣтельствуюсь, Маркъ Катонъ! Васъ мнѣ, такъ сказать, божественная судьба дала въ судьи. Вы слышали отъ Марка Фавонія слова Клодія, слышали при жизни Клодія — „Милонъ погибнетъ черезъ три дня“.

И преступленіе произошло черезъ три дня, послѣ того какъ сказалъ Клодій!.. И въ то время, какъ Клодій не постѣснялся открыть свои намѣренія, вы можете сомнѣваться, онъ-ли совершилъ?

П л а н ы

произведеній русской литературы

[Продолженіе см. «Гимн.» 1899. СХХІV—VI].

Θ. Болотничковъ. Вятка.

Н. М. Карамзинъ (1766—1826).

О любви къ отечеству и народной гордости.

(Отрывокъ 1802 г.)

А. *Приступъ*. Раздѣленіе общаго тематическаго понятія (любви къ отечеству).

Б. *Главная часть*.

I. Любовь физическая.

1. Опредѣленіе (любовь къ мѣсту рожденія и воспитанія).
2. Первое основаніе для любви физической (плѣнительныя воспоминанія о дѣтствѣ).
3. Доказательства:
 - а) доводъ логическій (воспоминаніе о дѣтствѣ, началѣ жизни, началѣ счастья и благополучія, имѣеть для насъ особенную прелесть, а это воспоминаніе связано съ родиной);
 - б) сравненіе (друзья всегда съ радостью вспоминаютъ о днѣ заключенія дружбы);
 - в) примѣръ (лапландецъ предпочтетъ суровую родину счастливой Италіи).
4. Второе основаніе для любви физической (расположеніе нервовъ).
5. Доказательства:
 - а) свидѣтельство (врачи совѣтуютъ больнымъ лѣчиться воздухомъ родины);
 - б) примѣръ (житель Швейцаріи, переселенный съ родины, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а на родинѣ вновь оживаетъ);

в) сравненіе (всякое растеніе имѣеть болѣе силы въ своемъ климатѣ).

6. Ограниченіе перваго основанія для любви физической (естественныя красоты только усиливаютъ любовь къ родинѣ, но не служатъ главнымъ основаніемъ для нея).

II. Любовь нравственная.

1. Источникъ этой любви (привычка).
2. Опредѣленіе (любовь къ согражданамъ).
3. Доказательства:
 - а) примѣръ (радостная встрѣча единоплеменцевъ на чужбинѣ);
 - б) свидѣтельство (голландскій патриотъ жалуется на скуку въ Швейцаріи, несмотря на то, что жизнь его обставлена всевозможными удобствами).

III. Любовь политическая (патриотизмъ).

1. Переходъ отъ любви физической и нравственной къ любви политической (любовь политическая стоитъ выше физической и нравственной).
 2. Опредѣленіе патриотизма (любовь ко благу и славѣ отечества).
 3. Причина, почему нужно быть патриотомъ (съ пользой отечества неразрывно связана наша собственная).
 4. Примѣры народовъ, наиболѣе извѣстныхъ патриотизмомъ (греки и римляне, англичане).
- В. *Заключеніе.* Указаніе на слишкомъ смиренное мнѣніе русскихъ о своемъ народномъ достоинствѣ, предостереженіе отъ излишняго ослѣпленія патриотической гордостью и приглашеніе къ смѣлому сознанію своихъ дѣйствительныхъ достоинствъ.
Идея. Русскіе должны любить свое отечество.

О счастливѣйшемъ времени жизни (1803 г.).

A. *Вступленіе.*

1. Опроверженіе мнѣній.
 1. Цицерона (старость лучшая пора жизни),
 2. Жанъ-Жака Руссо (младенчество лучший возрастъ),
 3. оптимистовъ Лейбница и Попа (вся жизнь человѣческая прекрасна).

- II. Взглядъ автора на земную жизнь: она полна недостатковъ.
- III. Заключительная мысль вступленія: въ собственномъ смыслѣ, счастливаго возраста нѣтъ, такъ какъ вся жизнь человѣческая полна случайностей, а есть только возрастъ болѣе счастливый, чѣмъ другіе, по сравненію.
- Б. *Главная часть.* Выясненіе вопроса, какой возрастъ болѣе счастливъ, по сравненію съ другими.
- I. Самый счастливый возрастъ есть „последняя степень физической зрѣлости“.
- II. Доказательства:
1. Доводы логическіе (въ пору мужества душевныя способности достигаютъ высшаго расцвѣта, человѣкъ научается узнавать свѣтъ и людей).
 2. Сравненіе (древесный плодъ слаще предъ началомъ увяданія).
 3. Доказательство отъ противнаго (если бы возрастъ мужества не былъ счастливѣйшимъ, то мы постоянно вспоминали бы о „живости и пылкости цвѣтущихъ дней молодости“; но на самомъ дѣлѣ въ пору мужества человѣкъ можетъ быть гораздо счастливѣе, чѣмъ въ юности).
 4. Болѣе частныя логическіе доводы—блага, внушаемыя человѣкомъ въ пору мужества:
 - а) человѣкъ наслаждается радостями семейными и общественными;
 - б) научается цѣнить истинное благо-здоровье;
 - в) въ пору мужества торжествуетъ геній.
- В. *Заключеніе.* Хотя авторъ не видалъ въ жизни счастья, но все-таки склоняется къ тому, что счастливѣйшая пора жизни—это возрастъ мужества. Идея этого произведенія высказана въ заключеніи.

Въ обоихъ разобранныхъ произведеніяхъ разъясняются мысли, высказанныя въ заглавіи сочиненій. Такое прозаическое сочиненіе, въ которомъ послѣдовательно разъясняется какая-либо мысль объ извѣстномъ предметѣ или событіи и подтверждается различнаго вида доказательствами, называется *разсужденіемъ*.

Есть пять видовъ доказательствъ: 1) *causae* (причины) — логическіе доводы, собственныя основанія, на

которыхъ авторъ утверждаетъ свою мысль; 2) *contrarium* (противное) — указаніе и опроверженіе мнѣнія, противоположнаго истинѣ, содержащейся въ темѣ (доказательство отъ противнаго); 3) *simile, aut comparatio* (подобіе или сравненіе)—объясненіе истины путемъ сравненія ея съ другою сходною истиною; 4) *exemplum* (примѣръ)—доказательство мысли примѣромъ изъ исторіи, жизни, природы; 5) *testimonium* (свидѣтельство)—подтверженіе доказываемой истины словами св. писанія, извѣстнаго писателя, народной пословицы и вообще ссылка на какой-либо авторитетъ.

Въ обоихъ разсужденіяхъ встрѣчающіяся въ нихъ мысли расположены въ опредѣленномъ порядкѣ, соответствующемъ освѣщенію главной мысли. Правильный способъ расположенія мыслей въ сочиненіи называется методомъ. Въ разсужденіи „О любви къ отечеству и народной гордости“ изъ общей мысли: „любовь къ отечеству присуща всѣмъ людямъ“ — выводится частная: „каждый русскій человѣкъ долженъ любить свое отечество“. Такой методъ называется синтетическимъ. Въ разсужденіи „О счастливѣйшемъ времени жизни“, наоборотъ, сначала разсматриваются разные возрасты (частныя понятія) въ отдѣльности, и потомъ уже выводится заключеніе, что счастливѣйшій возрастъ—пора мужества,—слѣдовательно, разрѣшается общій вопросъ: „какой возрастъ счастливѣе“. Такой методъ называется аналитическимъ.

Отрывки изъ «Исторіи государства Россійскаго».

Предисловіе (1815 г.)

A. *Опредѣленіе исторіи.*

B. *Значеніе исторіи.*

I. Польза исторіи:

1. для правителей и законодателей;
2. для простаго гражданина.

II. Удовольствія для сердца и разума, доставляемыя исторіей.

III. Преимущественное значеніе отечественной исторіи для каждаго человѣка.

IV. Интересъ, внушаемый каждому, человѣку изученіемъ русской исторіи.

1. Подъ властью Московскои державы

- а) слились въ одно громадное государственное цѣлое разныя земли и племена,
- б) мирно распространилась христіанская культура.

2. Въ русской исторіи есть немало замѣчательныхъ случаевъ, картинъ и характеровъ.

Идея: Исторія всякаго государства полезна и занимательна для каждаго человѣка—слѣдовательно, и исторія русскаго государства полезна и занимательна не только для русскаго, но и для всякаго народа.

(Какимъ методомъ написано разсужденіе?).

Осада и взятіе Кіева татарами (1807 г.).

А. Вступленіе.

1. Слава Кіева.
2. Живописное положеніе Кіева и впечатлѣніе, произведенное красивымъ городомъ на внука Чингисхана Мангу.
3. Безуспѣшная попытка Мангу склонить кіевлянъ къ подданству.
4. Данииль Галицкій, занявшій кіевскій престолъ, отправляется просить помощи противъ монголовъ у короля венгерскаго, а Кіевъ поручаетъ боярину Димитрію.

Б. Главная часть.

1. Нашествіе Батыя на Кіевъ.
2. Бодрое состояніе духа боярина Димитрія.
3. Начало осады.
4. Бой.
5. Побѣда и торжество побѣдителей—монголовъ.
6. Плачевное состояніе Кіева послѣ разгрома.
7. Удаленіе Батыя въ область Галицкую и Владимірскую.
8. Умный совѣтъ боярина Димитрія, вслѣдствіе котораго Батый удаляется изъ Россіи.
9. Благіе результаты ухода Батыя изъ Россіи.

В. Заключеніе. Состояніе Россіи послѣ татарскаго нашествія.

1. Свидѣтельства лѣтописцевъ.
2. Замѣчанія автора о бѣдствіяхъ, которыя претерпѣла Россія.

Идея: Россія претерпѣла отъ монголовъ ужасныя бѣдствія: съ ними можно сравнить только тѣ бѣдствія, которыя испытала Римская имперія отъ сѣверныхъ дикихъ народовъ.

Битва на Куликовомъ полѣ (1818 г.).

А. До битвы.

1. Совѣщаніе князей относительно перехода черезъ Донъ.
2. Рѣшеніе Дмитрія перейти рѣку и письмо св. Сергія.
3. Молитва Великаго князя и смотръ войскамъ послѣ перехода черезъ рѣку.

Б. Битва.

1. Встрѣча съ непріателемъ.
2. Начало битвы и храбрость великаго князя.
3. Самая битва:
 - а) перемѣнное счастье во время битвы;
 - б) выступленіе засаднаго полка и побѣда русскихъ надъ монголами.

В. Послѣ битвы.

1. Сборъ войскъ.
2. Розыски великаго князя и нахожденіе его подъ деревомъ.
3. Великій князь благодаритъ Бога за побѣду и изъявляетъ свою признательность воинству.
4. Осмотръ поля сраженія и послѣдняя дань убитымъ воинамъ.

Идея. Побѣдой надъ татарами на Куликовомъ полѣ великій князь Дмитрій прославилъ свое имя.

Въ послѣднихъ двухъ отрывкахъ мы видимъ простые рассказы о событіяхъ въ томъ порядкѣ времени, въ которомъ эти событія совершились. Такіе рассказы называются вообще повѣствованіями.

Іоаннъ III (1818 г.).

А. Внѣшняя политика Іоанна III.

1. Возвышеніе достоинства русскаго государя въ глазахъ иностранцевъ.
2. Возстановленіе свободы и цѣлости Россіи.
3. Благоразумная умѣренность въ политикѣ.

4. Союзы съ другими государствами при условіи ясной пользы для Россіи.
5. Слѣдствіе внѣшней политики — возвышеніе Россіи въ глазахъ другихъ государствъ.

Б. Внутренняя политика.

1. Отношеніе къ удѣльнымъ князьямъ — уничтоженіе родовыхъ преимуществъ и строгое подчиненіе удѣльныхъ князей власти монарха.
2. Отношеніе къ духовенству — предсѣдательство на церковныхъ соборахъ и подчиненіе духовенства власти государя.
3. Пышная торжественность при приѣмахъ.
4. Слѣдствіе внутренней политики — возвышеніе личности монарха въ глазахъ народа.

В. Нравственныя качества Иоанна III.

1. Жестокость, умѣряемая разумомъ.
2. Благоразумная осторожность и ея результаты.

Г. Взгляды историковъ на Иоанна III:

1. современныхъ Иоанну,
2. позднѣйшихъ,
3. взглядъ самого автора.

Идеей этого отрывка могутъ служить слѣдующія слова Карамзина, сказанныя въ „Предисловіи“: „Одно государственіе Иоанна III есть рѣдкое богатство для исторіи: по крайней мѣрѣ, не знаю монарха, достойнѣйшаго жить и сіять въ ея святилищѣ“.

Митрополитъ Филиппъ (1820 г.)

А. Жизнь св. Филиппа въ Соловецкомъ монастырѣ.

1. Строгая жизнь игумена.
2. Дѣятельныя занятія хозяйствомъ.
3. Дружба св. Филиппа съ Сильвестромъ, кончившимъ дни въ Соловецкомъ монастырѣ.
4. Значеніе бесѣдъ св. Филиппа съ Сильвестромъ: эти бесѣды, вѣроятно, подготовили Филиппа къ великому подвигу — дѣятельности въ санѣ митрополита.

Б. Избраніе св. Филиппа въ санъ митрополита.

1. Причина избранія — христіанскія добродѣтели избранника.

2. Отвѣздъ св. Филиппа изъ Соловецкаго монастыря.
3. Привѣтствіе, оказанное жителями Новгорода св. Филиппу.
4. Встрѣча св. Филиппа съ царемъ — царь предлагаетъ Филиппу санъ митрополита.
5. Условіе, предложенное св. Филиппомъ царю (уничтоженіе опричнины), и безуспѣшность просьбъ святителя.
6. Св. Филиппъ принимаетъ санъ митрополита, подъ условіемъ не вмѣшиваться въ опричину государеву и въ дѣла мірскія.
7. Привѣтственная рѣчь митрополита къ Іоанну — напоминаніе объ обязанностяхъ державныхъ властителей.
8. Первые дни митрополита св. Филиппа въ санѣ митрополита.

В. Смѣлая дѣятельность св. Филиппа.

1. Сцена въ церкви Успенія: св. Филиппъ обличаетъ Іоанна въ недостойныхъ православнаго царя поступкахъ.
2. Гнѣвъ царя: допросы и казни.
3. Сцена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ: митрополитъ негодуетъ на безчинство одного изъ опричниковъ.
4. Гнѣвъ царя и непристойное поведеніе по отношенію къ митрополиту.

Г. Судъ надъ митрополитомъ.

1. Посольство въ Соловецкій монастырь съ цѣлью оклеветать митрополита.
2. Первая сцена на судѣ.
 - а) Дерзкая клевета игумена Паисія и отвѣтъ митрополита ему.
 - б) Смѣлая и правдивая рѣчь митрополита къ царю.
 - в) Обращеніе митрополита къ духовенству съ просьбой быть вѣрными служителями церкви.
 - г) Царь приказываетъ св. Филиппу не слагать съ себя до суда сана митрополита.
3. Сцена въ храмѣ Успенія въ день архангела Михаила: опричники срываютъ съ митрополита святительскую одежду.

4. Митрополитъ въ судной палатѣ:
 - а) ему объявляютъ, что онъ долженъ кончить дни свои въ заточеніи, какъ уличенный въ тяжкихъ винахъ и волшебствѣ;
 - б) прощанье св. Филиппа съ міромъ и послѣдняя просьба его къ царю сжалиться надъ Россіей.
5. Страданія св. Филиппа въ заточеніи.

Идея. Митрополитъ Филиппъ является истиннымъ пастыремъ церкви и великодушнымъ страдальцемъ.

Вторая половина царствованія Годунова (1824 г.).

- A. *Вступленіе*. Счастливые годы (два первые) царствованія Бориса Годунова.
 1. Безопасность Россіи со стороны внѣшней.
 2. Внутренній порядокъ въ Россіи.
 3. Любовь Россіи къ царю.
- B. *Главная часть*. Несчастные годы (остальные) его царствованія.
 - I. Удаленіе вѣнценосца отъ россіянь подъ давленіемъ своей тайны и желаніе его невидимо присутствовать въ ихъ жилищахъ и мысляхъ.
 - II. Бѣдствія народныя вслѣдствіе терзаемой совѣсти Бориса.
 1. Опалы и ссылки по подозрѣнію и доносамъ.
 2. Нравственное развращеніе народа и общая любовь къ царю.
 - III. Бѣдствія народныя, посланныя свыше за беззаконія царя:
 1. Голодъ.
 2. Разбои.
 3. Самозванецъ.
 4. Смерть Бориса.
- B. *Заключеніе*. Имя Годунова, разумнѣйшаго изъ влстителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій будетъ произноситься съ омерзѣніемъ.

Идея этого отрывка можетъ быть выведена изъ заключенія: имя Годунова, одного изъ разумнѣйшихъ влстителей въ мірѣ, въ теченіе столѣтій было и будетъ произноситься съ омерзѣніемъ во славу нравственного неуклоннаго правосудія. Борисъ совершилъ весьма

много дурныхъ поступковъ; а всѣ его благія мѣропрія-
тія, яркія для ума, хладны для сердца, удостовѣреннаго,
что Борисъ не усумнился бы ни въ какомъ случаѣ дѣй-
ствовать вопреки своимъ мудрымъ государственнымъ
правиламъ, если бы властолюбіе потребовало отъ него
такой перемѣны...

Въ трехъ послѣднихъ открывкахъ указывается вну-
тренняя природа разныхъ лицъ, ихъ душевныя свой-
ства. Если и указываются событія внѣшнія, то лишь
потому, что они обнаруживаютъ особенности внутренней
природы этихъ лицъ. Такое описательно-повѣствователь-
ное (часть описательная—указаніе чертъ характера; по-
вѣствовательная—указаніе на внѣшніе факты) сочиненіе,
въ которомъ въ логической послѣдовательности указы-
вается внутренняя природа какого-либо предмета въ
связи съ проявленіемъ ея во внѣшности, называется
характеристикою.

И. И. Дмитріевъ (1760 — 1837).

Чужой толкъ (1795 г.)

А. *Вопросъ старика къ автору о причинахъ неизвѣстности
современныхъ одописцевъ.*

1. Оды истинныхъ поэтовъ.
2. Оды стихоплетовъ:
 - а) стараніе авторовъ;
 - б) громадный объемъ одъ;
 - в) искусственное построеніе одъ;
 - г) общая характеристика плохихъ одъ и впе-
чатлѣніе, производимое ими на читателя.

Б. *Недоумѣніе автора передъ вопросомъ старика.*

В. *Отвѣтъ Аристарха старику. Выясненіе причинъ пло-
хого качества современныхъ одъ.*

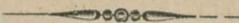
1. Взглядъ авторовъ на поэзію, какъ на занятіе
второстепенное.
2. Противоположность между цѣлями древнихъ и
современныхъ авторовъ.
3. Примѣръ, какъ пишутся современныя хвалеб-
ныя оды.
4. Безграмотность современныхъ стихоплетовъ и
отсутствіе въ нихъ истинно-поэтической отзыв-
чивости.

Г. *Призывъ авторовъ къ мести за поруганную честь.*

Идея. Поэзія есть удѣлъ немногихъ, истинныхъ талантовъ.

Въ указанномъ стихотвореніи авторъ смѣется надъ такими людьми, которые, не имѣя поэтическаго таланта, берутся писать стихи. Такія лирическія стихотворенія, „въ которыхъ изображаются чувства смѣха, презрѣнія, негодованія поэта по поводу общественныхъ недостатковъ въ связи съ общимъ указаніемъ самыхъ пороковъ и предразсудковъ, общества, называются сатирами“ *).

*) М. Соколовскій. Опытъ аналитико-историческаго курса теоріи словесности.

Эпиграммы Димодока.

1.

(Вотъ Димодоково слово): Милитяне, право, не глупы,
Но поступають во всемъ жалкимъ подобно глупцамъ.

2.

Вотъ Димодоково слово: Хіосцы,—не тотъ или этотъ,—
Всѣ кромѣ Прокла дурны: но изъ Хіоса и Прокль.

3.

Всѣ Киликійцы—прескверные люди; среди Киликійцевъ
Только Киниръ лишь хорошъ; но—Киликіецъ и онъ!

4.

Каппадокійца ужалила злая эхидна и тутъ-же
Мертвой упала сама, крови зловредной испивъ.

«На досугъ».

Переводы изъ древнихъ авторовъ.

В. В. Латышева.

деревенской глуши, въ домѣ Лариныхъ, Онѣгинъ, умѣвший
«шутя невинность изумлять».

. Онѣгина явленіе
У Лариныхъ произвело
На всѣхъ большое впечатлѣніе
И всѣхъ сосѣдей развлекло.
Пошла догадка за догадкой.
Всѣ стали толковать украдкой,
Шутить, судить не безъ грѣха,
Татьянѣ прочить жениха.

Татьяна, какъ дѣвушка съ чистой душой, обижалась на
сплетни сосѣдей и вовсе не пришла въ восторгъ отъ своего
невѣстинскаго положенія, что было бы въ ларинскомъ вкусѣ,
а только

. . . въ сердце дума заронилась;
Пора пришла, она влюбилась.

Теперь Татьяна еще съ большимъ увлеченіемъ отдалась
романамъ, гдѣ герои

Всѣ для мечтательницы нѣжной
Въ единый образъ облеклись,
Въ одномъ Онѣгинѣ слились.

Пушкинъ недаромъ назвалъ Татьяну мечтательницей «нѣж-
ной»: она не забросила книги ради одного портрета Онѣгина,
а напротивъ, упивалась ароматомъ наивной и платонической
любви къ Онѣгину. За это-то дѣтское простодушіе Пушкинъ
и обращается къ Татьянѣ съ грустной и трогательной лаской:

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью:
Ты въ руки моднаго тирана
Ужъ отдала судьбу свою.

Поэтъ не винить Татьяну за эту любовь «къ модному
тирану», а только отечески жалѣть ее, не винить потому, что

Татьяна любить не шутя
И предается безусловно
Любви, какъ мзлое дитя.

Не предайся она любви безусловно, не будь она малымъ дитятей, Татьяна не написала бы Онѣгину неподражаемаго письма, которымъ онъ «живо тронуть былъ». Явившись къ Ларинымъ, Онѣгинъ сдѣлалъ Татьянѣ нѣсколько внушительныхъ и красивыхъ наставленій. Въ отвѣтъ на нихъ ни истерики, ни упрековъ, ни угрозы пожертвовать жизнью, а

Сквозь слезъ не видя ничего,
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его.

Онѣгинъ уѣхалъ изъ деревни. Горькая встрѣча съ нимъ не сдѣлала Татьяну хуже, лишь больше заставила ее грустить:

Какъ тѣнь она безъ цѣли бродить,
То смотреть въ опустѣлый садъ...

Татьяна не умѣла разочароваться въ Евгеніи,

И въ одиночествѣ жестокомъ
Сильнѣе страсть ея горить,
И объ Онѣгинѣ далеко
Ей сердце громче говорить.

Этотъ же самый «громкій голосъ сердца» привелъ ее потомъ къ нѣкоторому раздумью. Татьяна оказалась въ опустѣломъ домѣ Онѣгина, гдѣ попались ей книги съ разными отмѣтками рукою Евгенія —

И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангель, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ?
Словъ модныхъ лексиконъ?...

Изъ просмотрѣнныхъ въ кабинетѣ Онѣгина книгъ для Татьяны «открылся міръ иной», въ которомъ теперь стала

она понимать, кромѣ мукъ любви, есть другія страданія и скорби, есть долгъ, противорѣчащій иногда личнымъ чувствамъ и влеченіямъ. Отецъ Татьяна умеръ. Денежныя дѣла Лариныхъ пошатнулись. Мать уговаривала ее выйти за мужъ за кого-нибудь изъ представлявшихся жениховъ, чѣмъ обезпечивалось бы положеніе ихъ обѣихъ. Личныя чувства и требованіе обстоятельство въ формѣ настойчиваго долга къ матери, два противорѣчивые и одинаково сильные мотива, стояли предъ неопытной Татьяной, — положеніе трагическое, которое у людей средняго душевнаго склада могло бы разрѣшиться какой-нибудь катастрофой или банкротствомъ чувствъ. А Татьяна, сохраняя прежній нравственный обликъ, подчинилась лишь тому, о чемъ ее

. . . . съ слезами заклинаній

Молила мать; для бѣдной Тани.

Всѣ были жребіи равны...

Если для дѣвушки «всѣ жребіи равны», то ей только и остается искать коммерческаго брака: объ идеальныхъ сторонахъ челоуѣка и рѣчи быть не можетъ. Татьяна должна бы была сдѣлаться совершенно другой, между тѣмъ мы видимъ ее прежней Таней. На московскомъ балу, «на ярмаркѣ невѣсть», гдѣ для достиженія выгоднаго замужества требовались нарочитые невѣстинскіе приемы,

Межъ двухъ тетокъ у колонны,

Незамѣчаема никѣмъ,

Татьяна смотритъ и не видитъ,

Волненье свѣта ненавидитъ;

Ей душно здѣсь... она мечтой

Стремится къ жизни полевой,

Въ деревню, къ бѣднымъ поселянамъ,

Въ уединенный уголокъ,

Гдѣ льется свѣтлый ручеекъ,

Къ своимъ цвѣтамъ, къ своимъ романамъ.

Желаніе матери исполнилось блестящимъ образомъ: дочь вышла за важнаго генерала. Совершенно измѣнившееся поло-

женіе Татьяны нисколько не измѣнило ее въ ея человѣческихъ и женственныхъ достоинствахъ. Татьяна, къ большей чести ея сказать, усвоила только тактъ:

Она была не тороплива,
 Не холодна, не говорлива
 Безъ взора наглаго для всѣхъ,
 Безъ притязаній на успѣхъ,
 Безъ этихъ маленькихъ ужимокъ,
 Безъ подражательныхъ затѣй...
 Все тихо, просто было въ ней.

Глазъ не хотеть оторваться отъ Татьяны, такъ она проста, мила, человѣчна, съ такимъ сознаніемъ своего женскаго достоинства, котораго сама не замѣчаетъ, высокій образецъ женщины. Татьяна сдѣлалась столичной великосвѣтской дамой. Когда, много времени спустя Онѣгинъ встрѣтился съ ней въ этомъ свѣтѣ,

У ней и бровь не шевельнулась,
 Не сжала даже губъ она.
 Хоть онъ глядѣлъ нельзя прилежниѣй,
 Но и слѣдовъ Татьяны прежней
 Не могъ Онѣгинъ обрѣсти.

При всей своей опытности и бывалости Онѣгинъ совершенно ошибся въ Татьянѣ. Эта ошибка открылась въ то время, когда Татьяна рѣшительнымъ образомъ отклонила отъ себя запоздалое вниманіе Евгенія. Свѣтская жизнь вовсе не увлекла Татьяну, которая говорить:

. Сейчасъ отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этотъ блескъ, и шумъ, и чадъ
 За полку книгъ, за дикій садъ,
 За наше бѣдное жилище...

Вспомине гдеревенскую Таню и послушайте эту свѣтскую львицу: совершенно одинъ душевный обликъ, —какая цѣльная убѣжденная, чистая и благородная натура! Теперешняя вели-

косвѣтская Татьяна, говоритъ Достоевскій, «та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротивъ, удручена этою плшною петербургскою жизнью, надломлена и страдаетъ; она ненавидитъ свой санъ свѣтской дамы, и кто судитъ о ней иначе, тотъ совсѣмъ не понимаетъ того что хотѣлъ сказать Пушкинъ. И вотъ она твердо говоритъ Онѣгину:

Но я другому отдана,
И буду вѣкъ ему вѣрна.

Высказала она это именно, какъ русская женщина, въ этомъ ея апоэоза. Она высказываетъ правду поэмы. И самъ поэтъ называетъ Татьяну своимъ «вѣрнымъ и милымъ идеаломъ».

Вотъ образецъ, при всемъ трагизмѣ положенія, нравственной чистоты и самообладанія русской женщины. Подобными же чертати отмѣчены у Пушкина и другія женщины: Марья Ивановна въ «Капитанской дочкѣ», Лизавета Муромцева въ «Барышнѣ крестьянкѣ», Марья Троекурова въ «Дубровскомъ». Русской женщиѣ есть чему поучиться у поэта, есть за что сказать ему сердечное спасибо.

Можно поучиться у Пушкина и всемъ русскимъ людямъ, поучиться, напр., разумно и горячо любить родину, поучиться тому патриотизму, который желаетъ выбиться изъ доморощенной грязи, возвыситься, облагородить и твердо постоять за то, чѣмъ можетъ и должна быть дорога и сильна родная страна, родной народъ. Вотъ теорія Пушкинскаго патриотизма въ его «Запискахъ»: «Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушіе... Можетъ ли быть порокомъ въ частномъ человѣкѣ то, что почитается добродѣтелью въ цѣломъ народѣ? Предразсудокъ сей... служить только къ распространенію низкаго эгоизма. Безкорыстная мысль, что внуки будутъ уважены за имя, нами имъ переданное, не есть ли благороднѣйшая надежда человѣчскаго сердца?»

Эта теорія раскрыта поэтомъ въ его художественныхъ

созданiяхъ. Разверните, напр, одну изъ типическихъ страничекъ «Полтавы», гдѣ говорится о моментѣ предъ рѣшительнымъ Полтавскимъ боемъ:

Тогда то свыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сiютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенъя быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божiя гроза.

Точно Пушкинъ былъ очевидцемъ, такъ богато, живо и правдиво его изображение. Иного портрета Петра въ отмѣченный моментъ и представить нельзя. Этотъ портретъ не допускаетъ сомнѣнiя въ побѣдѣ надъ врагомъ: гигантская энергiя Петра должна была электрической искрой пробѣжать по полкамъ, которые могли умереть или побѣдить. Въ нужные моменты у русскаго царя съ русскимъ солдатомъ (и народомъ) одна душа. Такъ сознаетъ себя народъ, такъ понималъ народное сознанiе Пушкинъ.

Поэтъ переноситъ это самосознанiе во всей его неприкосновенности на позднѣйшiя времена. Воспользовавшись вѣздомъ Татьяны (въ «Онѣгинѣ») въ Москву, Пушкинъ дѣлаетъ поэтическое отступленiе отъ основной фабулы своей поэмы и даетъ такое описанiе столицы, вспомнивши при этомъ и о «двѣнадцатомъ годѣ»:

Но вотъ ужъ близко. Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы.
Ахъ, братцы, какъ я былъ доволенъ,
Когда церковей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!

Какъ часто въ горестной разлукѣ,
 Въ моей блуждающей судьбѣ,
 Москва, я думалъ о тебѣ!
 Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
 Для сердца русскаго слилось,
 Какъ много въ немъ отозвалось!

.....
 Напрасно ждалъ Наполеонъ,
 Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
 Москвы колѣнопреклоненной
 Съ ключами стараго Кремля:
 Нѣтъ, не пошла Москва моя
 Къ нему съ повинной головою,...

Дѣло, конечно, не въ Москвѣ самой по себѣ, съ ея физическими и нравственными недостатками, какіе вездѣ есть; неоцѣнимый и незамѣнимый интересъ въ старомъ Кремлѣ, въ благоговѣйныхъ народныхъ симпатіяхъ къ его святынямъ и историческимъ преданіямъ; въ томъ, что русскій человѣкъ въ страшную годину не пошелъ изъ этой самой Москвы съ поклономъ къ своему врагу, а ея пожаромъ спасъ Россію. Тутъ не одна Москва, а вся Россія. Въ томъ то и сила Пушкинскаго генія и его патріотизма, что онъ думалъ и чувствовалъ народными инстинктами, говорить не отъ себя только и за себя, а воплощалъ въ своемъ творчествѣ народно-національную стихію. Безъ этого Пушкинъ былъ бы забытъ.

Подобный же мотивъ и въ стихотвореніи «Къ тѣни полководца»:

Передъ гробницею святой
 Стою съ поникшею главой...
 Все спитъ кругомъ; однѣ лампы
 Во мракѣ храма золотятъ
 Столбовъ гранитныя громады
 И ихъ знаменъ нависпій рядъ.
 Подъ ними спитъ сей властительинъ,
 Сей идолъ сѣверныхъ дружинъ,

Маститый стражъ страны державной,
Смиритель всѣхъ ея враговъ...

.
Въ твоёмъ гробу восторгъ живетъ!
Онъ русскій гласъ намъ издаеть:
Онъ намъ твердитъ о той годинѣ,
Когда народной вѣры гласъ
Воззвалъ къ святой твоей сѣдинѣ:
«Иди, спасай!» Ты всталъ и спасъ...

Религіозные символы, воинскія эмблемы, величаяя тѣнь полководца, «народной вѣры гласъ» и царское желанье, — полный національный, религіозно-политическій культъ. Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ!

Опираясь на такую цѣлостность и единство русскаго народа, Пушкинъ имѣлъ безспорное право обратиться къ «Клеветникамъ Россіи»:

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анзѣмой грозите вы Россіи?
Что возмутило васъ? Волненія Литвы?
Оставьте: это споръ славянъ между собою,
Давнишній, старый споръ, ужъ взвѣшенный судьбою;
Вопросъ, котораго не разрѣшите вы.

.
Оставьте насъ: вы не читали
Сіи кровавыя скрижали;
Вамъ непонятна, вамъ чужда
Сія семейная вражда;
Для васъ безмолвны Кремль и Прага;
Безсмысленно прельщаетъ васъ
Борьбы отчаянной отвага
И ненавидите вы насъ...
За что-жь? Отвѣтствуйте: за то ли,
Что на развалинахъ вылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, подъ кѣмъ дрожали вы?

За то ль, что въ бездну повалили
Мы тяготѣющій надъ царствами кумиръ
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и миръ?..

Правдивый, искренній, воодушевленный и громкій голосъ лучшаго изъ русскихъ людей. Это произведеніе называютъ риторическимъ. Можетъ быть, и есть въ немъ какой-нибудь художественный изъянъ, но онъ безслѣдно тонетъ въ безднѣ здравыхъ патріотическихъ чувствъ поэта, которыя сообщаются всякому русскому сердцу.

Память Пушкина пыгаются иногда омрачить сомнѣніемъ въ его религіозности, причемъ ссылаются на извѣстное стихотвореніе:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

На что митрополитъ Филаретъ отвѣтилъ:

Не напрасно, не случайно —
Жизнь для жизни намъ дана... и т. д.

Сомнѣніе по существу очень серьезное, но на самомъ дѣлѣ совершенно напрасное. Правда, что Пушкинъ заплатилъ въ этомъ отношеніи дань своему времени и своей юности. Но каждый ли, положи руку на сердце, съ полною увѣренностью скажетъ себѣ, что за нимъ никогда не было никакихъ ошибокъ и увлеченій, исчезнувшихъ потомъ безъ малѣйшаго слѣда? Душа Пушкина—огонь, а гдѣ огонь, тамъ возможно и злокачественное пламя. Это мигнующее пламя поэта погасло и замѣнилось нѣжнымъ, мягкимъ, успокоительнымъ свѣтомъ, — расканіемъ, съ которымъ онъ обратился къ митрополиту Филарету.

Въ часы заабвъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрять изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звукъ я прерываль,

Когда твой голосъ величавый
 Меня внезапно поражалъ.
 Я лить потоки слезъ неожиданныхъ,
 И ранамъ совѣсти моей
 Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
 Отрадены чистый былъ елей.
 И нынѣ съ высоты духовной
 Мнѣ руку простираешь ты,
 И силой кроткой и любовной
 Смиряешь буйныя мечты.
 Твоимъ огнемъ душа палима,
 Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
 И внемлетъ арфѣ серафима
 Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Едва ли можно не повѣрить такой исповѣди. Пусть всякій православный такъ кается въ своихъ грѣхахъ. Едва ли невѣрующему можно такъ простодушно замаскировать свое невѣріе. Нѣтъ, это звуки вѣрующаго сердца.

Пушкинъ считалъ свою литературную дѣятельность священнымъ призваніемъ, приравнивалъ поэтическое дарованіе къ пророческому дару:

Духовной жаждою томимъ,
 Въ пустынь мрачной я влачился,
 И шестикрылый серафимъ
 На перепутьи мнѣ явился;
 Перстами легкими, какъ сонъ,
 Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
 Отверзлись вѣщія зѣницы,
 Какъ у испуганной орлицы.
 Моихъ ушей коснулся онъ,
 И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
 И внялъ я неба содроганье,
 И горній ангеловъ полеть,
 И гадъ морскихъ подводный ходъ,
 И дольней лозы прозябанье.

И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
 И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
 И празднословный и лукавый,
 И жало мудрыя змѣи
 Въ уста замершія мои
 Вложилъ десницею кровавой.
 И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
 И сердце трепетное вынулъ,
 И уголь, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ.
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 «Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
 Исполни волею Моею
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей!»

Въ этой поразительной картинѣ живо отразилось библейское настроеніе, написана она въ стилѣ священныхъ книгъ, притомъ съ отміною убѣжденностью и неподражаемою легкостью. Такъ не написать невѣрующему, хотя бы и гениальному человѣку. Здѣсь человѣческій гений всецѣло проникнуть религиознымъ міросозерцаніемъ.

Душа поэта жила въ Богѣ, если онъ умѣлъ выражать свое молитвенное настроеніе въ такихъ произведеніяхъ, какъ его «Молитва»:

Отцы-пустынники и жены непорочны,
 Чтобы сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобы укрѣплять его среди дольнихъ бурь и битвъ,
 Сложили множество божественныхъ молитвъ;
 Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
 Какъ та, которую священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста;
 Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста,
 И надшаго свѣжитъ невѣдомою силой:
 «Владыка дней моихъ! духъ праздности унылой,

Любоначала, змиѣ сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей;
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви
 И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ obnovи».

Поэтъ, какъ истый христіанинъ, смиренно признаетъ свою грѣховность передъ Богомъ и проситъ «оживить» въ его сердцѣ всѣ добрые помыслы. Тутъ нѣтъ ни одной фальшивой ноты. Подобнымъ образомъ молится въ душѣ всякій истинно-православный христіанинъ. Это «Молитва» русскаго христіанина.

Пушкинъ вѣровалъ одинаково съ своимъ народомъ, а какъ вѣруетъ русскій народъ, — для образца этой вѣры поэтъ устами пастуха въ «Борисѣ Годуновѣ» рассказываетъ о чудѣ при гробѣ царевича Дмитрія. «Я, передаетъ пастухъ свою грустную повѣсть, въ молодыхъ еще лѣтахъ ослѣпъ. Послѣ разныхъ зелей и нашептываній,

Напрасно я ходилъ на поклоненье
 Въ обители къ великимъ чудотворцамъ;
 Напрасно я изъ кладезей святыхъ
 Кропилъ водой цѣлебной темны очи —
 Не посылалъ Господь мнѣ исцѣленья.

.

Но вотъ —

Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
 Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
 Ты въ Угличь-градъ, въ соборъ Преображенья;
 Тамъ помолись ты надъ моей могилой,
 Богъ милостивъ — и я тебя прощу.
 Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
 Царевичъ я Дмитрій. Царь небесный
 Пріялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ,
 И я теперь великій чудотворецъ.

.

Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 Въ святой соборъ и слушаю обѣдню,
 И, разгораясь душой усердной, плачу
 Такъ сладостно, какъ будто слѣпота
 Изъ глазъ моихъ слезами вытекала.
 Когда народъ сталъ выходить; я внуку
 Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 Царевича Димитрія. И мальчикъ
 Повелъ меня и, только передъ гробомъ
 Я тихую молитву сотворилъ,
 Глаза мои прозрѣли, я увидѣлъ
 И Божій свѣтъ, и внука, и мсгилку.

Кто не пожелалъ бы имѣть такую вѣру? А чтобы передать ее въ звукахъ, поэту самому необходимо было пережить все богатство религиозныхъ чувствъ и умилиться ихъ свято-стью. А какое, напр., высокое чувство христіанскаго всепрощенія влагаетъ Пушкинъ въ уста Пимена:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
 Земли родной минувшую судьбу;
 Своихъ царей великихъ поминаютъ
 За ихъ труды, за славу, за добро,
 А за грѣхи, за темныя дѣянья
 Спасителя смиренно умоляютъ.

Въ послѣднихъ двухъ строкахъ вся православно-христіанская этика русскаго человѣка. Такія мысли и чувства равнодушнымъ къ религіи людямъ недоступны.

И въ другихъ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина много мѣстъ, прямо или косвенно свидѣтельствующихъ о его религиозной вѣрѣ, религиозныхъ чувствахъ, религиозной нравственности и религиозномъ пониманіи человѣческой жизни. О томъ же говорятъ и его разсужденія по различнымъ поводамъ. Вотъ какъ напр., заканчиваетъ Пушкинъ разборъ «Словаря о святыхъ»: къ немалому удивленію «есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы и чью память празднуютъ ежегодно». Или

не менѣе стоитъ припомнить почтительное отношеніе Пушкина («О сочиненіяхъ Георгія Конисскаго») къ православной церкви и православному духовенству въ Западномъ краѣ, гдѣ православныхъ людей тѣснила католическая пропаганда. Невѣрующему человѣку странно было бы говорить по вѣроисповѣднымъ вопросамъ, а если бы и заговорилъ, то далъ бы предмету своей рѣчи совѣтъ не ту окраску.

А о чемъ свидѣтельствуетъ предсмертное поведеніе поэта, такъ трогательно описанное Жуковскимъ въ письмѣ къ отцу Александра Сергѣевича, какъ не о религіозности его? «Пушкинъ исповѣдался и причастился съ глубокимъ чувствомъ». Когда къ постели умирающаго, по его требованію, привели дѣтей, «онъ на каждого оборачивалъ глаза молча, клалъ ему на голову руку, крестилъ и потомъ движеніемъ руки отсылалъ». Пріѣхавшей Карамзиной сказалъ: «перекрестите меня». Сцену прощанья Александра Сергѣевича съ женой Жуковскій отказался описывать.

«Пришелъ, говорится въ письмѣ кн. Вяземскаго къ Булгакову, священникъ, исповѣдалъ и причастилъ. Священникъ говорилъ мнѣ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій. Пушкинъ никогда не былъ вольнодумцемъ, по крайней мѣрѣ не былъ имъ въ послѣдніе годы жизни своей; напротивъ, онъ имѣлъ сильное религіозное чувство: читалъ и любилъ читать Евангеліе, былъ проникнутъ красотою многихъ молитвъ, зналъ ихъ наизусть и часто твердилъ ихъ».

Природный геній, богатая душа, любовь къ родному народу съ его исторіей и религіозная вѣра, при всей гражданской грусти и личныхъ горестяхъ поэта, дали въ общемъ оптимистическій колоритъ его поэзіи, такой розовый, успокоительный, примиряющій и ласкающій оттѣнокъ, который можетъ облегчить и украшать людскую жизнь. Вотъ какъ Пушкинъ умѣлъ утѣшать:

Если жизнь тебя обманетъ,
 Не печалься, не сердись!
 Въ день унынія смирись!

День веселья, вѣрь, настанеть.
Сердце въ будущемъ живетъ;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдетъ;
Что пройдетъ, то будетъ мило.

И это не фраза легкая и красивая на тему «все тринь-трава», а цѣлая философія жизни, кто сможетъ ее усвоить. Вотъ что говоритъ Бѣлинскій вообще о свойствахъ поэзіи Пушкина: «Чувство, лежащее въ основаніи его произведеній, всегда такъ тихо и кротко, не смотря на его глубину, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ человѣчно, гуманно!.. Онъ ничего не отрицаетъ, ничего не проклиняетъ, на все смотритъ съ любовью и благословіемъ. Общій колоритъ поэзіи Пушкина и въ особенности лирической—внутренняя красота человѣка и лелѣющая душу гуманность... Есть всегда что-то особенно благородное, кроткое, нѣжное, благоуханное и граціозное во всякомъ чувствѣ Пушкина... Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ юношества, образователемъ юнаго чувства... Мы не знаемъ на Руси болѣе нравственнаго, при великости таланта, поэта, какъ Пушкинъ».

Седмицы человѣческой жизни.

Маленькій мальчикъ, еще неразумный и слабый, теряетъ
Первыхъ зубковъ своихъ рядъ, чуть ему минетъ семь лѣтъ;
Ели-же богъ доведетъ до конца семилѣтье второе, —
Отрокъ являетъ уже признаки зрѣлости намъ.
Въ третье у юноши кроется быстро, при ростѣ всѣхъ членовъ.
Нѣжнымъ пушкомъ борода, кожи мѣняется цвѣтъ.
Всякій въ седмицѣ четвертой ужъ въ полномъ бываетъ расцвѣтъъ
Силы тѣлесной, а въ ней доблести знакъ видятъ всѣ.
Въ пятую — время подумать о бракѣ желанномъ мужчинѣ,
Чтобы свой родъ продолжать въ рядѣ цвѣтущихъ дѣтей.
Умъ человѣка въ шестую седмицу вполне созрѣваетъ,
И не стремится ужъ онъ къ неисполнимымъ дѣламъ.
Разумъ и рѣчь въ семь седмицъ уже въ полномъ бываютъ расцвѣтъъ,
Также и въ восемь, — всего вмѣстѣ четырнадцать лѣтъ.
Мощенъ еще человѣкъ и въ девятой, однако слабѣютъ
Для веледобрестныхъ дѣлъ слово и разумъ его.
Если-жъ десятое богъ доведетъ до конца семилѣтье, —
Райнимъ не будетъ тогда смертный конецъ для людей.

«На досугъ».

Переводы изъ древнихъ авторовъ.

В. В. Латышева.

ной линии увеличилось до 532 версть¹⁾. Такова история южной границы в XVI и XVII вѣкахъ.

На мѣстахъ болотистыхъ засѣкъ прокладывать не приходилось: сами свойства мѣстности служили надежной защитой: . . . «А промежь Каменскаго и Черемховаго броду и рѣки Усерда . . . бродовъ и перелазовъ нѣтъ, пришли камыши и ржавцы большіе. . .»²⁾ . . . «А отъ Чесночнаго броду до Ольшанскаго городища вереть съ 8, а промежь Ольшанскаго городища и Чесночнаго броду и Олександрова городища по рѣкѣ по Соснѣ займища и болота и ржавцы большіе, бродовъ и перелазовъ нѣтъ. . .»³⁾ «и отъ Терновекаго лѣсу внизъ по Соснѣ до устья Тихіе Сосны и до Дону рѣкою вереть съ 15 пришли займища и ольхи и болота и озера и топи великіе и мѣста крѣпкіе. . .»⁴⁾ «а ниже Торбѣева до Ромня городища сторожемъ стоять не надобеть, потому пришли лѣса большіе, озера и болота. . .»⁵⁾.

Въ мѣстахъ, покрытыхъ рѣдкимъ лѣсомъ, засѣкъ не дѣлали, за немѣнѣемъ матеріала въ достаточномъ количествѣ на мѣстѣ, а взамѣнъ засѣкъ копали рвы и волчьи ямы въ нѣсколько рядовъ: «а промежь озеръ копать ровъ и ставить во рву частичкъ и въ томъ рву будетъ полая вода и станетъ вода стоять во рву во все лѣто. . .»⁶⁾ «. . . на Слободской засѣкѣ. . . вмѣсто лѣсного завалу велѣно копать ямы, а въ ямахъ бить колья. . .»⁷⁾ «. . . и частичкъ въ ямахъ и межъ ямъ бить, а ямы копаны въ 5 рядовъ. . .»⁸⁾.

Загражденія «перелазовъ» состояли изъ набитыхъ, «частикомъ» колодь, которыя укладывались по направленію брода въ нѣсколько рядовъ и укрѣплялись на днѣ; кромѣ того, на берегахъ близъ бродовъ устраивали валы и ямы съ кольями. Такъ, напр., на одномъ изъ бродовъ на р. Соснѣ, имѣвшемъ 174 сажени длины, была устроена преграда слѣдующаго рода: по дну рѣки были укрѣплены 226 дубовыхъ колодь, каждая въ три сажени длиною, набитыя частикомъ. При устройствѣ засѣки лѣсъ рубили не подъ самый корень, а оставляли ини побольше съ тѣмъ, чтобы затруднить разрушеніе засѣки, деревья не вполне отдѣляли отъ пней съ тою же цѣлью: «среди лѣса поперекъ на 30 саженьяхъ заваленъ лѣсной заваль, а сѣкли высоко, какъ мочно кому топоромъ достать. . .»⁹⁾.

1) Лажовскій, Матеріалы, т. I стр. 45.

2) Багалъѣй, Матеріалы, т. II стр. 5.

3) *ibidem.* 4) *ibidem* т. II стр. 7.

5) Акты Моск. Гос. т. I стр. 12 № 9; см также т. II стр. 72 № 120.

6) Багалъѣй, Матеріалы, т. II стр. 9.

7) Акты Арх. Эксп. т. III № 304 стр. 448.

8) Акты Моск. Гос. т. II стр. 67 № 115.

9) *ibidem* т. II стр. 75 № 123.

Въ виду того, что правительство Московское не отличалось богатствомъ денежныхъ свободныхъ средствъ и для покрытія издержекъ по сооруженію укрѣпленныхъ линій прибѣгало къ помощи всей земли, то мы и остановимся нѣсколько на этомъ вопросѣ, какъ затрагивающемъ интересы всего населенія тогдашней Руси. Засѣлки, какъ и прочіе роды укрѣпленій, строились правительствомъ средствами всей земли, — для этой цѣли правительство производило одновременные повсемѣстные сборы. Такъ, напр., въ 1637 году была отправлена окружная царская грамота въ Пермь Великую о повсемѣстномъ сборѣ денегъ на строеніе укрѣпленій противъ Крымскихъ и Ногайскихъ татаръ¹⁾.

Передадимъ суть окружной грамоты: Царь, указавъ на разоренія, причиненныя татарами въ рязанскихъ, ряжскихъ, шатскихъ и въ иныхъ мещерскихъ мѣстахъ, передаетъ, что города и прочія укрѣпленія, какъ-то: валы, загражденія перелазовъ и пр., послѣ этихъ разореній построенные, принесли большую пользу тѣмъ мѣстамъ, гдѣ были устроены: «... и въ прошломъ же во 144 году, и въ нынѣшнемъ во 145 году, къ Козлову и къ Тамбову приходили воинскіе люди, и не по единожды, и для войны, всякаго крестьянскаго разоренія, хотѣли пройтить въ Рязскіе и въ Резанскіе и въ Шатцкіе мѣста: и изъ Тонбова и изъ Козлова воеводы, а съ ними ратные люди, Татаръ въ войну не пропустили и поискъ надъ ними учинили... и тѣми новыми городами и крѣпостями, въ Ряжскихъ и въ Резанскихъ и въ Шатцкихъ во всѣхъ мѣстахъ Татарская война отъ приходовъ укрѣплена, и въ Рязскихъ и въ Резанскихъ и въ Шатцкихъ во всѣхъ мѣстахъ и по рѣкѣ по Соснѣ во многихъ мѣстахъ во 144 году съ весны и въ нынѣшнемъ во 145 году въ осень, Божіею милостью, а нашимъ и дѣтей нашихъ счастьемъ Татарская война не бывала и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ православные крестьяне жили въ покоѣ, безо всякаго страхованья...». Затѣмъ царь указываетъ, что татары совершаютъ очень часто набѣги на Оскольскій и Бѣлгородскій уѣзды. «И мы, жалѣя о православныхъ (пишетъ далѣе царь) крестьянѣхъ, указали послать на Полѣ, на Калмускую и на Изюмскую сакму и на Муравскій шляхъ, которыми мѣстами приходятъ Крымскіе и Ногайскіе и Азовскіе люди, Ѳедора Сухотина, да подьячего Евсея Юрьева, а велѣно имъ... досмотрѣть... мочноль на тѣхъ сакмѣхъ въ которыхъ мѣстахъ для береженія отъ приходу воинскихъ людей, поставить города и остроги жилые и стоялые, чтобъ тѣми городами и острогами отъ Крымскихъ и отъ Ногайскихъ и отъ Азовскихъ людей, въ Оскольскихъ, и въ

¹⁾ Акты Арх. Эксл. т. III № 268 стр. 409.

Ливенскихъ, и въ Елецкихъ, и въ Бѣлгородскихъ, и въ Курекскихъ, и во всѣхъ украинныхъ городахъ, войну отнять». . . Посланные Ѳеодоръ Сухотинъ и подъячій Евсеѣй Юрьевъ «но скаскѣ Осколенѣ дѣтей боярскихъ, и станичныхъ головъ, и атамановъ, и ѣздоковъ, и вожей, и полковыхъ казаковъ» написали, что нужно поставить одинъ городъ «на рѣкѣ на Соснѣ, у острогу у Терновекаго лѣсу, у Оскольской признаки, на Калміусской сакмѣ поставить городъ; другой городъ устроить на Калміусской же сакмѣ, вверхъ по рѣкѣ по Соснѣ, усть рѣки Усерда, на Нижнемъ городищѣ; а выше Усердекаго городища восемь веретъ, отъ верховья рѣки Сосны, копать валъ къ верховью рѣки Волюя, къ острогу, на пятнадцати верстахъ, а по конецъ валу на обѣихъ сторонахъ устроить два острожка. . . ». Затѣмъ посланные указываютъ еще нѣсколько мѣстъ, гдѣ необходимо поставить остроги, заградить перелазы, копать валъ, и пр. Царь указалъ. . . «города и острожки жилые и стоялые поставить и всякія крѣпости учинить и ратныхъ и жилицкихъ людей въ тѣхъ новыхъ городахъ и въ острожкѣхъ устроить, чтобы тѣмъ у татаръ въ Русь приходъ отнять и православныхъ бы крестьянъ отъ войны и отъ разоренія и отъ полону заступить. . . ». Далѣе въ грамотѣ царь указываетъ, что указалъ «для того городового дѣла, и на жалованье ратнымъ людямъ взять въ городахъ, по писцовымъ книгамъ, съ живущихъ чети, съ посадовъ и съ нашихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей и съ Мордовскихъ земель съ чети пашни по полтинѣ; съ боярскихъ, и съ окольныхчыхъ, и съ думныхъ людей, и съ большихъ вдовъ, и съ стольниковъ, и съ стряпчихъ, и съ дворянъ Московскихъ, и съ дьяковъ и съ жильцовъ, и съ дворянъ, которые въ городахъ по воеводствамъ и въ приказахъ и съ стрѣльцкихъ, и съ казачьихъ, и съ осадныхъ головъ, и съ сотниковъ, и съ губныхъ старостъ, и съ городовыхъ прикащиковъ и со всякихъ приказныхъ и съ дворовыхъ всякихъ чиновъ людей, и съ конюховъ, и съ неслужилыхъ дѣтей боярскихъ и съ подъячихъ, съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, и съ гостей, за которыми земли есть, съ живущія чети по двадцати алтынъ; съ дворянъ и съ дѣтей боярскихъ, которые нашу службу служатъ со всѣхъ городовъ, и съ мурзь, и съ новокрещеновъ, и съ татаръ, и со всякихъ служилыхъ людей, и со вдовъ и съ недорослей, съ помѣстныхъ и съ вотчинныхъ земель съ живущія чети пашни по десяти алтынъ. . . ». Собранныя деньги воевода долженъ былъ прислать въ Москву въ Челобитной приказъ, къ боярину нашему къ Б. М. Салтыкову да къ дьякомъ къ В. Волкову да къ К. Окинѣеву. . . »¹⁾.

¹⁾ Всѣ выписки изъ окружной царской грамоты, помѣщенной въ Акт. Арх. Эксп. т. III № 268 стр. 404—412; Акты Ист. т. III № 195.

Постройка городовъ и иныхъ укрѣпленій требовала не малыхъ средствъ, такъ напр., постройка Вольнаго и Хотьмышка обошлась въ 13532 руб.¹⁾.

Самыя работы по постройкѣ городовъ и возведеніи укрѣпленій производились или только служилыми людьми, или же при содѣйствіи земскихъ «сошныхъ» людей — «дѣловцевъ», какъ именовали въ старину такихъ рабочихъ. «Дѣловцы» получали особо установленную плату за труды деньгами и натурой: «И какъ къ тебѣ (Одоевскому воеводѣ кн. Петру Пожарскому), ся наша грамота придетъ, и ты бѣ на засѣкахъ земляныя и деревянныя крѣпости велѣлъ подѣлать ратными всякими охочими пѣшными людьми, стрѣльцы и казаки и солдаты изъ поденнаго корму; а кормъ имъ велѣлъ давати изъ пошлинныхъ денегъ, которыя у тебя въ сборѣ съ судныхъ дѣлъ, по шести денегъ человѣку на день. А засѣчное дѣло велѣлъ бы еси приказать дворяномъ и головамъ, которые на засѣкахъ, и надъ дѣловцы велѣлъ бы еси смотрѣть, чтобъ дѣловцы не гуляли, засѣчное дѣло дѣлали на сибѣхъ»²⁾... «охочихъ людей велѣтъ наймовать и велѣтъ лѣсъ готовить... А наймовать дѣловцевъ изъ стрѣльцовъ, и изъ казаковъ и изо всякихъ охочихъ людей...»³⁾ «... собрать съ переславскаго посаду и съ рязанскаго уѣзду... съ помѣстій и вотчинъ... къ засѣчному дѣлу дѣловцовъ съ живущей чети по 5 человѣкъ съ топоры и съ заступы, съ лопаты, да по лошади съ телѣгою, всего съ 1608 чети 8040 человѣкъ, 1608 лошадей...»⁴⁾ «... а поденнаго корму указали емы давати стрѣльцамъ, и казакамъ, и солдатамъ, и всякимъ охочимъ людямъ, которые у дѣла будутъ, по 6 денегъ, а будетъ не возьмутъ, и мы указали давати по 8 денегъ, а будетъ по 8 денегъ не возьмутъ, и мы указали давати по 10 денегъ человѣку на день...» «а поденнаго корму даточнымъ людямъ давати мы не указали...»⁵⁾. Даточные люди получали продовольствіе отъ своихъ помѣщиковъ.

Охрана засѣки лежала не только на обязанности служилыхъ классовъ, но въ ея защитѣ должны были принимать участіе и уѣздные люди. Для этой цѣли производился расчетъ по числу домовъ и дѣлалась роспись «подымовнымъ людямъ». «Лѣта 7145 мая въ 25 день Государь... велѣлъ Якову Ивановичу Якушкину быти на своей государевѣ службѣ, въ

1) Багалъй «Очерки» стр. 53.

2) Вѣляевъ «О сторожевой, станичной и полевой службѣ въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1846 г. № 4, стр. 76—77.

3) Акты Моск. Гос. т. I, стр. 155, № 129.

4) *ibidem* т. II стр. 62, № 111.

5) *ibidem* стр. 122, № 189.

Резанскомъ уѣздѣ, у Красносельской засѣки у Волчьихъ воротъ для обереганья отъ приходу Крымскихъ и Ногайскихъ людей; а съ нимъ указалъ Государь быть Красносельской засѣки засѣчнымъ прикащикомъ и сторожомъ; да съ ними жъ, по государеву указу, быти по вѣстямъ Резанскаго уѣзду съ сель и съ деревень подымовнымъ людемъ, съ нищальми и со всякими бои; которые села и деревни около Красносельской засѣки по пятнадцати верстъ и меньше, съ тѣхъ сель и съ деревень съ трехъ дворовъ по человѣку, а которые села и деревни отъ засѣки по двадцати пяти верстъ, съ тѣхъ сель и деревень съ пяти дворовъ по человѣку...¹⁾. Предписывалось уѣзднымъ людемъ быть каждую минуту готовыми явиться для защиты засѣки и «жили бы они опасно и бережно... и ждали бы отъ него (засѣчнаго головы) для подымовныхъ людей присылки»²⁾. «И жити у Красносельской засѣки съ весны и во все лѣто и до снѣговъ, съ великимъ береженьемъ, неоплошно, и сторожи на засѣкахъ въ день и въ ночь держати безпрестани и... смотреть, чтобы сторожи стояли крѣпко и усторожливо...»³⁾.

Въ случаѣ татары появились бы въ иномъ мѣстѣ, а къ засѣкѣ ихъ не ожидаютъ, то засѣчный голова обязанъ былъ итти въ сходъ съ воеводою, «а на Красносельской засѣкѣ для татарскаго приходу, подымовныхъ людей оставить, сколько человѣкъ пригоже, чтобъ на засѣкѣ было не безлюдно»⁴⁾. Объ обязанностяхъ засѣчнаго головы мы еще будемъ имѣть случай сказать подробнѣе, въ главѣ «О служебномъ устройствѣ», а теперь, давъ сперва общее описаніе засѣки, перейдемъ къ рѣшенію вопроса: приносили ли засѣки дѣйствительную пользу?

Для образца приведемъ описаніе Козельской Столицкой засѣки: «Козельской Столицкой засѣки городъ сосновый, рубленный до мосту, рубленъ въ одну стѣну, съ быками; а на быкахъ мощенъ мостъ; около города поверхъ мосту городъ, рубленъ въ двѣ стѣны въ клѣтку, а въ клѣткахъ прорублены двери, ходить по городу, выше городни полтретви сажени косыхъ, а въ немъ двадцать два вѣнца и съ обломы; въ длину городъ двадцать пять сажень, поперекъ двадцать три сажени; да на городѣ жъ на быкахъ накачены катки и подбланы по городу всякіе бои, а около города мѣрою сто двѣнадцать сажень. Да у города четыре башни рубленыхъ, двѣ башни проѣзжія съ ворота съ Полскою и съ Рускою сторону, крыты тесомъ. Да около города съ трехъ сторонъ, съ

1) Акты Арх. Эксп. т. III, стр. 414, № 270.

2) ibdem. 3) ibidem.

4) Акты Арх. Эксп. т. III, № 270, стр. 415—; Акты Моск. Гос. т. I, стр. 250, № 225; т. II, № 331, стр. 210.

полевья стороны да отъ лѣснаго завалу, копанъ ровъ; а по мѣрѣ рву двѣ сажени косыхъ, глубина рву двѣ сажени безъ третц; а съ Русскою сторону ровъ не копанъ для того, что течеть рѣка Песочна возлѣ ровъ, крутоберега, топка. Да съ полевья стороны отъ башни острога по обѣ стороны дороги, къ лѣсному завалу, восемьдесятъ три сажени, а отъ того острогу надолобъ тройныхъ до лѣснаго завалу по осми сажень; да передо рвомъ съ Польскою сторону надолобъ двойныхъ, столбы дубовые по обѣ стороны дороги, до лѣснаго завалу по пятидесяти сажень косыхъ на сторону, а промежъ надолобъ на дорогѣ опускная колода дубовая». . . Затѣмъ идетъ описаніе створныхъ воротъ и надолобъ возлѣ нихъ, это описаніе мы не приведемъ, какъ мало интересное и не важное. «Да въ городѣ двѣ избы; да казенной погребъ съ выходомъ, обсыпанъ землею, покрытъ дерномъ. Да лѣсною заваль на Столицкой засѣкѣ съченъ возлѣ стараго лѣснаго завалу по большому лѣсу; и лѣсною заваль крѣпокъ, поднимаъ на пенья. А полыхъ безлѣсныхъ и рѣкъ, и ржавцовъ, и болотъ, въ заповѣдномъ лѣсу нѣтъ. . . А отъ замка Лифинскія засѣки и Перемышльскія до Козельскихъ Столицкихъ воротъ съчено лѣснаго завалу четыре версты сто сажень; а отъ тѣхъ Козельскихъ Столицкихъ воротъ до замка Бѣлевскія Добраковскія засѣки съчено лѣснаго завалу осьмнадцать верстъ триста шестьдесятъ сажень; всего лѣснаго завалу. . . двадцать двѣ версты 460 сажень. . .»¹⁾.

Мы привели описаніе именно этой, а не иной засѣки по той причинѣ, что актъ, содержащій описаніе Козельской засѣки, есть отдаточная роспись. Впрочемъ мы не претендуемъ на то, что выбранное нами описаніе — лучшее. Въ разныхъ актахъ, напр. «Актахъ Моск. Госуд.» есть не мало описаній — «росписей» засѣкъ, но все эти описанія иного характера; они или указываютъ, что нужно въ засѣкѣ сдѣлать новаго, или что сдѣлано новаго, а не даютъ прямо описанія засѣкъ.

Теперь обратимся къ вопросу, приносили ли пользу государству засѣки, валы и пр.? Отвѣтъ получаемъ утвердительный. Приведемъ данныя для подтвержденія: «. . . и тѣми новыми городками и крѣпостями, въ Рязскихъ и въ Резанскихъ и въ Шатцкихъ во всехъ мѣстахъ, татарская война отъ приходоу укрѣплена и въ Рязскихъ и въ Резанскихъ и въ Шатцкихъ во всехъ мѣстахъ и по рѣкѣ по Соснѣ во многихъ мѣстехъ во 144 году съ весны и въ нынѣшнемъ во 145 году въ осень, Божіею милостію, а нашимъ и дѣтей нашихъ счастьемъ, татарская война не бывала и въ тѣхъ во всехъ мѣстехъ православные крестьяне жили въ

¹⁾ Акты Арх. Экс. т. III, № 303, стр. 447. —

покоѣ, безо всякаго страхованья...»¹⁾). Гдѣ засѣки и валы шли непрерывной цѣпью и содержались въ исправности, гдѣ приставленные сторожа заботливо и неоплошно—«усторожливо» исполняли свои обязанности, тамъ татары не могли проникнуть за «черту», населеніе не подвергалось опасности лишиться и жизни и свободы, быть увезеннымъ въ тяжкую неволю; въ такихъ мѣстахъ отсутствіе опустошеній благотѣльно вліяло на жизнь поселенцевъ, давало возможность жить «безо всякаго страхованья», и жизнь уѣздная въ такихъ мѣстахъ развивалась все болѣе и болѣе по мѣрѣ увеличенія безопасности, развивавшееся земледѣліе окончательно и прочно укрѣпляло за Москвой все болѣе и болѣе мѣсть въ южной окраинѣ и побуждало къ дальнѣйшей заимкѣ никому не принадлежавшихъ степей. Таково значеніе этихъ укрѣпленій, засѣкъ, валовъ и пр.

Россія охранялась отъ непріятельскихъ вторженій укрѣпленными пунктами и сторожевыми линіями. О послѣднихъ мы говорили выше. Укрѣпленные пункты въ актахъ носятъ названіе городовъ, городковъ, остроговъ, острожковъ. Городомъ именовалось всякое обитаемое мѣсто, окруженное для доставленія защиты отъ непріятельскихъ нападений, землянымъ валомъ, деревянною вѣнчатою или каменною стѣною съ башнями. Понятіе объ укрѣпленіи въ собственномъ смыслѣ слова и понятіе о городѣ, какъ жиломъ мѣстѣ, тѣсно сливались между собою: не могло быть города безъ укрѣпленія, ограды; съ уничтоженіемъ ограды городъ переставалъ быть городомъ и, наоборотъ, жилое мѣсто, лишь только оно окружалось вѣнчатою деревянною стѣною, тотчасъ же обращалось въ городъ. Города обыкновенно имѣли только одну оборонительную ограду, но важнѣйшіе города были обнесены двумя и болѣе оградами, раздѣлявшими внутренность ихъ на нѣсколько отдѣльныхъ частей, которыя также именовались городами. Напр., укрѣпленія Москвы раздѣлялись на: Кремль, Китай—городъ, Бѣлый—городъ, Земляной городъ... Эти укрѣпленія не составляли какой-либо системы укрѣпленій, они образовывались не одновременно, а мало-помалу, вслѣдствіе увеличенія народонаселенія.

Лѣтописцы различали названіями части оградъ: внутреннія укрѣпленія именовали «дѣтнимъ градомъ», «кремлемъ», «дѣтинцемъ», а внѣшнія называли тоже различно: «окольнымъ градомъ», «кромьнымъ», «кромомъ»²⁾). Значеніе этихъ названій понятно. Не останавливаясь на этомъ предметѣ подробно, мы опишемъ только тѣ роды укрѣпленій, которые примѣнялись на южной окраинѣ. Изъ всѣхъ оградъ дѣтинцы и

1) Акты Арх. Эксп. т. III, стр. 410, № 268.

2) Ласковскій «Матеріалы» т. I, стр. 10.

кремли занимали первое мѣсто по важности ихъ въ оборонительномъ отношеніи. Они находились большею частью на тѣхъ мѣстахъ, которыя составляли собственно городъ, а какъ города обыкновенно строились по берегамъ рѣкъ, то, если представлялась возможность, города ставили при слияніи двухъ рѣкъ съ тѣмъ расчетомъ, что рѣка обезпечивала съ этой стороны отъ нападенія, въ особенности въ томъ случаѣ, если берегъ былъ крутъ или вообще недоступенъ по своей природѣ. Оборонительныя ограды дѣтинцевъ и кремлей состояли большею частью изъ деревянныхъ вѣнчатыхъ стѣнъ или каменныхъ съ башнями. Городовъ, окруженныхъ каменными стѣнами по южной окраинѣ было очень мало, напр., Тула, Серпуховъ, Путивль, Коломна; большая часть была окружена вѣнчатыми деревянными стѣнами. Внутри городскихъ стѣнъ находились или пустыя мѣста, служившія временнымъ убѣжищемъ окрестнымъ уѣзднымъ жителямъ, собиравшимся въ городъ въ виду угрожавшей опасности, или пространство города было занято жилыми строеніями, именуемыми въ актахъ «осадными дворами»: «... въ городѣ жъ (Тулѣ) дворы осадные дворянъ и дѣтей боярскихъ»¹⁾. Эти осадные дворы составляли собственность уѣздныхъ жителей — служилыхъ людей, жившихъ въ мирное время по селамъ и деревнямъ и только въ военное время — «въ приходъ воинскихъ людей», въ виду непріятельскаго вторженія покидавшихъ свои мѣста постоянного жительства, чтобъ найти защиту за стѣнами города: «... прибѣгаютъ въ татарщину»... какъ говорится въ актахъ²⁾. Осадные дворы были не только въ самомъ городѣ, но и въ пригородныхъ посадахъ: «На Тулѣ на посадѣ, вверхъ по р. по Улѣ... по Большой улицѣ осадные дворы дѣтей боярскихъ»...³⁾. Такіе же осадные дворы были и въ монастыряхъ, такъ какъ и монастыри были большею частью обнесены стѣнами и являлись иногда очень сильно укрѣпленными пунктами, напр., таковы монастыри: Троицко-Сергіевскій, Печерскій, Соловецкій.

Служилые люди — дворяне и дѣти боярскіе обязаны были имѣть осадные дворы. Обыкновенно они приобрѣтали ихъ покупкою и обязаны были содержать въ осадныхъ дворахъ всѣ постройки въ исправности и держать на нихъ человѣка — дворника⁴⁾. Иногда воевода давалъ служилому человѣку дворъ. Многіе осадные дворы принадлежали не одному владѣльцу, а нѣсколькимъ. Постоянно встрѣчались случаи, что владѣль-

1) Писцовыя книги Моск. Госуд. отдѣл. II, стр. 1080.

2) *ibidem*, стр. 1073.

3) *ibidem*, стр. 1087; см. также стр. 1264.

4) Чечулинъ, Города Московскаго Государства въ XVI в., стр. 269.

цами общаго двора были люди разныхъ фамилій; часто очень близкіе родственники владѣли частями въ разныхъ дворахъ¹⁾. Осадные дворы могли передаваться по наслѣдству, но есть случаи, что огороды того или другого двора отданы постороннему лицу по государевѣ грамотѣ, такъ что эти бѣлые дворы принадлежали владѣльцамъ на помѣстномъ правѣ²⁾.

Городкомъ или городцемъ, какъ показываетъ и само названіе, именовалось жилое мѣсто только меньшихъ размѣровъ, окруженное оборонительной оградой, подобной городской³⁾.

Острогомъ назывался укрѣпленный пунктъ, обнесенный оградой изъ тына, заостренного сверху. Остроги не входили въ разрядъ городовъ, они только служили для огражденія жилыхъ мѣстностей, для усиленія защиты засѣкъ, засѣчныхъ воротъ. Всего чаще остроги устраивались на границахъ государства противъ народовъ мало искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, въ особенности не любившихъ и не имѣвшихъ обыкновенія осаждать города. Особенно много было остроговъ въ Сибири и по южной границѣ. По своему назначенію остроги раздѣлялись на жилые, стоялые⁴⁾ и опасные⁵⁾. Жилыми острогами назывались тѣ, при которыхъ находились поселенія, а стоялыми именовались остроги, предназначенные только для помѣщенія войскъ. Опасные тѣ же, что и стоялые, но въ то время какъ стоялые были постоянными пунктами пребыванія войскъ, «опасные» остроги устраивались только временно въ виду особой опасности. Остроги съ увеличеніемъ поселенія вокругъ нихъ и съ замбною тына вѣичатою стѣною превращались въ города и тогда получали и самое названіе города.

Укрѣпленные города по южной границѣ, незначительные по размѣрамъ, обыкновенно обнесенные деревянными стѣнами, которыя въ случаѣ ихъ поджога непріателемъ весьма опасны для обороны, не могли бы оказывать сильнаго сопротивленія многочисленному непріателю, если бы этотъ непріатель владѣлъ нѣкоторымъ умѣньемъ вести осаду. Но этой опасности какъ бы не было: татары, дорожа временемъ, не занимались осадой укрѣпленныхъ пунктовъ, а оставляли ихъ у себя въ тылу; они обыкновенно устремлялись прямо въ Москвѣ, захватъ которой былъ ихъ постоянною конечною цѣлью. Первую серьезную преграду на этомъ пути къ

1) Чечудинъ, Гор. да Моск. Гос. въ XVI в., стр. 269

2) *ibidem* стр. 270.

3) Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 15.

4) Акты Арх. Эксп. т. III, № 268, стр. 410; Багалъй, Матеріалы, т. II, стр. 12, 14; Акты Моск. Госуд. т. II, № 255, стр. 163.

5) Акты Моск. Госуд. т. II, № 127, стр. 78, № 251, стр. 161; Русская Ист. Библ. (Записныя книги Московск. стола) т. X, стр. 356.

Москва представляла р. Ока, по берегамъ которой располагались обыкновенно войска въ значительныхъ массахъ для воспрепятствованія переправѣ татаръ. Здѣсь то на берегахъ р. Оки или же иногда и подъ стѣнами самой Москвы, если татарамъ удавалось перейти р. Оку, и кончались обыкновенно ихъ успѣхи: московскія войска обыкновенно отражали непріятеля, если онъ заранѣе, избѣгая встрѣчи съ многочисленными войсками, не удалялся изъ предѣловъ Россіи. При этомъ отступленіи города не могли помѣшать свободному удаленію татаръ, если только они сами не дѣлали попытки овладѣть какимъ-либо городомъ, на помощь къ которому должны были спѣшить воеводы изъ сосѣднихъ украинскихъ городовъ, являясь самолично съ своимъ отрядомъ, въ случаѣ татары были въ большомъ числѣ — «пришли большіе воинскіе люди», «по большимъ вѣстямъ», какъ выражались въ старину; или посылая «въ приходъ малыхъ воинскихъ людей по малымъ вѣстямъ» отъ себя головъ съ сотнями на подкрѣпленіе угрожаемому пункту¹⁾. Какъ видно, города не могли существенно вліять на ходъ военныхъ дѣйствій; они не могли ни остановить непріятеля, ни преградить ему отступленія, и вся польза отъ нихъ заключалась въ доставленіи личнаго обезпеченія жизни и свободы уѣзднымъ людямъ, укрывавшимся подъ защиту городскихъ стѣнъ²⁾.

Укрѣпленные города по своему устройству могутъ быть раздѣлены на 3 разряда: а) постоянные, обнесенные каменною оградой или имѣвшіе каменные кремли; такихъ городовъ на южной окраинѣ было мало: Коломна, Тула, Серпуховъ, Путивль и только; в) постоянные, обнесенные земляною или деревянною оградами и получившіе надлежащую осѣдность: такими вообще была большая часть городовъ на Руси; с) временные, обнесенные земляною и деревянною оградами и оборонявшіе жилища мѣста самыхъ малыхъ размѣровъ и потому составлявшіе преимущественно пограничные или украинные укрѣпленные пункты. Къ этому разряду слѣдуетъ отнести и остроги. Такъ классифицируетъ города г. Ласковскій³⁾. Съ этимъ дѣленіемъ нельзя не согласиться въ общемъ, если только дѣлить города по важности ихъ укрѣпленій для обороны.

Оборонительныя сооруженія можно разбить на три главные вида, кладя въ основу дѣленія употребляемый матеріалъ: земляныя, деревянныя и каменныя сооруженія. Эти три вида рѣдко употреблялись въ чистомъ

1) Акты Арх. Эксп. т. III, № 187, стр. 272; Книги Разрядныя т. I стр. 131, 632; Багалъй «Очерки» стр. 276.

2) Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 60.

3) Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 64.

видѣ: обыкновенно они примѣнялись въ соединеніи другъ съ другомъ. Теперь перейдемъ къ краткому описанію этихъ видовъ.

«Валь» земляная насыпь. Въ началѣ это понятіе относилось къ полевымъ окопамъ, а послѣ специально этимъ именемъ назывались сторожевыя земляныя линіи¹⁾.

Съ XVI ст. земляныя оборонительныя ограды извѣстны подѣ именемъ «земляныхъ городовъ» «... А крѣпость учинить чрезъ степь отъ устья рѣки Усерда отъ города къ Валуйскому лѣсу и къ рѣчкѣ къ Валуйкѣ на 25 вер. дѣлать валь земляной и городки земляные...»²⁾. Остатки такихъ земляныхъ городовъ — «городища», сохранившіеся и до нашихъ дней, отличаются простотою своего плана — они состояли изъ прямыхъ — съ одними исходящими углами, линій, переходившихъ иногда въ общую выпукло-кривую линію неправильнаго вида и занимали небольшія площади: «На рѣкѣ на Усердѣ верхнеусерцкое городище... длина городищу сверху изнутри 60 с., а поперекъ 57 с....»³⁾ или: «на рѣкѣ на Соснѣ городище на горѣ; а по мѣрѣ тово городища сверху въ передней стѣнѣ отъ Сосенскаго лѣсу 40 саж., а отъ рѣки отъ Сосны сверхъ горы 30 с. Съ другой стороны гора 40 с., съ третьей стороны 50 саж.»⁴⁾ «Городище Ольшанское, ... длина и поперечина во всѣхъ четырехъ стѣнахъ по 40 с....»⁵⁾.

Земляныя ограды въ чистомъ видѣ рѣдко употреблялись, преимущественно онѣ соединялись съ деревянными и каменными⁶⁾. Высота вала была различна отъ 4 до 10 саж. Глубиною ровъ бывалъ отъ 2 до 5 саж.⁷⁾ Между валомъ и рвомъ спереди оставлялся промежутокъ затѣмъ, чтобы давленіе вала не обрушило прилегающей къ валу стороны рва. Этотъ промежутокъ «берма» бывалъ различной ширины до — сажени и болѣе, смотря по высотѣ вала: «... и по мѣрѣ только было дѣлать земляной валь отъ сторожеваго рва сажени съ двѣ или съ три, или чѣмъ малымъ больше или меньше...»⁸⁾.

Сообщеніе въ земляныхъ оградахъ съ окрестными мѣстами производилось при посредствѣ подземныхъ ходовъ, имѣвшихъ видъ галлерей, которыя прокладывались подѣ насыпью вала наравнѣ съ мѣстнымъ уровнемъ, или же спускались на дно рва. При устройствѣ подземнаго хода пер-

1) *ibidem* стр. 66. 2) Багалъй, Матеріалы т. II, стр. 8.

3) Багалъй, Матеріалы, т. II, стр. 3.

4) *ibidem* стр. 4. 5) *ibidem* стр. 5.

6) Ласковскій, Матеріалы, т. I, стр. 67.

7) *ibidem* стр. 68, 70.

8) Акты Моск. Госуд. т. II, № 189, стр. 121.

ваго вида, через ровъ перебрасывался мостъ или же въ этомъ мѣстѣ рва не вырывали, а оставляли перешеекъ для прохода.

Въ земляныхъ оградахъ со введеніемъ въ употребленіе вѣнчатыхъ деревянныхъ стѣнъ сообщеніе всегда устраивалось черезъ башни — это такъ называемыя «проѣзжія башни» въ отличіе отъ «глухихъ». Необходимою принадлежностью каждаго укрѣпленнаго города былъ «тайникъ». Тайникъ — это мѣсто на берегу рѣки, невидимое съ противоположнаго берега, гдѣ жители осажденнаго города доставали себѣ воду для ежедневнаго употребленія, если въ городѣ не было «колодезей». Къ этому мѣсту рѣки устраивалось изнутри города крытое подземное сообщеніе, имѣвшее видъ подземной галлерей, дно которой было или покато или шло ступенями, смотря по высотѣ и крутизнѣ берега. Въ «строельной» книгѣ г. Воронежа подъ годомъ 1676 сказано: «... Да изъ самаго города тайникъ мѣрю въ длину 75 саж., въ вышину 1 саж. съ четвертью; а по конецъ того тайника колодезь на родникахъ, а въ колодезѣ срубъ дубовой, въ длину 3-хъ сажени, поперегъ тожъ»¹⁾ или: «... и колодезей и тайниковъ въ острогѣ (Елецкомъ) нѣтъ, только сдѣланъ за острогомъ къ рѣкѣ Соснѣ среди горы одинъ тайникъ, а въ немъ выкопанъ колодезь, а надъ колодеземъ поставлена башня съ бойницами, а отъ острога до башни 17 сажень, а отъ башни до рѣки Сосны 20 сажень, и въ томъ тайникѣ воды мало, а въ приходъ большихъ воинскихъ людей въ приступное время водою будетъ скудно...»²⁾.

На вершинѣ вала устраивался иногда брустверъ, именуемый въ актахъ XVII ст. «обламомъ», «обломомъ». «А на большой дорогѣ поставлена башня дубовая съ обламы...»³⁾. Вершина вала въ такомъ случаѣ была устраиваема шире. Высотою «обламъ» бывалъ по грудь защитникамъ, и стрѣльба производилась поверхъ его края. По длинѣ обламъ занимали только стрѣлки, а орудія обыкновенно помѣщались по угламъ укрѣпленія; для ихъ помѣщенія сооружались небольшіе выступы подъ названіемъ «раскатовъ и быковъ»⁴⁾.

Сложная земляная ограда состояла изъ соединенія вала съ тыномъ или деревянною вѣнчатою стѣною, помѣщенной на вершинѣ земляного вала. Въ острогахъ ставился тынь, а земляная насыпь давала только тыну больше возвышеніе надъ окрестностью и затрудняла также доступъ къ нему. Тынь по своей незначительной толщинѣ не измѣнял тол-

1) Ласковский, Матеріалы, стр. 71.

2) Акты Моск. Госуд. т. II, стр. 113, № 174.

3) *ibidem* стр. 72, № 121.

4) Ласковский, стр. 74.

стоты самага вала; онъ ставился приблизительно на 3 фута, отступя отъ наружнаго края вала, а съ внутренней стороны за тыномъ оставался ходъ по валу шириною въ сажень или болѣе, смотря по ширинѣ самага вала. Въ мѣстахъ, гдѣ были башни, которыя являлись непремѣнною частью сооруженія острожнаго или городскаго типа укрѣпленій, вершина вала образовывала площадку, соразмѣрную основанію башни. При деревянныхъ вѣнчатыхъ стѣнахъ ширина вала, на которомъ ставилась стѣна, зависѣла отъ ширины деревянной стѣны при основаніи, которое бывало всегда шире вершины стѣны для доставленія стѣнѣ большей устойчивости. И при деревянныхъ вѣнчатыхъ стѣнахъ, какъ при тынѣ, оставляли съ наружной стороны стѣны ходъ «берму» не менѣе 2-хъ саж. ширины; позади стѣны съ внутренней стороны оставлялся ходъ такой же ширины или болѣе до 3-хъ саж. Для большей ясности сказаннаго выпишемъ табличку, приведенную у г. Ласковскаго въ его «Матеріалахъ по исторіи инженернаго искусства въ Россіи» т. I, стр. 77.

Толстота стѣны въ основаніи.	Берма или наружный ходъ по валу.	Внутренній ходъ.	Ширина вала при вершинѣ.
2 саж.	2 саж.	2 саж.	6 саж.
3 »	2 »	2 »	7 »
4 »	2 »	2 »	8 »

Высота насыпи вала колебалась отъ 5 до 8 саж.; отлогости, наружная и внутренняя, сооружались подъ угломъ въ 45°.

Сообщеніе съ полемъ производилось черезъ «проѣзжія» башни въ земляныхъ оградахъ съ деревянною стѣною. Проѣзжія башни бывали огромной высоты:... «А большая проѣзжая башня 14 сажень...¹⁾». «И всего отъ земли по кровлю вышина башни 14 саж...²⁾». Сообщеніе съ вершиною землянаго вала было по деревяннымъ приставнымъ лѣстницамъ, прислоненнымъ внутри къ самому валу, или же сообщеніе велось по ступенямъ, сдѣланнымъ въ отлогости вала съ внутренней его стороны. Для всхода же на деревянную ограду устраивались особыя лѣстницы, прислонявшіяся къ стѣнѣ; и обыкновенно въ мѣстахъ, гдѣ были лѣстницы, внутренній ходъ по валу дѣлался соотвѣтственно шире.

¹⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. IX, стр. 182, № 85.

²⁾ Писцовыя книги Моск. Гос. т. I, отд. II, стр. 1589.

Перейдемъ къ деревяннымъ оградѣмъ. Онѣ были двухъ родовъ: 1) «вѣнчатая» стѣны — ими обводились города; 2) тыновыя ограды, — служившія къ усиленію обороны земляныхъ городовъ и къ образованію остроговъ. Предки наши, говоря о сооруженіи деревянныхъ оградъ, употребляли слѣдующія выраженія: «срубить городъ», «заложить», «окладать», «обложить». Дошедшія историческія данныя не даютъ понятія о вѣсѣхъ частностяхъ способа сооруженія оборонительныхъ оградъ, извѣстно только, что стѣны рубились «тарасами». Деревянные ограды устраивались изъ срубовъ, или, какъ говорили въ старину, «городней», одинъ возлѣ другого поставленныхъ¹⁾. Рубленныя тарасами стѣны представляли изъ себя двѣ параллельныя вѣнчатая стѣны, эти параллельныя стѣны соединялись поперечными стѣнами подъ угломъ въ 90°, образуя такимъ образомъ прямоугольныя кѣтки, внутренность которыхъ заполнялась землею и камнями. «... ставили тарасы рубленые вверхъ, съ землянымъ валомъ ровны, поперекъ 1¹/₂ сажени, и насыпаны хрящемъ»²⁾; «и по валу ставлены тарасы рубленые и землею насыпаны...»³⁾ или: «рублены тарасы, да землею насыпаны...»⁴⁾. Часть стѣны между поперечными стѣнами и называлась «тарасомъ». Тарасы были въ длину отъ 3 до 4 саж. Полутарасою называлась часть стѣны, занимавшая около половины длины. Слово «тарасъ» въ описяхъ городскихъ укрѣпленій иногда употребляется за единицу измѣренія. Прясломъ стѣны называлась стѣна между двумя соседними башнями. Въ острогахъ такая часть стѣны между башнями носила названіе острожнаго прясла⁵⁾ «... и пѣшихъ дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и казаковъ и всякихъ жилецкихъ людей по городу, по острогу, и по воротамъ, и по башнямъ и по прясламъ росписать и мѣста вѣсѣмъ указати...»⁶⁾ «во многихъ мѣстахъ прясла и башни сгнили...»⁷⁾.

Наименьшая высота стѣнъ была въ сажень. Толщина вѣнчатыхъ стѣнъ была очень разнообразна, отъ 7 фут. до 21 фута, такая толщина была вполне достаточна для помѣщенія защитниковъ, такъ какъ орудія размѣщались только по башнямъ. Въ нижней части стѣнъ дѣлались отвасы для доставленія большей устойчивости, въ особенности если стѣна воздвигалась на вершинѣ насыпного вала. Съ наружной стороны стѣны

1) Писцовыя книги отд. II, стр. 1299; Ласковский, Матеріалы стр. 82.

2) Акты Моск. Госуд. т. II, № 344, стр. 239.

3) *ibidem* № 137, стр. 88; № 118, стр. 69.

4) *ibidem* т. I, стр. 493, № 517.

5) Доп. къ Акт. Ист. т. VI, № 37, стр. 181.

6) Акты Моск. Госуд. т. I, стр. 155, № 129.

7) *ibidem* т. II, № 776, стр. 471.

иногда облицовывались рядами дерна или обмазывались на значительную высоту глиною: «а дѣлать имъ городъ такъ чтобъ ево глиною обмазать мочно...»¹⁾). Эта обмазка и обкладываніе стѣнъ дѣлались съ цѣлью предохранить стѣны отъ поджога ихъ непріятелемъ. Въ половинѣ XVI вѣка въ устройствѣ деревянныхъ стѣнъ были произведены нѣкоторыя измѣненія, стѣны должны были обстрѣливать передъ ними лежащія мѣста огнемъ въ нѣсколько ярусовъ. Такимъ образомъ возникли разные бои: «подошвенные», «средніе» и «верхніе». Для образованія подошвенныхъ боевъ въ стѣнахъ, рубленыхъ тарасами, оставляли пустоты въ нѣкоторыхъ кѣткахъ не заполненными землею. Эти пустоты дѣлались высотой 10—12 фут. отъ подошвы и на всю или только нѣкоторую часть толщи стѣны, а потолокъ сооружали изъ вплотную наложенныхъ бревенъ. Всѣ эти бои въ стѣнахъ: — подошвенные, средніе и верхніе — предназначались исключительно только для ружейной пальбы²⁾). Пространство между тарасами забиралось настилкою или «мостомъ», который спереди защищался «обламомъ», вѣнчатымъ брустверомъ. Название «обламъ», «обломъ» появилось въ актахъ только съ XVII ст., а раньше брустверь именовался «забороломъ»: «Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ»...³⁾). Обламы дѣлали сперва досчатыми, т. е. рядъ стоекъ забирался досками, впоследствии обламъ рубили вѣнчатый, фута въ 3 — 4 высоты. Если обламъ подымался отъ стѣны болѣе, чѣмъ на грудную высоту, а также и при осторожной тыновой стѣнѣ для стрѣлковъ дѣлались особаго рода скамьи — «кровати»⁴⁾) «... для верхнихъ боевъ по острогу подѣланы кровати...» «и по лѣсному завалу по деревью для караула дѣланы кровати»...⁵⁾) «въ маломъ острожкѣ, что поставленъ у Упы рѣки на берегу, подъ кроватями столбы и къ кроватемъ лѣстницы подгнали, и въ томъ мѣстѣ столбы и къ кроватемъ лѣстницы поставлены новыя...»⁶⁾). Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что кровати ставились на столбахъ и имѣли сообщеніе по лѣстницамъ; кровати также служили для караула: «по деревью для караула дѣланы кровати...».

Ограды покрывались крышею односкатною или двускатною, смотря по ширинѣ верхняго хода. «Катками» назывались бревна для скатыванія на непріятеля во время приступа, для этой же цѣли употреблялись

1) Багалъй, Матеріалы т. I, стр. 8.

2) Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 88.

3) «Слово о полку Игоря», изд. Чудянова въ «Русской Класснѣй Библиотекѣ» изд. 3-ье, стр. 14.

4) Акты Арх. Эксп. т. III, № 304, стр. 449.

5) Акты Моск. Госуд. т. II, № 124, стр. 128; Книги Разрядныя т. I, стр. 42, 129.

6) *ibidem* № 251, стр. 161.

«каменя и колья» «... А будетъ на городѣ колья и каменя мало... велѣти привезти на Тулу вскорѣ»¹⁾ «и на кроватяхъ колья, и камене приготовлены...», «и камене и колье на городъ навозили...»²⁾).

Деревянные ограды всегда усиливались башнями, которыя были двухъ родовъ: проѣзжія и глухія; первыя служили для сообщенія, вторыя ставились обыкновенно по угламъ.

Башни, называемыя иногда въ лѣтописяхъ «стрѣльницами», были какъ деревянныя такъ и каменныя. Названіе «башня» употреблено впервые кн. Курбскимъ въ его описаніи Казанской осады, онъ, впрочемъ, такъ называетъ только каменные башни, а деревяннымъ даетъ названіе «вежа». Въ планѣ башни имѣли очертаніе квадрата, или по выраженію актовъ «рубилась въ четыре стѣны» «башня на воротахъ... четверугольная, дубовая...»³⁾. Были башни многоугольныя, въ особенности часто употреблялась шестиугольная или восьмиугольная форма; такіе башни назывались «круглыми»: «Да третья башня наугольная... круглая, рублена въ 6 стѣнъ...»⁴⁾ или: «на штиетѣнной стрѣли отъ Николы чудотворца пушка полуторная...»⁵⁾ «башня рублена въ дубовомъ лѣсу въ 4 стѣны...»⁶⁾.

Величина бока башни была отъ 2 саж. до 4, рѣдко 5 саж., что зависѣло отъ длины бревенъ, употребляемыхъ для постройки. Башни имѣли нѣсколько, до 3—этажей собственно для обороны, высоту каждый этажъ былъ отъ 8—12 фут., поэтому и высота башенъ была различна отъ 3 до 6¹/₂ саж., не считая крыши, которая дѣлалась обыкновенно очень высокою, башни съ крышею достигали до 14 саж. высоты: «а большая проѣзжая башня 14 сажень...»⁷⁾ или «и всего отъ земли по кровлю вышина башни 14 саж.»⁸⁾.

Были еще особыя «караульныя», «дозорныя» башни, ихъ высота была еще значительнѣе, вершина такихъ башенъ завершалась вышкой: «поставили караульную башню по конецъ земляного города, а въ вышину до обламовъ та башня 33 вѣнца... вышка обершена на 6-ти вѣнцахъ...»⁹⁾ «башня, — а на верху у ней сдѣланъ караульный

1) Собр. Госуд. Грам. и Догов. т. III, № 27, стр. 128; книги Разрядныя т. I, стр. 42, 129.

2) Акты Моск. Госуд. т. II, № 251, стр. 16¹; № 445, стр. 279; № 117, стр. 68; Доп. къ Акт. Истор. т. V, № 19, стр. 83.

3) Писцовыя книги Моск. Госуд. т. I отд. II, стр. 1588.

4) *ibidem* стр. 1590. 5) *ibidem* стр. 1261.

6) Дополненія къ Акт. Ист. т. IX, № 84, стр. 176.

7) *ibidem* № 85, стр. 182.

8) Писцовыя книги Моск. Госуд. т. I, отд. II, стр. 1589.

9) Акты Моск. Госуд. т. II, № 124, стр. 76.

шатерь...¹⁾. Проѣзжія башни имѣли большую высоту, чѣмъ глухія; для подтвержденія сказаннаго приведемъ размѣры башенъ въ г. Серпуховѣ: «проѣзжая башня 14 саж.; Воскресенская башня 10 саж. А башня Вшивая глухая полтретья сажени; а башня глухая Егорьевская полтретья сажени²⁾).

Башни дѣлались или подъ одну линію со стѣнами, не выдавались, или же выступали за стѣну на 1—1¹/₂ саж., что зависѣло отъ размѣровъ самой башни. Въ стѣнахъ башенъ продѣлывались «окна» — бойницы, размѣры которыхъ для ружейной пальбы были ¹/₂ фута высоты и отъ 1 до 1¹/₂ фута длины, а одно отверстіе отъ другого находилось футовъ на 5—7 не болѣе³⁾. Отверстія для орудій были слѣдующихъ размѣровъ: до 2¹/₂ футовъ высоты и до 2 ф. ширины, такъ какъ калибры орудій были вообще не велики. Обыкновенно въ каждомъ этажѣ башни помѣщалось только одно орудіе. На платформахъ башни устраивались «обламы», или обыкновенные вѣнчатые высотой въ 3—4 фута, или же обламы выступные для образованія навѣсныхъ бойницъ. Надъ платформою поднималась тесовая крыша, очень крутая и довольно значительной высоты, на вершинѣ иногда бывала выпка: «башня покрыта тесомъ въ 2 тесницы...⁴⁾).

Въ башняхъ дѣлались проходы, замыкавшіеся воротами, помѣщенными въ противоположныхъ стѣнахъ башни. Проѣздъ въ башняхъ былъ отъ 1¹/₂ до 2 саж. высоты, а ворота имѣли отъ 9 до 11 фут. высоты и ширины. Внутренность прохода преграждалась иногда рѣшетками⁵⁾ «а покрыта башня тесомъ, а въ ней ворота косыя створчатыя, а изнутри рѣшетка створчатая, ворота и рѣшетка дубовыя...⁶⁾. Рѣшетки дѣлались изъ дерева или рѣже изъ желѣза: «затворишь городовую желѣзную рѣшотку, билися съ ними въ воротѣхъ и съ стѣны изъ наряду и камнемъ...»⁷⁾).

Теперь остается описать острожные ограды. Заостренный сверху и вкопанный въ землю тынъ—вотъ общій видъ острожной ограды. Тыновая ограда помѣщалась или прямо непосредственно на мѣстномъ горизонтѣ или же на вершинѣ земляного вала небольшихъ размѣровъ. Этотъ валъ назывался «острожною насыпью»: «дѣлати... земляной градъ по той старой осыни, что нынѣ стоитъ острогъ...»⁸⁾ или: «по старой городской

¹⁾ *ibidem*, т. II, № 133, стр. 82.

²⁾ Доп. къ Акт. Ист. т. IX, стр. 182—183, № 85.

³⁾ Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 98.

⁴⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 129, стр. 79.

⁵⁾ Ласковскій, Матер. т. I, стр. 99.

⁶⁾ Акты Моск. Гос. т. II, стр. 74, № 123.

⁷⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, № 71, стр. 108.

⁸⁾ *ibidem*, т. II, № 425, стр. 264.

осыпи дѣлаеть Рязскій острогъ Иванъ Бѣгичевъ...¹⁾. Съ наружной стороны острогъ еще окружался рвомъ. Остроги были въ планѣ по большей части четырехугольной формы, на углахъ ставились башни, сообщеніе было черезъ проѣзжія башни, которыя помѣщались на срединѣ одной изъ острожныхъ стѣнъ. Высотою тынъ бывалъ отъ 2 до 3 саж.²⁾. Защищались или поверхъ тына, или же черезъ отверстія въ самомъ тынѣ. Въ первомъ случаѣ дѣлались особаго рода подмостки «кровати» — о нихъ мы уже говорили выше. Острожная ограда по способу построения именовалась «стоячей», «рубленой», «косой». Острогъ, бревна котораго были врыты вертикально, именовался стоячимъ; косымъ назывался тотъ, бревна котораго имѣли наклоненное внутрь положеніе; а рубленнымъ, — бревна котораго были обтесаны³⁾. Острожные башни были вообще небольшихъ размѣровъ и преимущественно «рубилась въ 4 стѣны» и не отличались особенно большой высотой и величиной. Внутри острога были обыкновенно слѣдующія строенія: съѣзжая изба, воеводскій дворъ, зелейный (пороховой) погребъ — «казна», хлѣбные амбары, тюрьма и, если оставалось мѣсто, то осадные дворы для служилыхъ людей, иногда церковь: «въ острогѣ соборная церковь, да дворъ воеводскій, да дворъ осаднаго головы, да житницы съ государевымъ хлѣбомъ...»⁴⁾. Острожная тыновая ограда примѣнялась и къ городскимъ укрѣпленіямъ.

Деревянные ограды не рѣдко усиливались еще искусственными препятствіями, какъ-то: тыномъ, надолобами, частичкомъ, чеснокомъ, рогульками...⁵⁾.

Тынъ или палисадъ помѣщался по дну рва въ одинъ или нѣсколько рядовъ и состоялъ изъ заостренныхъ кольевъ «... около острога только одинъ ровъ выкопанъ, и тотъ мелокъ и безъ стоячаго тына...»⁶⁾.

Небольшія бревна, стоя вкопанные въ землю передъ рвомъ въ одинъ, или два, или три ряда, назывались «надолобами». Надолобы дѣлались такой вышины, чтобы непріятель не могъ черезъ нихъ ни перескочить, ни пройти между ними. Для большаго загражденія между надолобами набивался частичкъ: «а около острога былъ ровъ, надолобы и частичкъ⁷⁾... а около городка и башенъ и противъ всего рву и валу ставленъ частичкъ, въ 2 бревна и надолобы поставлены...»⁸⁾. Кромѣ того, для большаго

1) *ibidem*, т. I, № 372, стр. 374

2) Доп. къ Акт. Ист. т. VI, № 21.

3) Ласковский, Матеріалы т. I, стр., 101.

4) Акты Моск. Госуд. т. I, № 210, стр. 237.

5) Ласковский, Матеріалы т. I, стр. 106.

6) Акты Моск. Госуд. т. II, № 174, стр. 113.

7) *ibidem*, т. I, № 214, стр. 244.

8) *ibidem*, т. II, № 118, стр. 69.

загражденія иногда между надолбами дѣлали наметы, вѣроятно, изъ хвороста, пересыпаннаго землею¹⁾. Были особыя двойныя и тройныя надолбы, связанныя между собою горизонтальною скрѣпою: «а отъ острогу поставлены надолобы тройныя... надолобы двойныя...»²⁾ «подлѣ того рву сдѣланы надолобы связныя дубовыя въ два рядъ...»³⁾.

Частигъ или частоколь ставился на ходѣ вала «бермѣ» съ наружной стороны стѣны и состоялъ изъ небольшихъ колебѣвъ, отстоящихъ на небольшое разстояніе другъ отъ друга и расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ. Частигъ набивался также и между надолбами. «Чеснокъ» — это желѣзныя спицы, укрѣпленныя однимъ концомъ въ доску и расположенныя, какъ частигъ. Промежутомъ между отдѣльными спицами засыпался листьями и рыхлою землею и такимъ образомъ былъ невидимъ непріятелю, лошади котораго портили себѣ ноги, напарываясь на острія и становились негодными къ дальнѣйшему употребленію.

Намъ теперь остается сказать нѣсколько словъ о каменныхъ оградахъ. Такія ограды строились или изъ естественнаго камня, или изъ кирпича, или изъ того и другого матеріала вмѣстѣ. Иногда кирпичомъ только облицовывались ограды, напр., въ Коломнѣ въ 1525 г. наружная и внутренняя стороны были кирпичныя толщиною въ 12 вершковъ, а средняя часть была сложена изъ булыжнаго камня. Каменная стѣна строилась различной толщины и высоты, такъ Коломна была обнесена стѣною въ 1½ саж. «И всего около города Коломны стѣною 1020 саж., а поперегъ стѣны полторы саж.»⁴⁾. Приведемъ нѣкоторыя данныя, помѣщенныя у Ласковскаго въ его «Матеріалахъ» для исторіи инженернаго искусства т. I, стр. 112.

	Высота.	Толщина.
Тульского кремля (1514 г.)	42 ф.	8½ ф.
Коломны (1525 г.)	—	7 ф.
Зарайска (1531 г.)	26 ф.	8½ ф.
Серпухова (1536 г.)	23 ф.	7 ф.

Слѣдовательно, стѣны были высотой отъ 3 до 7 саж., а толщина ихъ была отъ 1 саж. и болѣе. Окружность стѣнъ была различна, смотря по величинѣ самого города: Коломна имѣла въ окружности 1020 саж.⁵⁾; въ Серпуховѣ (въ 1681 г.): «и всего городовыя стѣны и съ баннями, по мѣрѣ снаружи около города 438 сажень 3 чети»⁶⁾.

¹⁾ Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 107.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. II, № 128, стр. 78. ³⁾ *ibidem* т. II, № 133, стр. 82.

⁴⁾ Писцовыя книги т. I, отд. I, стр. 293 ⁵⁾ *ibidem*.

⁶⁾ Дополненія къ Акт. Ист. т. IX, № 85, стр. 182.

Сообщеніе съ вершиною стѣнъ поддерживалось какъ лѣстницами деревянными, такъ и каменными. Эти лѣстницы назывались каменными и лѣстничными «входами» или «взлазами»: «да у стѣны анбаръ деревянной для казны... «вверхъ входъ камен...»¹⁾ «а входъ на башню камень...» или: «а промежъ тѣхъ дву башенъ входъ лѣстница деревяна... «вверхъ на городъ входъ камень...»²⁾. Каменные башни по своему очертанію въ планѣ были слѣдующихъ формъ: полукруглая, квадратная, прямоугольная, многоугольная и неправильнаго вида. Каменные башни, какъ и деревянные, состояли изъ нѣсколькихъ этажей, напр. въ Тулѣ была башня въ 10 саж. высоты и состояла изъ 5-ти закрытыхъ и одного открытаго этажей³⁾.

Вотъ какихъ видовъ употреблялись охранительныя сооруженія на Руси, изъ нихъ каменные рѣже всего встрѣчались на южной границѣ и нами были указаны уже тѣ немногіе города, которые имѣли каменные стѣны. Наиболѣе распространеннымъ видомъ укрѣпленій были деревянные, что объясняется какъ обиліемъ матеріала, такъ и умѣньемъ его примѣнять: русскіе искони вѣковъ славились плотничествомъ и въ строеніи стѣнъ это искусство сказывалось вполне; иностранцы дивились деревяннымъ стѣнамъ, въ которыхъ не было ни одного желѣзнаго гвоздя; бревна стѣнъ были такъ плотно пригнаны одно къ другому, что, казалось, состояли изъ одного цѣлага, а между тѣмъ города рубились однимъ топоромъ...

Описавъ виды употреблявшихся охранительныхъ сооруженій, мы теперь перейдемъ къ описанію ихъ дѣйствительнаго положенія. Изъ многихъ данныхъ видно, что оборонительныя сооруженія, ограды, поддержаніе которыхъ въ исправности составляло одну изъ главныхъ воеводскихъ обязанностей, не всегда соответствовали своему назначенію. Вліяніе климатическихъ условій — сырости, мороза, губительно сказывалось на состояніи деревянныхъ оградъ, отъ сырости эти сооруженія гнили, въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ стѣны, гдѣ приходилось скрещиваніе поперечныхъ стѣнъ съ продольными. Сгнившія стѣны обваливались, валъ разсыпался отъ времени, размывался дождемъ, ровъ обсыпался съ краевъ, или запылавалъ пескомъ, если былъ наполненъ водой. Тайники очень часто обваливались, въ колодезяхъ вода загнивала и глохла, иногда совсѣмъ не было воды. Вотъ напр., въ какомъ видѣ былъ острогъ въ городѣ Зарайскѣ въ 1629 году: «въ Зарайскѣ жъ для приходу воинскихъ людей около посада былъ острогъ стоячій, а ворота и башни острожныя были рубле-

1) Писцовыя книги отд. I, стр. 291.

2) Писцовыя книги отд. I, стр. 291.

3) Ласковскій, Матеріалы т. I, стр. 119, стр. 124.

ныя, а около острога былъ ровъ и надолобы и частичкѣ, и тотъ острогъ и надолобы и частичкѣ погнили и вывалились и ровъ обвалился и засорился; и нынѣ около того посада острога нѣтъ ни одной тычины, и ворота и башни острожныя все погнили, и въ приходъ воинскихъ людей крѣпости никакой около посада нѣтъ...¹⁾ или: «Вережунскій острожекъ погнилъ и разсыпался и надолобъ нѣтъ...²⁾. Болховскій воевода пишетъ о ветхости Болховскаго острога: «И болховской острогъ погнилъ и во многихъ мѣстахъ вывалился, и съ башенъ кровля опала, и ровъ завалился и коровати и катки опали...»³⁾. Не лучше дѣло обстояло и въ Ельцѣ въ 1639 году «и во многихъ мѣстѣхъ острожныя стѣны худы, а индѣ обвалились, потому что поставленъ тотъ острогъ въ давнихъ лѣтѣхъ и стоитъ безъ крышки...»⁴⁾. Лихвинскій воевода сообщаетъ о состояніи лихвинскихъ засѣкъ: въ Боровенскомъ большомъ острогѣ у проѣзжихъ воротъ веревки подгнили... въ томъ же острогѣ къ кроватямъ 12 лѣтницы сгнили... да отъ того же острога до болота и отъ болота до Оки рѣки подлѣ рва на 49 саженьяхъ надолобы выгнили и вывалились, да въ Уляжскомъ же маломъ острожкѣ... подлѣ короватями столбы и къ кроватемъ лѣтницы подгнили... около Слободецкаго острога ровъ запылъ пескомъ и заросъ травой... да подлѣ Слободецкаго колодезя мостъ сгнилъ на 1¹/₂ саженьяхъ...» Вскрывавшіяся весною рѣки и полоя вода причиняли не мало разрушеній въ укрѣпленіяхъ, напр. «да въ опасномъ острогѣ, что поставленъ между Оки и Упы рѣки, вынесло полою водою острога 32 сажени... да въ томъ же острогѣ острожныя многія подгнили, острожныя по 2, и по 3, и по 5, и по 6 и вывалилось въ разныхъ мѣстѣхъ... да передъ воротами мостъ подъемный, и тѣ ворота и мостъ снесло полою водою... да въ острогѣ жъ кровати и лѣтницы сгнили и развалились;... да отъ Оки рѣки надолобъ вынесло полою водою 418 сажень...»⁵⁾. Вотъ какія опустошенія производила полоя вода, дождь и атмосферныя климатическія условія. Приведенные примѣры достаточно убѣдительны, говорятъ сами за себя, и мы не считаемъ нужнымъ дѣлать болѣе выписокъ и ссылокъ.

При такомъ состояніи охранительныхъ сооружений, дѣйствительно, «страшно и безнадежно» сидѣть въ осадѣ «въ приходъ воинскихъ людей», какъ неоднократно заявляютъ воеводы въ своихъ отпискахъ⁶⁾.

1) Акты Моск. Госуд. т. I, № 214, стр. 244.

2) *ibidem* № 242, стр. 261. 3) *ibidem* т. II, № 61 стр. 32.

4) *ibidem* т. II, № 174, стр. 113.

5) *ibidem* т. II, № 251, стр. 161.

6) Русская Историч. Библ. т. IX, стр. 574.

Кромѣ естественныхъ причинъ, какъ-то, дождя, покой воды и пр., служившихъ причиною разрушенія охранительныхъ оградъ, были причины и ныня, случайныя, и легко устранимыя, на эти причины и указываетъ въ воеводскихъ наказахъ; такъ тамъ говорится, что воевода долженъ смотрѣть, чтобы жители не ходили по валу, мусору въ ровъ не сыпали, съ огнемъ обращались осторожниѣ, скотину не гоняли черезъ валъ и пр.: «и о томъ велѣти береги и заказъ учинити крѣпкой, чтобъ въ городѣ по осыпи и около всего острога по рву ни съ которыя стороны никто не ходили и не ѣздили, и осыпи бѣ не обивали и рву не обваливали; да и навозу и всякаго сорья потому жъ никто въ тайники у воротъ и подъ полаты и въ ровъ нигдѣ не метали, чтобъ ровъ около острогу нигдѣ былъ не зарушенъ...¹⁾ Охранительныя сооруженія страдали не мало и отъ пожаровъ, иногда выгорали города со всеми укрѣпленіями. Для предотвращения возможности пожара употреблялись довольно оригинальныя мѣры, было запрещено топить бани въ лѣтнее время въ городахъ и острогахъ, готовить кушанья, для этой цѣли позволялось разводить огонь только на огородахъ и въ мѣстахъ удаленныхъ отъ стѣнъ и построекъ. Воеводы должны было неуклонно слѣдить за исполненіемъ этого предписанія, для этой цѣли даже назначались спеціальныя люди, такъ называемые «объѣзжіе головы отъ огней», они были по всемъ большимъ городамъ, ихъ обязанность въ малыхъ городахъ и въ острогахъ лежала на воеводѣ, по объ этомъ какъ и о другихъ служебныхъ обязанностяхъ воеводъ мы подробнѣе скажемъ во главѣ «О служебномъ устройствѣ», а теперь подтвердимъ выписками сказанное о мѣрахъ противъ пожаровъ: «Да и того велѣти беречи накрѣпко, чтобъ въ городѣ и въ острогѣ и на гостинѣ дворѣ въ лѣтніе дни избѣ и мыленъ никто не топили, и съ огнемъ поздно не сидѣли, а для хлѣбнаго печенья и гдѣ ѣсть варить, велѣти подѣлати печи на огородѣхъ или на поляхъ мѣстѣхъ въ землѣ... не близко отъ хоромъ, и отъ вѣтру бѣ тѣ печи были огорожены... да въ лѣтнюю бѣ во всю пору на гостинѣ дворѣ на амбарѣхъ, въ рядѣхъ, и на всехъ лавкахъ, и во дворѣхъ по всемъ хоромамъ поставлены были мѣришки или кади съ водою и съ вѣники для береженья отъ пожарнаго времени... Да и объѣзжихъ головъ велѣти росписати въ городѣ и въ острогѣ по всемъ улицамъ и по переулкамъ и съ ними росписати для береженья стрѣльцовъ и пушкарей, по скольку человекъ пригоже, и велѣти тѣмъ объѣзжимъ головамъ отъ огня... день и ночь береги накрѣпко...»²⁾.

¹⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, № 135, стр. 162.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, № 135, стр. 162; см. также *ibidem* № 129, стр. 157; № 202, стр. 228; № 249, стр. 266 и многіе другіе №№.

Какъ строились города, къмъ и на какія средства, вотъ вопросы, къ рѣшенію которыхъ мы теперь и обратимся. Мы не будемъ вдаваться во всё подробности, скажемъ въ общихъ чертахъ объ устройствѣ городовъ, сборѣ денегъ на постройку и пр.

Города ставило государство или по своему почину, или же по указанію и просьбамъ населенія: «и приговорили по дозору Ѳедора Сухотина да подъячего Евсея Юрѣва и по чертежу и по сказкѣ осколянъ и бѣлогородцевъ дѣтей боярскихъ и станичныхъ головъ и атамановъ и ѣздоховъ и вожей и бѣломѣстныхъ и полковыхъ казаковъ для береженія отъ приходу воинскихъ людей поставить жилые городки на полѣ...»¹⁾ или: «Бьютъ челомъ розныхъ городовъ, курчане и бѣлогородцы дѣтшки боярскіе и казаки и стрѣльцы и всякіе служилые люди. Милосердый Государь... пожалуй насъ, вели государь города строить межъ Курека и Бѣлгорода на половинахъ, отъ Курека 60 веретъ, а отъ Бѣлгорода 60 же веретъ, на устьѣ рѣчки Бая и гдѣ впаля въ Большой Песель на Баянскомъ городищѣ, межъ Пела я Баяни, а то Баянское городище исконивѣчное отъ Муромской сакмы веретъ съ 10...»²⁾. Такимъ образомъ населеніе указывало не только на необходимость устройства города, но и на самое мѣсто, а также и на причины необходимости поставить городъ: «А какъ по твоему государеву указу бываемъ мы на твоей государевѣ службѣ въ станицахъ и на вѣстехъ, и въ томъ дальнемъ проѣздѣ наша братія погибаетъ многіе и въ полянѣ животъ свой мучимъ безвыходно...»³⁾.

Рѣшеніе поставить тотъ или другой городъ представлялось на обсужденіе боярской думы: «И генваря въ 4 день гос. царь и вел. кн. Михаилъ Ѳеодоровичъ всеа Русіи сей росписи слушалъ и чертежи смотрилъ и указалъ о томъ сидѣть бояромъ. И генваря въ 7-ой день по госуд. цар. и вел. кн. Мих. Ѳед. указу бояре росписи Ѳедора Сухотина и подъячего Евсея Юрѣва слушали жъ и чертежу смотрили и приговорили...»⁴⁾.

Докладъ о построеніи города обсуждалъ всесторонне вопросъ о мѣстѣ, способѣ укрѣпленія, средствахъ, числѣ новыхъ жителей, льготы новопоселенцамъ и пр. Правительство посылало время отъ времени особія коммисіи для осмотра существующихъ укрѣпленій, описанія ихъ состоянія и для собиранія свѣдѣній о желательныхъ дополненіяхъ или измѣненіяхъ въ укрѣпленныхъ пунктахъ. Такія коммисіи состояли обыкновенно или изъ дьяка съ нѣсколькими подъячими, или же, что

1) Багалъй, Матеріалы т. II, стр. 12.

2) Акты Моск. Госуд. т. II, № 119, стр. 69.

3) Акты Моск. Госуд. т. II, стр. 69.

4) Багалъй, Матеріалы т. II, стр. 12.

бывало гораздо рѣже, въ составъ комиссіи входилъ стольникъ или даже бояринъ. Привлекались въ составъ комиссіи и лица изъ мѣстнаго населенія, преимущественно изъ лицъ, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ охранѣ границы; такъ въ составъ комиссіи призывались станичники, головы сторожевые и засѣчные и пр., какъ лица болѣе освѣдомленныя въ данномъ вопросѣ: «... и по сказкѣ осколянъ и бѣлгородцевъ дѣтей боярскихъ и станичныхъ головъ и атамановъ и ѣздоковъ и вожей и бѣломѣстныхъ и полевыхъ казаковъ для береженья отъ приходу воинскихъ людей поставить жилые городки на полѣ...»¹⁾. Опросъ названныхъ лицъ производился или на мѣстѣ, или же они вызывались въ Москву; напр. въ 1571 году были вызваны въ Москву для обсужденія мѣръ по охранѣ южной границы станичные головы, и вожи, и сторожи, и дѣти боярскіе и атаманы и пр.²⁾.

Комиссія, посланная изъ Москвы, производила осмотръ: «... 145 году въ ноябрѣ и въ декабрѣ... ѣздили съ Оскола и изъ Бѣлгорода на Калміускую сакму на Тихую Сосну... и до Дону и на Ольшанское Городище «... и къ Липовому и Сажному Донцу и всякихъ крѣпостей досматривали...»³⁾. Комиссія составляла подробную «смотренную опись», въ которой отмѣчало все мелочи и включала свои замѣчанія; напр., о необходимости устроить въ томъ или иномъ мѣстѣ укрѣпленный пунктъ, возвести повья укрѣпленія, уничтожить ненужное, перенести его на иное болѣе удобное мѣсто и т. п.: «А отъ усть рѣки Усерда по крымской сторонѣ черезъ степь учинить крѣпость къ Волуйскому лѣсу на 25 верст...»⁴⁾ или: «а противъ устья Тростенскаго до отрогу Пловскаго лѣсу... учинить крѣпость съ версту дѣлать валъ земляной»⁵⁾. Вотъ еще примѣръ: и по досмотру... и по сказкѣ осколяпъ... поставить жилой городъ на рѣкѣ на Соснѣ у отрогу по конецъ Терновскаго лѣсу у Оскольской пристани...»⁶⁾.

Составленные комиссіей «смотренные» списки даютъ полное понятіе о состояніи укрѣпленныхъ пунктовъ, также не мало указаній на этотъ предметъ заключается въ отпискахъ воеводъ.

Лица, входившія въ составъ комиссіи, не только указывали, гдѣ надо возвести то или другое оборонительное сооруженіе, но и составляли росписъ, сколько нужно для новаго пункта строительнаго матеріала, какую охрану и пр. необходимо тамъ оставить, сколько можно поселить челоуѣкъ въ данномъ мѣстѣ, какія тамъ мѣста, угодыя и пр.: «А служилыхъ

¹⁾ *ibidem* стр. 12. ²⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, № 1, стр. 2.

³⁾ Багалъй, Матеріалы т. II, стр. 3.

⁴⁾ *ibidem* стр. 4. ⁵⁾ *ibidem* стр. 6. ⁶⁾ *ibidem* стр. 8.

людей въ томъ городѣ можно устроить землею и сѣнными покосы 1000 чел. А для береженья покамѣста городъ устроитца надобно ратныхъ людей 300 конныхъ, 700 пѣшихъ. А угдья къ тому городу паншия и сѣнные покосы внизъ по Соснѣ къ р. Дону и вверхъ по р. Соснѣ подлѣ Терновскаго лѣсу на городцкой сторонѣ за крѣпостью, а рыбныя ловли на р. Соснѣ и на р. Дону. А лѣсъ на острожное и на городовое дѣло надобно на башни и на обламы 8000 бревенъ. А какъ городъ устроитца и рѣкою Сосною въ рѣку Донъ судовой ходъ будетъ...»¹⁾. Такимъ образомъ комиссія не только указывала на необходимость постройки города, но и на удобства отъ построения города въ данномъ мѣстѣ—здѣсь судовой ходъ, указывалось сколько нужно въ новомъ пунктѣ ратныхъ людей: «на р. Ольшанкѣ... на Вязовской сакмѣ учинить стоялый острогъ, а служилыхъ людей въ томъ острогѣ надобно 500 чел.»²⁾. Въ источникахъ такихъ указаній не мало. Комиссія давала, кромѣ того, указанія, гдѣ поставить сторожей, стоялыхъ головъ, заградить перелазы, засѣчь новыя засѣки: «А сторожей посылати къ бродамъ на Терновой поляны по 6 чел., а на бродѣхъ въ 6-ти мѣстахъ учинить крѣпости битъ въ водѣ частикъ и ставить сваи дубовыя... А межъ лѣсовъ... учинити засѣки валить лѣсъ...»³⁾. Комиссія указывала, есть ли возможность устроить въ иныхъ мѣстахъ защиту или нѣтъ: «А отъ Верхососенья къ Бѣлу колодезю къ рѣкѣ къ Осколу крѣпости учинить не мочно, потому что межъ Бѣлоколодезя и Верхососенья пришли суходолы и лѣсовъ нѣтъ и рѣка Бѣлый Колодезь не крѣпка, а крѣпость будетъ вести больша 30 вереть... Оумкино плесо и подъ Жестовыми горами бродъ отъ татарскаго приходу укрѣпить мочно межъ лѣсовъ... учинить засѣки, а промежъ озеръ копать ровъ и ставить во рву честики и въ томъ рву будетъ полая вода и стане та вода стоять во рву во все лѣто, а для береженья Оумкина плеса и броду... учинить стоялый острожекъ и ратныхъ людей въ томъ острожкѣ надобно 100 чел. пѣшихъ, 25 конныхъ...»⁴⁾.

Разсмотренные и одобренные боярекою думою проекты новыхъ оборонительныхъ сооружений затѣмъ приводились въ исполненіе. Постройка новаго города поручалась особо назначенному лицу, стольнику, иногда боярину и производилась, какъ мѣтко выравился г. Миклашевскій «за счетъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ болѣе старыхъ городовъ...»⁵⁾.

Когда выяснилась необходимость поставить новый городъ въ какомъ-либо мѣстѣ, дѣлался докладъ думѣ, которая отправляла на мѣсто предпо-

1), 2), 3) Багалъй, *Матеріалы* т. II, стр. 8, 9. 4) *ibidem*, стр. 9.

5) Миклашевскій, *Къ исторіи хозяйственнаго быта*, стр. 25.

лагаемаго города свѣдущихъ людей «дозорщиковъ»¹⁾), которые должны были «того мѣста смотрити и чертити», т. е. должны были составить обстоятельные планъ и описаніе предполагаемаго города и необходимыхъ укрѣпленій, также иногда и предварительную смѣту. Послѣ разсмотрѣнія и утвержденія смѣты государемъ назначали одного или двухъ воеводъ, которые и отправлялись на мѣсто во главѣ большей или меньшей величины отряда.

Такъ при постройкѣ г. Валукъ въ 1599 г. съ воеводою кн. Влад. Вас. Кольцовымъ-Мосальскимъ да съ головою Судакомъ Мясновымъ было людей: изъ Новасили голова О. Жилинь, а съ нимъ дѣтей боярскихъ Новосильцовъ 70 чел. съ пищальми, съ головою съ Судокомъ Мяснымъ дѣтей боярскихъ Новосильцовъ 30 чел. съ пищальми да съ воеводою съ кн. В. Кольцовымъ-Мосальскимъ. Съ Дѣдилова голова С. Ладыженской, а съ нимъ 2 сотниковъ да стрѣльцовъ и литвы и нѣмецъ и черкасъ лутчихъ 150 конныхъ съ пищальми... Съ Оскола съ сотникомъ 50 казаковъ лутчихъ конныхъ съ пищальми. Да изъ украинскихъ же городовъ стрѣльцовъ съ сотникомъ 50 ч. лутчихъ конныхъ съ пищальми. И всего въ той посылкѣ стрѣльцовъ и казаковъ конныхъ 98... Да съ воеводою со кн. В. Кольцовымъ-Мосальскимъ да съ головою съ Судокомъ Мяснымъ городской мастеръ Якушъ Далматовъ, пушкарей 12 ч., плотниковъ 20, кузнецъ, поповъ 2 да дьякъ да дьячекъ да пономаръ да проскурница, и всего 40 чел. Во всемъ отрядѣ было около 400 чел. Часть этихъ служилыхъ людей должна была взять «своего запасу» съ такимъ расчетомъ, чтобы его могло хватить на 3 мѣсяца; другая часть имѣла право на казенное продовольствіе; они получали на мѣсяць по осминѣ сухарей человѣку, да на 10 чел. по осминѣ кругъ да по осминѣ толокна. Съ своимъ запасомъ должны были быть дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкарѣ²⁾. Нарядъ для новаго города должны были доставить частью изъ Серпухова, частью изъ Ливенъ, также и другіе запасы должны были итти изъ этихъ городовъ. Сверхъ того кн. Мосальскій долженъ былъ взять съ собою и все «церковное строеніе», какъ-то образа, ризы, церковную утварь, колокола, богослужебныя книги и на проевирѣ «три чети муки пшеничныя». Все это, какъ запасы такъ и люди, должно было быть собрано сперва въ Осколѣ и отсюда двинуться къ мѣсту новаго города. Такъ сразу собиралось все нужное для постройки новаго города и даже самое его населеніе. Воеводѣ, отправленному строить городъ, данъ былъ подробный наказъ какъ вести себя на пути къ мѣсту назначенія и какія мѣры

¹⁾ Багалъѣй, Матеріалы т. I, стр. 5; т. II, стр. 3—22.

²⁾ *ibidem* т. II, № 1, стр. 1.

принимать при строеніи самаго города. Передадимъ вкратцѣ содержаніе такого наказа, даннаго Богдану Бѣльскому и Семену Алферьеву: воеводы должны были быть на Ливнахъ за недѣлю до Ильина дня 107 года, гдѣ они обязаны были пересмотрѣть «по спискамъ дворянъ и дѣтей боярскихъ... а собрався съ людьми, пересмотрѣть, все ли въ исправности, въ полномъ ли числѣ собрались люди. Во время пути идти съ «великимъ береженьемъ» и ставится въ крѣпкихъ мѣстахъ и сторожи велѣтъ держать крѣпкіе... «больше всего беречь ночью чтобъ на нихъ татарова и воры черкасы безвѣстно не пришли... уградомъ и обманомъ...» «идучи на поле передъ собою и по сторонамъ и по всемъ мѣстамъ куды пригоже посылать станицы и проѣзды частые и того беречь накрѣпко, чтобъ имъ до Донца и до устья Оскольскаго до Бахтина колодезя пройтить здорово...» «а воеводамъ, которые вѣсти будутъ и тѣ вѣсти писать въ Бѣлгородъ и куды пригоже...». Затѣмъ по прибытіи на мѣсто новаго города воеводы должны были «то мѣсто на Донцѣ и на Осколѣ, которое присмотрѣли головы Чулковъ и Михневъ по чертежу и по росписи помѣрити и ручьевъ и бугровъ росмотрити и измѣрити сколь далече который ручей или бугоръ будетъ отъ города...»¹⁾. Для огражденія себя отъ неожиданныхъ нападеній, воеводы должны были соорудить временный небольшой острогъ, укрѣпить его нарядомъ и обвести рвомъ. Заготовивъ сосновый и дубовый лѣсъ, воеводы немедленно должны были приступитъ къ самой постройкѣ города, башни и прочія укрѣпленія дѣлать по чертежу или какъ будетъ удобнѣе «смотря по тамошнему дѣлу»; въ городѣ выкопать тайникъ въ рѣкѣ или озеру или же устроить колодезь. Кромѣ сооруженія города, воеводы должны были поставить двѣ церкви, для хлѣбныхъ и воинскихъ запасовъ и принадлежностей поставить амбары, къ которымъ назначить сторожей, а ключи имѣть при себѣ, для зелья (пороха) выкопать яму, въ ней поставить дубовый срубъ «для зелейной казны». Затѣмъ воеводы должны были описать окрестности города, какіе тамъ лѣса, уголья, пашни, сѣнные покосы и пр. Покончивъ съ построеніемъ города, воеводы должны были часть ратныхъ людей отпустить, а съ другою частью остаться въ новомъ городѣ и жить съ великимъ береженьемъ, быть всегда готовымъ къ «осадному сидѣнью» — для этого всехъ ратныхъ людей росписать для осаднаго времени по башнямъ, стѣнамъ, воротамъ, высылать станичниковъ для наблюденій за движеніями татаръ, призвать жившихъ по Донцу атамановъ и казаковъ, поручить имъ «чинить промыслъ...». Кромѣ этихъ, чисто военныхъ обя-

1) Багалъѣв, Матеріалы т. I, стр. 5-; онъ же «Очерки» стр. 46. —

занностей были у воеводъ и другія, но объ нихъ мы скажемъ ниже во главѣ: «О служебномъ устройствѣ», а теперь перейдемъ къ вопросу о тѣхъ средствахъ, которыми Московское правительство располагало для постройки городовъ, этотъ вопросъ мы изложимъ въ общихъ чертахъ, подробно разсмотрѣнъ онъ въ соч. А. Лаппо-Данилевскаго «Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій».

Постройка городовъ требовала не малыхъ расходовъ, а Московское правительство, не богатое средствами, для покрытія расходовъ на сооруженіе городовъ прибѣгало къ помощи всего государства. Такъ въ 1637 году была разослана по всему государству окружная царская грамота о повсемѣстномъ сборѣ денегъ на строеніе городовъ и пр. укрѣпленій для защиты отъ нападений Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ. Въ этой окружной грамотѣ царь указалъ: «для городского дѣла и на жалованье ратнымъ людямъ взять въ городѣхъ, по писцовымъ книгамъ, съ живущихъ чети съ посадовъ»¹⁾. . . «съ Мордовскихъ земель съ чети пашни по полтинѣ; съ боярскихъ» . . . «съ гостей, за которыми земли есть, съ живущія чети по двадцати алтынѣ; съ дворянъ. . .» съ вотчинныхъ земель съ живущія чети пашни по десяти алтынѣ . . .».

Самая постройка городовъ велась или ратными людьми, или же при содѣйствіи уѣздныхъ людей, или же наемными рабочими. Какую плату получали эти рабочіе «дѣловцы», мы уже имѣли случай сказать выше при описаніи устройства сторожевыхъ и засѣчныхъ укрѣпленій.

По окончаніи постройки города часть ратныхъ людей распускалась, а другая составляла временный гарнизонъ вновь построеннаго города и смѣнялась черезъ извѣстные сроки другими отрядами служилыхъ людей: «однимъ срокъ оканчивался на Пасху, другимъ въ недѣлю Муромосицъ»²⁾. Только съ XVII ст. Московское правительство стало насильно водворять служилыхъ людей на поселеніе въ новыхъ городахъ. Эти подневольные «переведенцы» надѣлялись землями на новыхъ мѣстахъ и получали на первое время различныя льготы въ видѣ освобожденія отъ податей и пр. «опричь городского дѣла». Въ южную Украину еще ранѣе такихъ переведенцевъ, посылались въ ссылку дѣти боярскіе за разные проступки, въ особенности за клевету: «Лѣта 7090 марта въ 12 день Государь Царь и Великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи приговорилъ со всѣми бояры. . . а который въ жалобницѣ и въ судѣ лжетъ и составить ябеду, ино того казнити торговою казнью, да написати въ казаки въ украинные

¹⁾ Мы опустили подробное перечисленіе земель; см. объ этомъ Акты Арх. Эксп. т. III, № 268, стр. 409—412; Акты Ист. т. III, № 195.

²⁾ Багалъй, «Очерки» стр. 50.

города въ Сѣвскъ и Курскъ . . » и далѣе въ томъ же документѣ читаемъ ниже: «А уличенъ будетъ въ составѣ и въ кромолѣ, и такого лихого чловѣка казнити торговою казною да сослати въ казаки въ украинные города . . .¹⁾».

Новопоселенцы получали отъ правительства кромѣ разныхъ льготъ, еще и денежныя пособія на обзаведеніе, такъ называемыя «селитебныя деньги», «на хоромную ставку». Величина денежной дачи была различна—7, 5 руб.; «по государеву указу велѣно дать денежнаго жалованья на дворовое строеніе по 7 руб. чловѣку . . .²⁾ или: «на Уемони . . . на дворовыя строенія дати по 5 руб. чловѣку . . .³⁾» «а на дворовое строеніе и на селитьбу дано Козлова города дѣтемъ боярскимъ по 5 руб. чловѣку⁴⁾». Такія же льготы правительство предоставляло и безпомѣстнымъ новикамъ при раздачѣ имъ помѣстій: оно давало не только льготу «въ государевыхъ податяхъ и посохѣ опричъ городского дѣла», на 8 и даже на 10 лѣтъ, но еще давало «на хоромную ставку» по 2 рубля на каждыя 100 четей помѣстья⁵⁾.

Въ 1640 году московскіе стрѣльцы и казаки, переведенные въ Яблоновъ, получили по 8 руб. на дворовое строеніе, эти стрѣльцы были устроены въ казачью службу, а стрѣльцы, тоже переведенные въ Яблоновъ, но оставленные въ стрѣлечкой службѣ, получили только по 6 руб. на дворовое строеніе⁶⁾ или вотъ еще примѣръ: «да оскольскимъ стрѣльцамъ сказать . . . которые изъ нихъ похотятъ жить на Усердѣ и мы тѣхъ пожалуемъ велимъ дать наше жалованье на селитьбу по 4 руб. чел.»⁷⁾. Какъ видимъ, величина денежной дачи была различна, что зависѣло отъ числа иныхъ льготъ и пособій; выдавалось, кромѣ денежнаго пособия, и хлѣбное, тоже въ разномъ размѣрѣ: «хлѣба по 2 чети ржи да по 3 чети овса . . .⁸⁾». Въ Яблоновѣ Московскіе стрѣльцы и казаки, кромѣ, пособія на дворовое строеніе, получили «для пашеннаго заводу» хлѣба по 3 четверти ржи и по 5 четвертей овса. Стрѣльцы въ Усердѣ, Чугуевѣ тоже получили хлѣбное пособіе, но въ меньшемъ размѣрѣ, а именно: по 2 четверти ржи и по 3 четверти овса⁹⁾.

1) Акты Истор. т. I, стр. 271, № 164.

2) Акты Моск. Госуд. т. II, № 7, стр. 4.

3) ibidem стр. 163, № 255.

4) Акты Моск. Госуд. т. II, № 191, стр. 123.

5) Писцовыя книги Моск. Госуд. т. I, отд. II, стр. 607.

6) Миклашевскій, Къ исторіи хозяйственнаго быта стр. 144.

7) Вагалъ, Матеріалы т. II, стр. 20, 27.

8) ibidem стр. 20.

9) Миклашевскій, Къ ист. хозяйств. быта стр. 144.

Земли новопоселенцамъ отводились близъ города и «въ отъѣздѣ», т. е. въ дальнихъ урочищахъ, но объ этомъ скажемъ ниже, когда будетъ разбирать детально вопросъ объ обезпеченіи войскъ.

Кромѣ строенія городовъ, застѣкъ, валовъ и пр. къ числу охранительныхъ мѣръ надо причислить и пожегъ степей. Эта мѣра предпринималась съ цѣлью лишить татаръ фуража и тѣмъ сдѣлать невозможнымъ переходъ по степямъ къ русскимъ границамъ, или, какъ выражается Волуйскій воевода въ своей отпискѣ, эта мѣра употреблялась съ тѣмъ, чтобы впредь въ тѣхъ мѣстахъ татарскимъ становищамъ и опочиву не быть...¹⁾. Мѣра эта—пожегъ степей—была установлена при Иванѣ IV, но по всей вѣроятности была въ употребленіи и раньше. Въ 7080 г. (1571 г.) по Государеву указу «бояринъ Мих. Ив. Воротынской съ товарищи приговорили изъ которыхъ украинскихъ городовъ и по кое поры и по которымъ мѣстомъ и къ которымъ урочищамъ и до коихъ мѣсть и сколькимъ изъ котораго города станицамъ и по скольку человекъ въ станицѣ на поле ѣздити и поле жечи и росписали украинныя города и изъ тѣхъ городовъ станицы польскіе...²⁾. Было опредѣлено не только время пожега, погода, но и указаны условія и способы пожега; «а жечи поле въ осенинахъ», читаемъ далѣе въ томъ же приговорѣ, въ октябрѣ или въ ноябрѣ по заморозомъ какъ гораздо въ поле трава посохнетъ, а снѣговъ не дожидаясь, а дождався ведреные и сухіе поры чтобъ вѣтръ былъ отъ государевыхъ украинскихъ городовъ на польскую сторону или какъ будетъ пригожь, а блиско государевыхъ украинскихъ городовъ, лѣсовъ и лѣсныхъ застѣкъ и всякихъ крѣпостей, которые въ которыхъ мѣстехъ крѣпости учинены отъ приходу воинскихъ людей однолично береги ихъ отъ огня на крѣпко и блиско ихъ огня не принускати и не обжигати...³⁾. Грамоты о пожегѣ степи и росписи «по которымъ мѣстомъ поле жечи», посылались воеводамъ заранѣе въ сентябрѣ изъ Разряда съ Москвы. Такъ по приговору 1571 г. слѣдовало послать станицы изъ слѣдующихъ мѣсть: изъ Мещеры, Донкова, Дѣдилова, Новосили, Мценска, Орла, Рыльска и Путивля⁴⁾. Впослѣдствіи изъ вновь построенныхъ городовъ посылались также станицы для пожега степей, напр. изъ города Валукъ⁵⁾. Станицы были по 6 человекъ. Станицы должны были «выжечи поле безъ пропуску...» «жечь межи всѣхъ рѣкахъ не пропущая...» «жечи рядомъ... безъ прогрѣхи...»⁶⁾. Станицы не всегда могли исполнить пору-

¹⁾ Багалъй, Матеріалы т. II, стр. 42.

²⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, стр. 15, № 13.

³⁾ *ibidem.* ⁴⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, № 13, стр. 15, 16.

⁵⁾ Багалъй, Матеріалы т. II, стр. 42 ⁶⁾ Акты Моск. Госуд. т. I, № 13, стр. 16.

ченное, сырость, дожди мѣшами произвести пожегъ степей: «а къ Донцу Сѣверскому», пишетъ Валуйскій воевода, — къ устью тѣхъ рѣчекъ травы де они станичники не жгли, потому что учела быть моча...¹⁾). Дожди мѣшали пожару степи, приходилось ждать, откладывать до лучшей погоды: и съ Воронежа... на степи травы жечь послать нельзя, учинились дождювые дни, какъ ведреные дни будутъ и я — продолжаетъ воевода въ своей отпискѣ — на Ногайскую степь травы жечь дѣтей боярскихъ пошло тотчасъ и о томъ къ тебѣ государю отпишу²⁾).

Исправленіе разрушившихся оборонительныхъ сооружений лежало на обязанности воеводъ и производилось городскими и уѣздными людьми. Эта повинность всегда тяготила населеніе, ложила тяжелымъ бременемъ на жителей, которые часто обращались къ правительству съ просьбами, били челомъ поьготить имъ въ этомъ дѣлѣ, что правительство иногда и исполняло, разрѣшая не производить той или иной починки, или не позволяя сдѣлать улучшеніе и усиленіе существовавшихъ укрѣпленій. «Били челомъ изъ Серпухова, пречистыя Богородицы Высоцкаго монастыря архимаритъ Антоней, да Владычня монастыря игумень Юна, и Серпуховичи и Тарушане дворяне и дѣти боярскіе, и Серпуховскіе пушкарі, и затинщики, и посадекіе люди, и дворники, и всякихъ чиновъ и уѣдныя люди, а сказали: въ прошломъ деи въ 144 году... велѣно имъ въ Серпуховѣ острогъ стоячей сдѣлать новый, и они... жилецкіе и уѣздныя люди острогъ сдѣлали рубленой, и надолобы и ровъ вычистили... и имъ велѣно сверхъ того сдѣлать частичъ, а у прежнего деи острогу частича не бывало; и намъ бы ихъ пожаловать, около острогу частичу дѣлать не велѣти...». Воевода долженъ былъ въ данномъ случаѣ разузнать: можно ли безъ частичу «сидѣть въ приходъ воинскихъ людей безстрашно», и если можно, то разрѣшено было частичу не дѣлать³⁾).

¹⁾ Багалѣй, Матеріалы т II, стр. 43.

²⁾ ibidem ³⁾ Акты Арх. Эксп. т. III, № 269, стр. 413—414.

Подъ солнцемъ Гомера

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ И МЫСЛИ

(Переводъ съ нѣмецкаго)

I

Влеченіе къ югу

Отъ мартовскаго вѣтра мои ели шумять, буковый лѣсъ блеститъ милліонами глянцевиныхъ почекъ, которыя уже распускаются на весеннемъ солнцѣ. Въ лощинахъ лежитъ еще немного снѣга, но и тотъ давно почернѣлъ и сдѣлался талымъ; въ долину, глубоко подо мною, журчитъ ручей, какъ бы радуясь веснѣ. Онъ бѣжитъ вдоль зеленаго орѣшника, омывая его корни, а дальше по лугу разстилается коверъ подснежниковъ и анемонъ.

Тысячи птичьихъ голосовъ носятся надъ землею съ криками радости: чириканье и шумъ ихъ пробуждаютъ день съ восходомъ солнца. А тамъ вдали клубится серебристый паръ и, поднимаясь къ небу, даетъ здоровый земляной запахъ,—это дышетъ наша мать—земля и дышетъ юно и бурно. Вотъ она, наша весна!..

А ей предшествуетъ наша зима, — длинная, мрачная, суровая; тогда все въ оцѣпенѣніи, что теперь бодрствуетъ и ликуетъ. Такая рѣзкая противоположность учить насъ, жителей деревень, сердечнѣе и теплѣе встрѣчать священное чередованіе временъ года. Потрясающей, величественной кажется природа въ своемъ царствѣ тому, кто ее понимаетъ или желаетъ постичь.

Почти ежедневно, по дѣламъ служебнымъ, я бываю въ ближайшемъ городѣ. По долгу службы я долженъ тамъ жить, но меня мало привлекаютъ городскія удобства, такъ какъ настоящую родину и покой я нахожу здѣсь, въ горахъ, среди природы, почему я и выговорилъ себѣ право жить тамъ, гдѣ мнѣ хочется.

Каждый день, послѣ обѣда, безъ всякаго сожалѣнія я покидаю бібліотеку, которою завѣдую, и городъ, и отправляюсь съ радостью по лѣсной дорогѣ къ себѣ.

Она идетъ отъ княжескаго парка среди лощинъ и откосовъ. Съ каждымъ шагомъ мало-по-малу забываю я пустые разговоры, долетавшіе до меня во время службы, и, придя въ свой садъ, прилегающій къ маленькому домику, я опять принадлежу всецѣло самому себѣ. Тутъ я живу, счастливъ, какъ пустынный, наслаждаясь исключительно природой, которую мой взоръ обнимаетъ на далекое разстояніе.

Да, я люблю эти спокойныя поля, эти долины и далекія верхушки горъ; я люблю ихъ, какъ люблю и лѣсъ и журчащія ручейки. Полный раздумья, я гляжу на нихъ подъ палящими лучами солнца, подъ ризой сѣраго тумана и подъ однообразной горностаевой шубой зимы, и мысленно наблюдаю за развитіемъ природы, начиная отъ раскрытія почки до тихаго паденія пожелтѣвшаго, отжившаго листа, отъ зарожденія личинки до перехода къ оцѣпенѣнію въ гусеницу; я слѣжу за радостями и нуждами животныхъ такъ же, какъ за работой крестьянина отъ плуга до молотилки, — словомъ, мимо меня ничто безслѣдно не проходитъ. Въ этомъ живетъ половина моего „я“, — кажется, болѣе счастливая; вѣдь я отчасти тоже земледѣлецъ и владѣю маленькимъ участкомъ земли — садомъ; значить, я не праздно наблюдаю за природой; нѣтъ, я создаю, дѣйствую — сажаю, собираю, и, вдвойнѣ удовлетворенный, спокойно окидываю взоромъ небо и землю. Съ радостью нахожу себѣ здѣсь все знакомымъ, и далеко я отъ города; его шумъ жизни мало тревожитъ меня.

О, бѣдное сердце! Освобожденное отъ человѣческой суеты и волненій, довольно-ли ты родной природой? Нѣтъ, милое сердце, нѣтъ. Еще бѣшься ты такъ сильно и пылко, что я изъ наблюденій любимой природы не только получаю бодрость, но и стремленія къ жизни. Только позднѣе, когда ты утомишься, я погружусь со своими думами въ движенія и дѣйствія стихій, а ты уподобишься цвѣтку, который ищетъ солнца, чтобы на немъ погрѣться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ холодная и сумрачная ночь. А теперь я сравню тебя съ великаномъ, сыномъ Геи — съ могучимъ Антеемъ. И тебѣ земля даетъ новую силу, когда ее коснешься и будешь очаровано: и захочешь ты тогда подняться, подобно орлу, посмотрѣвшись вдоволь на дивный ликъ природы. Подняться! но куда?

Орлы поднимаются въ небесную лазурь, но я, конечно, не романтичскій поэтъ и не мечтатель; и эта безконечная, безпредѣльная лазурь не привлекаетъ меня. Напротивъ, меня привлекаетъ то, что я чувствую всѣмъ своимъ существомъ. Нѣтъ, чувствуя себя частицею своего народа и своей страны и гордясь этимъ, я желалъ бы съ своего горизонта посмотрѣть на полосу чужой земли—земли классической культуры, югъ.

Южный ландшафтъ, южный народъ, южная наука и искусство, — все это рѣзко разнится отъ сѣвера. Но истина одна, и нѣтъ непримиримыхъ контрастовъ, а потому и сѣверная и южная культуры начали сливаться. Правда, сѣверъ получилъ существенное пополненіе своей культуры съ юга и главнымъ образомъ отъ древнихъ грековъ; югъ же въ продолженіе столѣтій съ сѣвера подвергся вліянію, врядъ-ли болѣе чѣмъ сомнительному. Хотя между Греціей и нами лежитъ цѣлая пропасть, но при глубокомъ анализѣ, въ основѣ, между нами есть нѣчто общее. Мы, съ нашимъ горячимъ идеализмомъ и бѣдностью въ понятіяхъ о формахъ, съ тѣхъ поръ, какъ живемъ сознательной духовной жизнью, нуждаемся въ греческой, классической ясности, граціи, гармоніи; а этого возможно достигъ только изученіемъ остатковъ греческихъ и греко-римскихъ искусства и мудрости. Но такъ называемое классическое образованіе стало уже до того традиціоннымъ, несовременнымъ, что дѣйствуетъ условно,—другими словами, становится недѣйствительнымъ, развѣ ужъ мы имѣемъ силу и доброе желаніе, проникнуться имъ лично и дойти до самостоятельнаго пониманія его содержанія. Однако такая энергія мало у кого является, а если и приходитъ, то слишкомъ поздно; а иному тогда лишь, когда, познавши себя, считаетъ себя лишь личинкой въ эстетическомъ отношеніи и, испугавшись этимъ открытіемъ, ищетъ средствъ превратиться въ органически вполнѣ развитую бабочку. Для этого есть только одно средство, а именно, — не препятствовать склонности развиваться, а напротивъ, радостно и сильно рваться ей на встрѣчу.

Такъ какъ живое зданіе нашего эстетическаго образованія находится въ тѣсной связи съ нашимъ нравственнымъ развитіемъ, то и слѣдуетъ избавиться отъ

мертвaго балласта и питаться только тѣми впечатлѣніями, которыя требуются особенностями этого образованія. Духъ древнихъ воскреснетъ при дѣйствительномъ желаніи постигнуть его и будетъ царить въ насъ.

При познаніи этого духа,—а мы, конечно, поймемъ его, если только носимъ въ себѣ что-либо ему соответствующее, — мы обогатимся, принимая частицу благороднаго наслѣдія древности, и получимъ требуемое восполненіе для нашего духа; освобожденные отъ національной ограниченности, мы будемъ двигаться въ прекрасномъ равновѣсіи. Другими словами, не будучи слѣпыми космополитами, мы всѣмъ нашимъ сердцемъ будемъ наслаждаться внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ, и, будто обновившись, будемъ готовы къ непосредственному воспріятію всего чистаго и высокаго.

Достичь этой цѣли, дѣйствительно, трудно, но желательно: не всякій ее узнаетъ, не всякій, кто ее чувствуетъ, достигнетъ этого. А кто ее преслѣдуетъ, долженъ самъ себѣ пробить дорогу. Мнѣ думается, что мои поиски привели меня на истинный путь: я уѣзжаю, слѣдуя моему влеченію на югъ.

И тамъ только, на югѣ, въ Италіи или дальше, я найду родину, воздухъ и мѣсто антиковъ и обиліе величественныхъ остатковъ. Такимъ образомъ я воочию увижу искомое, чѣмъ будетъ жить и питаться мой умъ. Однако мнѣ недостаетъ драгоцѣнной способности—мыслить во всякое время ясно и отчетливо, а потому я разумно избралъ призваніе полу-административное, гдѣ научныя познанія все же примѣнимы. Этимъ я увеличу число знаній, необходимыхъ при управленіи бібліотекой, которая даетъ мнѣ гражданство и сохраняетъ мои отношенія къ живущимъ, а кромѣ того заполнить пробѣлы моихъ ощущеній и выполнить мое влеченіе. Я часто утверждаю, въ минуты недовольства собою, что во мнѣ задохся, по безталантности, художникъ, вслѣдствіе чего я не сдѣлался таковымъ, а за неимѣніемъ лучшаго сдѣлался посредственнымъ чиновникомъ. Остерегаясь пробуждать въ себѣ художественное призваніе, я никогда не грѣшилъ ни въ одномъ искусствѣ; напротивъ, я только раздувалъ пылъ, который во мнѣ горитъ для вдохновенія. Я теряюсь въ твореніяхъ моего Бога отъ восхищенія и, напротивъ,

росту и возношусь при разсматриваніи великихъ произведеній искусствъ, при открытіи творческаго художественнаго духа во всякой формѣ. Путемъ такого схватыванія наблюденій, наука становится живой и цѣнной, вслѣдствіе чего вырабатывается сила—работать критически, научно и не мечтать больше, чѣмъ думать...

Отсюда моя любовь къ отечественной землѣ и къ богатству ея жизни; отсюда мое желаніе не истратить себя въ своей страсти, такъ какъ земля, рано или поздно, возьметъ меня въ свои объятія, а напротивъ, здравымъ смысломъ, благороднымъ взглядомъ воспринять все, что необъятный міръ можетъ мнѣ дать. Даже на людей, которые въ своихъ трудахъ далеко уступаютъ другимъ, но которымъ удалось выполнить его по своимъ силамъ, даже и на этихъ людей я смотрю съ любовью. Я развиваю въ себѣ благоговѣніе ко всему достойному, прекрасному, великому, а все недостойное и малое стараюсь обойти, притомъ безъ негодованія. Это такъ обыкновенно, понятно, какъ и просто.

Однако, куда я ни кину взоръ наблюденія, меня не покидаетъ мысль о древности и ея вліяніи; ея строгая красота въ моемъ раздвоенномъ существѣ вноситъ гармонию и тянетъ меня отыскать общія нити, связывающія великія творенія всѣхъ странъ. Найдя ихъ слѣды, я вижу, какъ въ зеркалѣ, отраженіе каждаго народа, и меня тянетъ тогда съ двойною силою понять и схватить погибшее, какъ оно только можетъ быть понято. Италия, которая приняла и воспитала въ себѣ древній греческій духъ, какъ чуждое по натурѣ, теперь больше не удовлетворяетъ меня. Вотъ почему я и стремлюсь посѣтить многообѣщающую Элладу, малоазіатскую Іонію, классическій Востокъ, желая своимъ путемъ проникнуть въ ихъ достопримѣчательную судьбу.

Въ Бриндизи

Мнѣ была предоставлена свобода, и я, не заставляя себя просить, скоро воспользовался ею. Меня снова тянуло на югъ, и я, съ неподдѣльною радостью, въ одинъ апрѣльскій день спустился съ моей горы. Прощай, гора! прощайте сѣрья, дѣдовскія стѣны! Когда я приду усталый обратно подъ стѣну вашу, примите меня ласково, съ тихимъ привѣтомъ, а теперь я пушусь странникомъ по бѣлому свѣту.

Не всякій бываетъ при путешествіи владѣльцемъ волшебнаго плаща, а кто могъ бы его имѣть, отрывается отъ него изъ равнодушія и глупости. Такіе люди, подобно славяемому лѣсу, путешествуютъ механически, ничего не переживая; они проѣзжаютъ черезъ рѣки, горы, пустыни, ѣдутъ по богато-населеннымъ странамъ, равнодушно относясь и къ родинѣ и къ чужбинѣ. Ты же, человѣкъ фантазіи и впечатлѣній, закутавшись въ плащъ, раздуваемый вѣтромъ, несешься черезъ моря и земли, вездѣ изумляясь, глядя на разстилающуюся передъ тобою картину. Наблюдая за всѣмъ, достигнешь ты намѣченной цѣли, пробѣжавъ кажуціяся необъятными пространства, не чувствуя никакой тягости и пустоты; тебя несетъ волшебникъ, котораго ты самъ въ себѣ носишь, если во время научился ты служить самому себѣ. Да, мнѣ нравится подобный родъ путешествій, и единственно только онъ удовлетворяетъ меня. Я называю его сантиментальнымъ, потому что, когда я наполняю имъ свои свободные часы, чувствительность моя возвышается, а она питаетъ и укрѣпляетъ мою душу больше, чѣмъ умственный трудъ: я забываю тогда житейскія тревоги. Мнѣ кажется, что этимъ отличается сознательно живущій человѣкъ отъ безсознательнаго, наивнаго, жаждущаго особеннаго счастья.

Итакъ, я отправился по свѣту, стораю желаніемъ знать, что предложить онъ мнѣ на сей разъ.

Въ этомъ настроеніи достигъ я Альпъ. Вплоть до подошвы ихъ моими спутниками были: родной туманъ,

снѣгъ и дождливая погода, такъ что трудно было наслаждаться какимъ-либо ландшафтомъ. Не имѣя возможности любоваться тонами безотрадной гиперборейской дали, я обратился къ моимъ спутникамъ, сплошь нѣмцамъ, ѣхавшимъ въ Италію, и вступилъ съ ними въ разговоръ.

Мы сидѣли въ вагонѣ курьерскаго поѣзда. Проходя коридоромъ, я успѣлъ разсмотрѣть все общество, и увидѣлъ, что оно состоитъ изъ отдѣльныхъ группъ; долетавшій до меня разговоръ мнѣ былъ ясно слышенъ. Около меня сидѣли коммисіонеры, которые отзывались объ итальянскихъ городахъ, какъ объ оживленныхъ и удобныхъ центрахъ торговли, или какъ о мѣстахъ, славящихся своими увеселительными уголками. Невдалекѣ три студента старшаго курса ѣхали во Флоренцію для изученія и сличенія какихъ-то рукописей, и изъ ихъ неутомимой болтовни я понималъ, что они постигли науку, какъ буквафды, не понимая ея глубины и вообще не понимая всего прекраснаго. Въ другомъ купѣ помѣстились двѣ пары: онѣ ѣхали проводить свой медовый мѣсяцъ въ итальянскихъ гостиницахъ и музеяхъ: одна блаженно была погружена въ самое себя и часто обмѣнивалась нѣжными взглядами; въ другой парѣ равнодушная супруга устало глядѣла впередъ, а нѣжный мужъ никакъ не могъ возбудить на лицѣ ея улыбку ласки или довольства. Четыре эти существа путешествовали исключительно, чтобы разсѣяться и найти для себя что-либо пріятное.

Съ однимъ молодымъ человѣкомъ съ зачатками будущаго ученаго я вступилъ въ разговоръ; онъ очень мало путешествовалъ и вообще мало видѣлъ, а потому и мало пережилъ; онъ объявилъ мнѣ, что по окончаніи установленныхъ семестровъ долженъ представить докторскую диссертацию, касающуюся итальянской скульптуры, на чемъ хотѣлъ, въ нѣсколько недѣль, испробовать свои силы и показать знанія.

Прилежно изучивъ литературу и снимки произведеній скульптуры, онъ, дѣйствительно, говорилъ ловко и казался ученымъ. Но въ его сужденіяхъ я не замѣтилъ правильнаго взгляда, что наши умозаключенія и знанія до тѣхъ поръ будутъ несовершенны и ошибочны, пока понятіе о людяхъ и взаимныхъ ихъ отношеніяхъ не

будутъ больше обработаны и точнѣе выяснены. Поэтому я далъ этому будущему ученому совѣтъ: прежде чѣмъ обогащать науку, обратить большее вниманіе на развитіе своихъ душевныхъ качествъ и усвоить болѣе широкій взглядъ,—совѣтъ, въ сущности, лишній, такъ какъ при нынѣшней системѣ научнаго воспитанія онъ не выполнимъ; однако, я не былъ понятъ, и мой собесѣдникъ далъ мнѣ почувствовать, что я старый резонеръ и не имѣю никакого понятія о сущности и достоинствахъ современнаго метода. Продолжая съ нимъ разговаривать, я подумалъ, что, можетъ быть, Гесперія предложить ему свое яблоко познанія, вкусивъ которое онъ удалится изъ своего рая, что конечно поведетъ къ его нравственному совершенству. Подобная юношеская самоувѣренность можетъ долго длиться только у особо исключительнаго типа людей.

Мы уже кончили свой разговоръ, когда одинъ художникъ, желая его продолжить, подошелъ къ намъ; но желаніе его не удалось, такъ какъ то, о чемъ онъ говорилъ, касалось исключительно его среды и потому не имѣло общаго интереса; впрочемъ, среда эта давно меня привлекала. И такъ историкъ искусства отвернулся отъ художника и предоставилъ его мнѣ, чему я былъ очень радъ: послѣ тепличнаго растенія—дикорастущая травка. „Вы ѣдете въ Грецію?“—спросилъ онъ. „Что вы тамъ ищете? Музеи? Вѣдь древности всѣ перенесены въ Римъ; къ тому же греки не рисовали, да и развалины храмовъ не много дадутъ. Впрочемъ, мнѣ надоѣли греки еще въ школѣ, пока я не выбылъ изъ пятаго класса. Въ Академіи они меня вновь встрѣтили, въ видѣ образцовыхъ фигуръ. Но все-же древность я уважаю и иногда, рассматривая какую-нибудь фигурку старой тонкой работы, я невольно говорю себѣ: „а вотъ этого ты сдѣлать не можешь!“ хотя и сознаю, что все это стилизовано и не имѣетъ красокъ. Я художникъ—сецессионистъ, конечно, и ѣду въ Италію, конечно, не для того, чтобы изучать тамъ природу и рисовать туземное—виды и типы. Хочу взглянуть на Венецію, Верону. Теперь ѣздитъ мало художниковъ въ Италію; теперь нуждаются въ другомъ—въ воздухѣ сѣверномъ, настоящемъ воздухѣ. Вотъ потому я и хочу въ Венецію; быть можетъ, тамъ я научусь чему-нибудь особенному, что разовьетъ мое

художественное настроеніе, а затѣмъ возвращусь на родину. Мы, художники, придаемъ всему нашъ колоритъ, мы рисуемъ все особенно, каждый по своему, какъ ему заблагоразсудится. Понятно, публикѣ это не нравится, она требуетъ еще шаблона и подражанія, но скоро будетъ иначе; только бы не было этихъ критиковъ. Забудьте: кто самъ не рисуетъ, тотъ не можетъ знать и судить, что хотѣлъ выразить художникъ“.

И такъ длился нашъ разговоръ, изрѣдка прерываемый съ моей стороны возраженіями и вопросами. Я радовался открытому наивному характеру; въ сбивчивости и невѣжествѣ его сужденій находилъ я дѣльную черту—твердую вѣру въ свой талантъ. Видя восхищеніе его всѣмъ, что только производитъ впечатлѣніе прекраснаго, и порицаніе противоположнаго, я радовался, что встрѣтилъ темпераментъ, хотя и безъ обработки, но все-таки темпераментъ.

Изъ разговора, долетавшаго до меня изъ сосѣдняго купѣ, особенно выдѣлялась разсудительная рѣчь одного солиднаго господина, должно быть, учителя гимназіи. Онъ рассказывалъ своей молодой женѣ объ Италіи, побывавъ тамъ, по всей вѣроятности, раньше, а теперь возбуждая воспоминаніями своими интересъ въ рвущейся туда его собесѣдницѣ. Съ блестящими глазами прислушивалась она, желая какъ-бы запомнить каждое слово, не уставая переспрашивать; казалось, что вблизи воротъ обѣтованной, но незнакомой ей страны, ея волненіе возрастало. Только воспоминаніе о дѣтяхъ, оставленныхъ хотя и подъ хорошимъ надзоромъ, но впервые, омрачало по временамъ ея возбужденное лицо. Искренняя жажда увидѣть источникъ красоты и дивный ландшафтъ побѣдили чувства, почему мысли и впечатлѣнія путались у ней, а это естественно и понятно, — такъ какъ ясность сужденій въ области эстетики не есть явленіе врожденное, а достигается путемъ воспитанія вкуса и зрѣнія. Добрая женщина собою напомнила мнѣ дни увядшей розы, дни моей юности, когда я впервые отправлялся въ путешествіе. Ничего не зная, я воображалъ, что знаю, и сонъ принималъ за дѣйствительность, почему и возмущался тогда слышаннымъ споромъ путешественниковъ, которые сухо и даже несправедливо отзывав-

лись о красотѣ Италіи. Пылкое, доброе, неразборчивое чувство присуще даже и мужчинамъ.

Итакъ, въ вагонѣ собралось разнообразное общество, желавшее найти въ влеченіи на югъ себѣ удовлетвореніе. Разсѣянные до безучастія, ограниченные вслѣдствіе необразованности, съ педантичнымъ взглядомъ на науку, съ путанницею въ мысляхъ отъ недостатка умственной дисциплины,—многіе изъ нихъ лишь имѣли маленькое понятіе о томъ, что можно найти въ Италіи при вниманіи и дѣйствительномъ наблюденіи. О, Италія! Чѣмъ чаще въ разговорѣ произносится это имя, тѣмъ неотразимѣе становится искушеніе уклониться отъ намѣченной дороги, чтобы въ мѣстахъ моихъ прежнихъ восторговъ провести дни, недѣли. Испытывая самъ вновь, какъ тянетъ меня полюбоваться прекраснымъ, я долженъ быть слѣпымъ, чтобы не раскрылось мое сердце для состраданія къ влеченію, несмотря на все стремленіе мое къ греческой древности. Но на этотъ разъ останусь при первоначальной цѣли; на этотъ разъ не обольститъ къ прекрасной подругѣ любовь, пусть дремлетъ она до тѣхъ поръ, пока я не достигну желаннаго и не буду совершенно свободенъ для новыхъ впечатлѣній. Я чувствую заранѣе, какъ грустно и тяжело мнѣ будетъ проѣзжать черезъ Миланъ, Болонью, Римини, когда день и ночь смѣняются будутъ надъ полями, которыя созданы также для меня, отъ сокровищъ которыхъ досталась и мнѣ добрая часть при моемъ воспитаніи.

Безъ знанія Италіи истинно образованному человѣку также трудно обойтись, какъ безъ знанія отечества и древности. Послѣдней, въ сущности, владѣемъ мы черезъ посредничество Италіи, и намъ это посредничество становится яснымъ, если мы его разберемъ только строго и на мѣстѣ. Къ тому-же германская древность и средніе вѣка неразрывно связаны съ мѣстомъ первой римской имперіи и папства, и исторія нашей духовной жизни постоянно указываетъ намъ на исторію церкви и на гуманизмъ. И если бы кто захотѣлъ изучить это культурное и историческое соотношеніе по книгамъ только, вмѣсто того, чтобы представить живыми ихъ по памятникамъ и другимъ слѣдамъ, навѣрное онъ обратилъ бы исключительное вниманіе на

одно изъ искусствъ. Если это архитектура, то она, за исключеніемъ готическаго стиля, силу и красоту свою получила изъ Италіи; если это скульптура, то въ сравненіи съ нашей, она будетъ, какъ эпосъ, полна очарованія на ряду съ простой сказкой съ незатѣйливымъ или страннымъ концомъ; если это, наконецъ, живопись, то она здѣсь господствуетъ 20 столѣтій, тогда какъ нашей, младенческой, только три. Когда же само искусство не воздѣйствуетъ на открытую натуру изслѣдователя, то все же итальянская природа всегда въ правѣ рассчитывать на благосклонность туриста — не смотря на то, что картина природы не вездѣ одинаково прекрасна, какъ, на примѣръ, плоская Ломбардія, холмистая Тосканія, величавая римская Кампанія, словомъ, не все въ природѣ возможно воспринимать съ одинаково-бьющимся сердцемъ. Впрочемъ, Неаполь, Палермо, Ривьера, Гардское озеро своимъ невыразимымъ мерцаніемъ красокъ и несравненною полнотою формъ заражать невольно даже флегматика. И я, погружаясь въ природу, какъ художникъ, долженъ-ли въ дѣйствительности отказаться отъ живой воды и пройти равнодушно мимо ея источника? Да, такъ должно быть. Отказавшись, хотя и со вздохомъ, слѣдовать своимъ желаніямъ, я понемногу погружаюсь въ дремоту въ неудобномъ купѣ желѣзнодорожнаго вагона.

Мой сонъ безпокоенъ, я просыпаюсь, а поѣздъ, пыхтя, не перестаетъ катиться по дорогѣ на югъ. Италія представляетъ дивную картину. Вотъ за мной лежатъ крутыя, снѣговыя горы Швейцаріи; онѣ угрожающе поднимаются надъ оврагами изъ-за хвойнаго лѣса, что покрываетъ отлогости, а дальше позади меня тянутся фантастичныя бѣлыя облака по свѣтлому небесному своду; впереди-же, надъ широкой долиной, возносятся высокія, круглыя вершины далекихъ горъ, окруженныя голубоватою пѣною то тамъ, то здѣсь; орѣховыя деревья стоятъ между виноградниками, окружая плоско крытые каменные домики; отдѣльно стоящіе кипарисы, подобно восклицательнымъ знакамъ украшаютъ дальнѣйшій ландшафтъ. До перевала горъ мы ѣхали противъ теченія горныхъ ручьевъ, а теперь по направленію ихъ, и такъ все дальше и дальше къ р. По, къ

Адриатическому морю, и дальше на югъ до самаго Бриндизи.

Вновь новая картина за картиной! Послѣ восхитительной Анконы слѣдуетъ Лорето; справа сопровождаютъ меня цѣпи холмистыхъ дюнь или же большія пространства полей и степей, тутъ же виднѣются вдали высокія очертанія Аппенинъ! Слѣва же разстилается необозримое море, бѣдное островами съ этой стороны, и мало оживленное; здѣсь оно отдѣляетъ меня отъ Далматскихъ береговъ. На немъ нѣтъ оживленія ни отъ пароходовъ, ни отъ острововъ, и его отблескъ часто мѣняется, а поверхность обманчива: то она представляетъ зеркальную площадь, то сильное волненіе, что смѣшиваетъ синеву водъ съ отгѣнкомъ облаковъ; здѣсь ежедневно изъ волнъ встаетъ величавое солнце, осыпая просторъ морской золотомъ и розами и тихо вдали сливается съ небомъ. Но поднимите съ моря вашъ взглядъ, и вамъ представится въ мрачномъ величіи Монте-Гаргано, — это огромная горная область съ высокими вершинами и безчисленными долинами, которыя за известковыми горами скоро исчезаютъ.

О, какое чередованіе въ картинахъ и воспоминаніяхъ! Я закрываю глаза, и сейчасъ же въ умѣ моемъ связывается все то, что я видѣлъ съ представленіемъ того, чѣмъ замѣчательны эти дивныя мѣста. Лорето — это мѣсто божественной милости: на отдаленной горной вершинѣ его, подъ крѣпкимъ церковнымъ куполомъ, возносится домъ Св. Маріи. Католикъ думаетъ, что сюда въ 1295 году изъ Назарета переселился ангель-благовѣститель. Это рѣдкое чудо дѣйствуетъ въ продолженіе шести столѣтій съ необычайной силой; впрочемъ, оно основывается на логикѣ: „Credo, quia ineptum“. Чудомъ этимъ исцѣляются и утѣшаются тысячи тысячъ людей и опустошаются карманы; благочестивые короли жертвуютъ сюда богатые дары, сюда на алтарь и до сего времени приносится все то, что вырабатывается въ странѣ и кругомъ на взморьѣ, которое усѣяно рыбацкими ладьями и еле прокармливаетъ своихъ неприхотливыхъ обитателей. Здѣсь, въ храмѣ, вмѣстѣ съ горячей молитвой возносится къ небу священное пѣніе, еиміамъ и свѣчной удушливый газъ. На горѣ-же Гаргано, въ городѣ Сантъ-Анжело почитается архангелъ Михаилъ: по преданію,

онъ спустился въ гротъ этой мѣстности и оставилъ священный слѣдъ своей ноги. Съ тѣхъ поръ сюда стекаются народы. Нѣкогда германскій императоръ Генрихъ Святой посѣтилъ это мѣсто; въ благоговѣйномъ восторгѣ онъ застылъ вмѣсто того, чтобы упасть ницъ, за что ангелъ принудилъ его наклониться, и императоръ отъ такого принужденія, по преданію, вывихнулъ себѣ ногу. Тотъ-же ангелъ помогаль въ рукопашномъ бою съ сатаной апостола Германія и тогда лишился перышка изъ своего прекраснаго крыла; этотъ-же ангелъ, наконецъ, долженъ побѣдить въ единоборствѣ стараго искусителя-змѣя и искупить этимъ людскіе грѣхи. О, сколько восточнаго въ христіанской фантастикѣ. Всѣ абстрактныя понятія округлены здѣсь и воплощены, но все-же въ основѣ такого воплощенія лежатъ природныя силы, тѣ самыя добрыя или злыя силы, которымъ и греки поклонялись и приносили когда-то жертвы, создавая боговъ себѣ творческимъ образомъ; и я вскорѣ перейду порогъ ихъ величественныхъ храмовъ, и съ моей стороны не будетъ недостатка въ колѣнопреклоненіи.

Но поѣздъ мчится все дальше и дальше чрезъ пустынные асфодельскіе луга, виноградники, финиковыя плантаціи, и между живою изгородью розмариновъ. Такъ скоро достигну я конечной точки моего желѣзнодорожнаго пути, именно городка Бриндивизи, гдѣ и отдохну.

Это провинціальный деревенскій городокъ, но съ богатымъ прошлымъ! Издавна устроена была въ немъ маленькая надежная гавань, и отсюда съ любовью выѣзжали италійскіе путешественники въ Грецію. Единственный огромный столбъ напоминаетъ здѣсь о дняхъ древнихъ, а средніе вѣка проявляются въ нѣкоторыхъ романскихъ постройкахъ; новое же время замѣчается въ колоссальныхъ укрѣпленіяхъ, которыми Карлъ V окружилъ мѣстность, но которыя въ настоящее время находятся въ запустѣніи. Но въ общемъ городъ представляется въ чудномъ порядкѣ современности. Это видно въ огромныхъ гостиницахъ въ видѣ особыхъ дворцовъ, въ электрическомъ повсюду освѣщеніи, въ новыхъ улицахъ между узкими старо-итальянскими кварталами. Все это придаетъ городу замѣчательно интересный видъ! Дома здѣсь построены большей частью

изъ кирпича, но только доведены до половины перваго этажа, а затѣмъ кое-какъ подведены подъ крышу, такъ что незаконченныя окна и двери безсмысленно закрыты крышей или выступами изъ-за наполовину оконченныхъ стѣнъ. Нижній этажъ, предназначенный для лавокъ, нынѣ обитаемъ владѣльцемъ дома, который ждетъ въ немъ лучшихъ временъ. Онъ началъ строить домъ по плану, превосходящему его средства, и при второмъ — третьемъ платежѣ у него не хватило ни денегъ, ни кредита, почему, приостановивъ постройку на время, онъ надѣется при посредствѣ наслѣдства или другого счастливаго случая когда-нибудь окончить ее. Здѣсь мало новыхъ домовъ, которые совершенно были-бы законченны или доведены до третьяго этажа. Кто далъ Итали этотъ толчекъ строительной горячки, въ особенности южной части ея? Однако веселость и самосознаніе здѣсь не исчезаютъ: святые покровители города Бриндизи, *pumina et genius Brundisinorum*, какъ гласитъ древняя латинская надпись, — грозя своимъ гнѣвомъ нарушителямъ гробового покоя, покровительствуютъ живущимъ.

Теперь же, любимая, хотя и не чисто-античная Италия, я говорю тебѣ: „Прости: до свиданія, до свиданія въ добрый часъ!“ Я направляю свой руль на морской берегъ, гдѣ ждетъ меня греческая древность. Наконецъ таки я коснусь той почвы, на которой она выросла, и разорву завѣсу, что закрывала мнѣ долго глаза. Тогда, смотря смѣло въ глаза истинѣ, брошу обычные свои предубѣжденія. Хотя истина приводитъ насъ иногда къ разочарованію, но все же это величайшій даръ; а не стремясь къ ней, можно ли называться „*homo sapiens*“?

(Продолженіе слѣдуетъ).

Переводы изъ древнихъ писателей.

Авзоній.

Дидонн¹).

Счастлива ты не жила ни съ однимъ изъ супруговъ, Дидона :
Погибъ Сихей—ты убѣжала, бѣжала Эней —погибла ты.

Петроній.

Отрывокъ²).

Что мило, то бери ; людей желанья разны :
Одинъ срываетъ розы, другой беретъ шипы.

Къ юношѣ³).

Земли оставь ты свои и къ чужимъ берегамъ направляйся,
Юноша : высшій удѣлъ ждетъ тебя виѣ предѣловъ отчизны.
Не покоряйся бѣдамъ ; тебя знать будетъ берегъ Дуная,
Хладный Борей будетъ знать и мирное царство Канопы,
Знать будутъ все о тебѣ, кто восходъ и заходъ видятъ солнца :
Явится въ землю чужую герой Итакійскаго выше.

Отрывокъ⁴).

Свили для дѣтокъ голубки гнѣздышко въ шлемѣ солдата :
Богу войны, знать, милы ласки богини любви.

Софокль.

Гимнъ Колонѣ⁵).

Въ лучшій край страны родной
Ты пришелъ, о чужеземецъ !
Гдѣ я раньше былъ младенецъ,
Старцу тамъ тебѣ покой.
Градъ, гордящійся конями,
Нашъ бѣлѣющій Колонъ
Тамъ, гдѣ неба чудный склонъ,
Градъ излюбленный богами...

¹) Стр. 417 по изд. Reiser'a (Лейпцигъ 1886).

²) Фрагментъ XXXV стр. 220 по изд. Buescheler'a (Берлинъ 1862).

³) Фрагментъ XXXVII стр. 220 *ibid*.

⁴) *Ibid*. фрагментъ XXXXVI стр. 223.

⁵) Переводъ-подражаніе I-ой строфы хоровой партіи изъ трагедіи Софокла
«Эдипъ въ Колонѣ» ст. 668—680.

Въ зеленѣющей долинѣ
Слышны пѣсни соловья :
Свилъ гнѣздо онъ для себя
И живетъ онъ тамъ понынѣ.

Гдѣ густа листва деревъ,
Солнца свѣтъ не виденъ,
Не страшитъ звѣриный ревъ,
Вѣтра свистъ не слышенъ.

Изстуженный богъ вина
Здѣсь всегда гуляетъ,
И хоръ нимфъ его ласкаетъ —
Онъ вкушаетъ сладость сна.

Пав. 4—въ.

между Мессеной и Аркадіей, находилась въ данномъ мѣстѣ (возлѣ городища Гермейонъ)¹⁴⁾.

По моему мнѣнію, — скажу я въ свою очередь. — статуя, обозначенная въ Віотіи, возлѣ городища Гермейонъ, та самая, которую Аполлодоръ показалъ намъ въ Елидѣ. Сосѣдство Аркадіи и Елиды съ одной стороны и съ другой — безпорядокъ, въ которомъ были оставлены Павзаніемъ его путевыя замѣтки, подкрѣпляютъ это предположеніе.

Можно думать, что древность, совѣстясь того, что сыну Дедала не было тотчасъ-же оказано подобающее погребеніе и не поставлена гробница, оказало эти почести посредствомъ перваго и величайшаго изъ ея героевъ. Отсюда постоянное воспоминаніе объ этомъ курганѣ, который толкователи Павзанія выдаютъ за холмъ, насыпанный Геркулесомъ.

Удивительно также, съ какой остроумной деликатностью таже древность сумѣла извлечь изъ поступка благодарности Дедала поводъ для великолѣпной похвалы самому таланту ваятеля, который воспроизводилъ жизнь съ такою точностью, что обманывалъ самую жизнь.

Я охотно останавливаюсь на повѣствованіи объ Икарѣ. Хотя оно является краткимъ случаемъ въ исторіи Дедала, выставляя въ новомъ свѣтѣ источники духа и искусства Дедала, но въ столь тяжко искушенномъ непослушаніи сына это событіе являетъ примѣръ, полный трогательности и назидательности.

Этимъ объясняется успѣхъ этого мифа у поэтовъ, главнымъ образомъ у римскихъ. Горацій вспоминаетъ о немъ нѣсколько разъ, то желая отмѣтить нечеловѣческую отвагу отца: «Дедалъ искушалъ воздухъ на крыльяхъ, не данныхъ человѣку»¹⁵⁾, то устрашая безразсудствомъ сына: «стараясь подражать Пиндару, Юлій, онъ, искусствомъ Дедала, подымается на восковыхъ крыльяхъ, чтобы дать свое имя прозрачному морю»¹⁶⁾.

¹⁴⁾ VIII, 35, 2.

¹⁵⁾ Od. I 3, 34 sqq.

¹⁶⁾ Od. IV 2, 1 sqq.

Въ другомъ стихотвореніи этотъ лирическій поэтъ воображаетъ себя превращеннымъ въ лебедя и улетѣвшимъ въ небо. Чтобы это приняли за правду, онъ говоритъ, что былъ охваченъ безумнымъ увлеченіемъ еще болѣе, чѣмъ Икаръ, сынъ Дедала¹⁷⁾.

Но кто изъ поэтовъ съ особенной любовью занялся бѣгствомъ двухъ узниковъ, кто кропотливо описалъ сборы и спасеніе, прикрашивая свой рассказъ всякими обстоятельствами, которыя только ему рисовала его улыбающаяся и богатая фантазія,—такъ это Овидій. Исторія этого событія до того очаровала его, и онъ такъ былъ доволенъ своимъ первымъ повѣствованіемъ о томъ же, помѣщеннымъ въ «Искусствѣ любить»¹⁸⁾, что снова повторилъ эту тему въ своихъ «Метаморфозахъ», только уменьшивъ немного пышныя преувеличенія¹⁹⁾.

Безъ сомнѣнія, въ этихъ стихахъ имѣется въ изобиліи и остроуміе и разныя подробности, предестныя по своей наивности. Но съ точки зрѣнія исторіи, хотя бы даже мифической, и правдоподобія это непрерывная ложь. А что сказать о географіи? Она фантастична, какъ мы увидимъ. Крылатые путешественники отправились изъ Крита, и вотъ что поэтъ рассказываетъ намъ о пути Икара, прежде чѣмъ онъ погибъ въ волнахъ Икаріи: «уже влѣво остался Юнонинъ Самось и Делось и Парось; направо былъ Левинь и богатая медомъ Калимна»²⁰⁾.

Но вѣдь Делось и Парось лежатъ налѣво, тогда какъ Калимна, Левинь и Самось расположены вправо. Какъ-же могъ Овидій помѣстить Самось на лѣвой сторонѣ, а на правой — Левинь и Калимну, которыя находятся на одной линіи и въ той-же сторонѣ, гдѣ и Самось? Каковъ-же былъ этотъ удивительный путь, который не только путаетъ расположеніе мѣстъ, но смѣшиваетъ даже части свѣта? Объяснимъ непоряд-

¹⁷⁾ Od. II 20, 13.

¹⁸⁾ Art. Amat. II 21—97.

¹⁹⁾ Metam. VIII 182—235 sq.

²⁰⁾ Metam. VIII 220 sqq.

докъ: это все имена, разстарленные по требованію стиха, а вовсе не съ цѣлью указать какое-либо направленіе.

Я нисколько не забываю *Виргилія*. Кто не знаетъ чудныхъ стиховъ, которые онъ посвятилъ слаѣ *Дедала*, и трогательнаго воспоминанія, посвященнаго *Икару*? Но поэтъ слѣдовалъ той передачѣ мифа, о которой я сейчасъ не буду говорить и которая будетъ упомянута въ свое время позже.

Итакъ, отецъ продолжалъ одинъ свой путь. Благодаря предосторожности, которая состояла въ томъ, что *Дедалъ* спустился къ морю и каждый разъ смачивалъ свои крылья, онъ не далъ воску растопиться и могъ достигнуть желанной земли. Объ этой любопытной подробности намъ сообщаетъ *Діодоръ Сицилійскій*: «говорять, что, летая надъ самымъ моремъ и смачивая каждый разъ свои крылья, онъ спасся чудомъ и долетѣлъ до *Сициліи*»²¹⁾.

Замѣтимъ, что эта предосторожность даетъ право предполагать, что *Дедалъ* дѣлалъ своему сыну хотя половину тѣхъ увѣщаній, о которыхъ упоминаетъ *Овидій*: «увѣщеваю тебя, *Икаръ*, — говоритъ *Дедалъ* поэта, — лети среднимъ путемъ; чтобы волна не отягчала крыльевъ, если полетишь слишкомъ низко; чтобы не сжегъ огонь, если слишкомъ высоко; лети между тѣмъ и другимъ»²²⁾.

Правда, что, летя между обѣими крайностями, сынъ не могъ употреблять спасительную предосторожность отца. Но *Овидій* не смотритъ на это дѣло такъ близко. И что случилось бы съ той антитезой, которая была ему нужна?

Какъ мы уже видѣли, по *Діодору Сицилійскому*, *Дедалъ* спустился въ *Сицилію*. Это мнѣніе общее и наиболѣе засвидѣтельствованное. Помимо *Діодора*, оно имѣетъ за себя *Игина*, *Овидія* и *Павзанія*²⁶⁾. По *Плутарху*, *Дедалъ* отправился на лодкѣ прямо въ *Аѣины*²⁴⁾. *Саллюстію* принадлежитъ важное свидѣтельство, которое мы однако не можемъ принять, такъ какъ оно совсѣмъ одиноко. Онъ увѣряетъ, что *Дедалъ* изъ

²¹⁾ IV 77.

²²⁾ *Metam.*, VIII 203 sqq.

²³⁾ *Hug. Fab.* XI. *Metam.* VIII 260. *Paus.* VII 4, 5.

²⁴⁾ Томъ I стр. 37, изд. *Reiske*.

Крита удалился въ Сардинію, а оттуда въ Кумы. Въ своей знаменитой исторіи Саллюстій не довольствовался изложеніемъ однихъ современныхъ событій, но углубляется также въ предшествовавшіе факты и даже въ древность. Такъ, по поводу римскихъ войнъ въ Критѣ, онъ довольно долго занимался исторіей Дедала, насколько можно судить по частымъ выдержкамъ Сервія въ его «Комментаріяхъ къ Виргилію». Ниже найдетъ мѣсто наша ссылка на одну изъ этихъ выдержекъ. Но это не значить, что художникъ никогда не былъ въ Сардиніи. Онъ ѣздилъ туда однажды, будучи приглашенъ изъ Сициліи. Ниже мы скажемъ — кѣмъ и почему. Существуетъ еще одно мнѣніе, по которому Дедалъ не остановилъ свой полетъ ни въ Сициліи, ни въ Сардиніи, но прямо въ Кумахъ, въ Кампаніи. Мы объ этомъ упомянемъ отдѣльно. Наконецъ, послѣдній предѣлъ, который приписывается путешественнику крылатому, заносить его къ островамъ Електры. Мы также скажемъ слово объ этой баснѣ, интересной во многихъ отношеніяхъ. Но не будемъ спѣшить.

Вторая глава.

I часть.

Дедалъ встрѣчаетъ у царя самый лестный пріемъ, который объясняютъ очень правдоподобно. — Здѣсь его труды принимаютъ особенный характеръ: его гений постигаетъ нужды рождающейся цивилизаціи, которая прежде всего требуетъ общепользныхъ дѣлъ. — Въ Сициліи Дедалъ является преимущественно водчимъ и инженеромъ. Онъ оказываетъ свои услуги большей части южной половины острова. Діодоръ Сицилійскій, нашъ авторитетъ въ данномъ случаѣ, упоминаетъ его четыре замѣчательныхъ творенія, для которыхъ мы должны дать необходимое объясненіе. — Среди этихъ грандіозныхъ сооружений Дедалъ вспоминаетъ о своихъ чудесахъ въ Критѣ и подноситъ Венерѣ Ерицинской соты меду, сдѣланныя изъ золота съ поразительной естественностью. — Самое простое объясненіе смысла этого подношенія, которое такъ странно толковалось до сихъ поръ.

Итакъ, Дедалъ въ Сициліи. Это одинъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ фактовъ его исторіи. Игинъ сообщаетъ, что онъ удалился къ Кокалу, царю страны ¹⁾. По словамъ Діодора Сицилійскаго, Дедалъ присталъ къ той южной части острова, гдѣ правилъ Кокаль, т.-е. къ Камикъ ²⁾, какъ мы увидимъ ниже ³⁾. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Камикъ былъ столицей Кокала. Это подтверждаютъ самые серьезные авторитеты, а именно Геродотъ, который даже сюда помѣщаетъ мѣсто кончины Миноса (VII, 170), а также Страбонъ, который говоритъ: «Камикъ царская столица Кокила, у котораго Миносъ былъ измѣнически убитъ (VI стр. 373). Прибавимъ, что схолиастъ Пиндара, голосъ котораго заслуживаетъ довѣрія, даже два раза свидѣтельствуетъ, что Дедалъ удалился къ «Кокалу, царю Камика» ⁴⁾. Однако Павзаній положительно увѣряетъ, что Дедалъ уѣхалъ

¹⁾ Гл. XL.

²⁾ Это названіе Камикъ требуетъ грамматическаго и просодическаго примѣчанія. Оно употребляется въ ед. и множ. числахъ, но въ ед. числѣ — женскаго рода, во множ. мужскаго (ἡ Καμικός — οἱ Καμικοί). Мы увидимъ другіе подобныя примѣры и сьяснимъ причину этой двойственности родовъ; просодическое примѣчаніе состоитъ въ томъ, что въ противоположность употребленію собственныхъ именъ, удареніе находится на послѣднемъ слогѣ.

³⁾ IV 77.

⁴⁾ Nem. IV 96. Срви. Pyth. VI 4.

въ Пнигъ къ Кокалу (VП 4, 5). Но хотя Пнигъ есть одинъ изъ городовъ Сициліи, и хотя Геродотъ говоритъ (VI 23—24), что Пнигъ никогда не служилъ царской столицей, я несколько не сомнѣваюсь, что въ выраженіи Павзанія мы имѣемъ дѣло либо съ ошибкой автора, либо съ опіской переписчика. Тѣмъ не менѣе, не оспаривая правъ Камика, необходимо сдѣлать оговорку, что, по свидѣтельству Стефана Византійскаго, историкъ Харакъ, который занимался мѣстическими древностями, называлъ Пнигъ мѣстопробываніемъ Кокала⁵⁾.

Мы подвигаемся шагъ за шагомъ впередъ, какъ можетъ видѣть читатель, и стараемся проложить новый путь и утвердить пройденный, насколько это возможно на почвѣ, столь мало разработанной, столь мало извѣстной.

Почему Дедалъ направилъ свой полетъ прямо на Камикъ и какимъ образомъ онъ нашелъ тамъ даже гостепріимный дворецъ? Конечно, это могло быть дѣломъ случая. Но все объясняется гораздо проще. Нашъ путешественникъ не искатель приключеній. Его пребываніе въ Критѣ, поразительныя дѣла, совершенныя имъ тамъ, распространили славу о немъ по всей Сициліи и въ значительной части Италіи. Дедалъ могъ ожидать, и безъ гордости, что его извѣстность будетъ ему предшествовать у Кокала и что ему достаточно назвать себя, чтобы вызвать къ себѣ особое уваженіе. Я не говорю о томъ безмолвномъ уваженіи, которое внушаетъ къ себѣ каждый достойный человѣкъ и на которое, конечно, и Дедалъ могъ вполне полагаться. Не выходя изъ вѣроятія, можно было бы полагать, что только крайняя необходимость заставила благороднаго художника совершить спускъ въ этомъ мѣстѣ. Но на помощь является исторія, которая подтверждаетъ предположенія.

Два историка особенно занялись Дедаломъ; Діодоръ Сицилійскій и Павзаній — главнымъ образомъ первый. Вотъ что намъ рассказываетъ Діодоръ: послѣ печальной кончины Икара, въ Икаріи или ея окрестностяхъ, «оставивъ этотъ островъ, Дедалъ пристаетъ къ той странѣ Сициліи, гдѣ царствовалъ Кокалъ, который заботливо принялъ путешественника и за его дарованія и славу особенно приблизилъ его къ себѣ» (IV 77).

Не нужно думать, что эта дружба удерживалась отъ проявленія самыхъ горячихъ чувствъ. Она дошла до самаго рѣшительнаго самопожертвованія, когда Кокалъ предпринялъ трудную войну, чтобы защитить новаго гостя. Діодоръ разбираетъ эту войну нѣсколько ниже, и мы еще будемъ имѣть случай говорить о ней.

⁵⁾ V, Камикъ.

Что касается Павзанія, то онъ также отмѣчаетъ, съ своей стороны, рѣдкіе таланты и блестящую извѣстность артиста, не забывая о войнѣ, которую онъ зажегъ совершенно невольно. Періегетъ сравниваетъ Дедала съ художникомъ эгинскимъ Смилисомъ и говоритъ, что послѣдній никогда не достигалъ славы перваго. «Дедалъ — говоритъ онъ — дѣйствительно происходилъ изъ царскаго рода, который въ Аѳинахъ называли Метіонидами, и сверхъ того онъ составилъ себѣ у всѣхъ народовъ еще болѣе знаменитое имя, благодаря превосходству своего искусства, а также своими скитаніями и бѣдствіями... Брошенный Миносомъ вмѣстѣ съ сыномъ въ темницу, онъ спасается изъ Крита и бѣжитъ къ Кокалу, въ Пникъ, городъ Сициліи, гдѣ вызываетъ войну, которую Сицилійцы должны вести противъ Критянъ, такъ какъ Миносъ потребовалъ выдачи Дедала, на что не согласился Кокаль... Такимъ образомъ можно сказать, что имя Дедала стало извѣстно во всей Сициліи и большей части Италиі» (VII 4, 5).

Вотъ послѣдняя цитата, которая, не прибавляя нисколько авторитетности къ предшествующимъ, ихъ дополняетъ. Стефанъ Византійскій говоритъ также: «Камикъ городъ въ Сициліи, гдѣ царствовалъ Кокаль, давшій гостепримство Дедалу»⁶⁾.

Здѣсь будетъ умѣстно дать нѣсколько подробностей относительно Кокала, великодушнаго покровителя Дедала. Но исторія почти совсѣмъ не занимается этимъ повелителемъ, и вся ея освѣдомленность не простирается далѣе покровительства, оказаннаго имъ Дедалу. Скажемъ только, что данное лицо касается уже мифической исторіи и непосредственно слѣдуетъ за варварскимъ владычествомъ Циклоновъ въ Сициліи: «Тринакрія была сначала отечествомъ Циклоновъ; когда они вымерли, Кокаль сталъ править островомъ» (IV 2).

Аѳнянинъ, который прославилъ свое пребываніе въ Критѣ такими чудесами искусства, теперь поселился въ Сициліи. Это вторая фаза въ его жизни, съ тѣхъ поръ какъ онъ тайно покинулъ Атику. Любопытно было бы сравнить оба положенія и рассмотретьъ, въ чемъ они сближаются и чѣмъ различаются.

Насъ прежде всего поражаетъ характеръ работъ, которымъ посвящаетъ себя Дедалъ. Критъ, болѣе цивилизованный и поэтому болѣе снабженный всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ жизнь пріятной и безопасной, никогда не обращался къ Дедалу, какъ строителю⁷⁾ и инженеру, исключая постройки

⁶⁾ У Камикъ. — «Деделовъ» вовсе не обозначаетъ здѣсь: «сынъ Дедала», но, какъ справедливо полагаетъ Ключевъ, — «хозяинъ», принимавшій Дедала.

⁷⁾ Мнѣ, можетъ быть, укажутъ на храмъ, воздвигнутый Дедаломъ согласно Солину, на подобіе критской Britomartis (XI p. 22, изд. Salm.). Но это извѣ-

лабиринта, который представлялъ изъ себя только хитрое сплетеніе корридоровъ, гдѣ можно было заблудиться безъ возврата. Зато критяне требовали отъ Дедала произведеній пластическихъ разныхъ родовъ, и онъ давалъ такія творенія, которымъ изумлялись люди и завидовали боги.

Въ настоящее время онъ пребываетъ въ странѣ, которая только начинаетъ цивилизоваться. Теперь нужно дѣлать не то, что чаруетъ глаза и душу, но то, что служитъ на общую пользу. Необходимо вдохновлять и направлять общественныя работы, проводить дороги, строить дома, воздвигать храмы, суды, заботиться о защитѣ и благолѣшии города, не забывая и о его развлеченияхъ. Благодаря неисчерпаемымъ богатствамъ своего художественнаго генія, Дедалъ выказываетъ умѣніе примѣняться ко всякимъ обстоятельствамъ и удовлетворять всевозможныя нужды.

Намъ это извѣстно отъ Діодора Сицилійскаго. Это единственный авторъ, который сообщаетъ намъ подробности о пребываніи великаго мастера въ Сициліи и о совершенныхъ имъ тамъ безчисленныхъ дѣланіяхъ. Вотъ что говоритъ историкъ; я привожу всю главу, которую снабжу необходимымъ толкованіемъ.

«Дедалъ провелъ продолжительное время у Кокала и среди Сикановъ, приводя ихъ въ изумленіе превосходствомъ своего искусства. Онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько твореній, изъ которыхъ нѣкоторыя существуютъ до сихъ поръ.

«Такъ возлѣ Мегариса, онъ выстроилъ съ большимъ искусствомъ то, что называютъ водоемомъ для плаванія, откуда большая рѣка, по имени Алабонъ, изливается въ сосѣднее море.

«И въ этомъ мѣстѣ, называемомъ нынѣ Акрагантиною, въ той части, которая находится вдоль рѣки Камика, онъ воздвигъ на скалѣ крѣпость, самую крѣпкую изъ всѣхъ которую было совершенно невозможно взять силою. Чтобы подняться на нее, онъ остроумно придумалъ узкую и извилистую тропинку, и поэтому для защиты крѣпости было достаточно трехъ-четырехъ человекъ. Сдѣлавъ изъ этого укрѣпленія свой замокъ и свою сокровищницу, Кокалъ никогда не могъ бы его лишиться, благодаря искусству изобрѣтателя.

«Въ третьемъ мѣстѣ, въ странѣ Селинунтіевъ, онъ воспользовался подземной почвой и такъ удачно собиралъ скрывавшіеся въ ней пары, что даже добывалъ огонь, который находился внизу. Благодаря размяг-

стіе, по моему, не достаточно обосновано. Критская *Britamertis* имѣла, безъ сомнѣнія, знаменитый храмъ въ древнемъ критскомъ городѣ *Lyctus* (Страб. X 479). Но я бы желалъ знать еще другого автора, кромѣ Солина, чтобы убѣдиться въ томъ, что Дедалъ былъ строителемъ этого храма.

чающему дѣйствию этой жары, человѣка незамѣтно бросало въ потъ. Тѣ, кто долго оставался въ этой жарѣ, мало-по-малу оздоравливали свое тѣло, испытывая при этомъ чувство удовольствія и не замѣчая никакого неудобства отъ жары.

«На горѣ Эрикѣ находилась остроконечная скала, которая подымалась на необыкновенную высоту. Такъ какъ доступъ къ находившемуся на скалѣ храму Венеры былъ очень труденъ, то нужно было строить жилища на обрывѣ. И Дедалъ соорудилъ на самой крутизнѣ стѣну, съ помощью которой онъ поразительно расширилъ поверхность этого обрыва.

«Говорятъ также, что онъ блеснулъ своимъ искусствомъ, когда съ поразительнымъ талантомъ сдѣлалъ для Венеры Эрикской медовые соты изъ золота, которые съ неподражаемымъ совершенствомъ воспроизводили настоящіе соты.

«Прибавляютъ, что въ Сициліи онъ оставилъ и много другихъ работъ, разрушенныхъ долгимъ теченіемъ времени» (IV, 78).

Такимъ образомъ, четыре великихъ работы на общую пользу и маленькое чудо искусства — вотъ, по свидѣтельству Діодора, образцы плодотворной и разнообразной дѣятельности Дедала во время его пребыванія въ Сициліи. Теперь и мнѣ остается разъяснить нѣсколько темныхъ мѣстъ въ запутанныхъ и сжатыхъ описаніяхъ историка. Не нужно упускать изъ виду, что Дедалъ распространяетъ свою полезную дѣятельность на большую часть южной стороны Сициліи, независимо отъ того, что онъ сдѣлалъ лично для Кокала и его маленькаго царства. Отсутствие въ текстѣ необходимыхъ подробностей можетъ ввести въ заблужденіе.

1. «Возлѣ Мегариса онъ выстроилъ... и т. д.» Городъ назывался также Мегарой и находился у устья рѣки Алабона. Если довериться статьѣ, которую посвящаетъ этой рѣкѣ Vibius Sequester, то можно предположить, что Дедалъ, видя, какъ Алабонъ дѣлится на нѣсколько рукавовъ, благодаря которымъ значительное пространство земли остается незаселеннымъ и необработаннымъ, нашелъ средство не только обработать затопленные низины, но даже устроилъ для жителей садовъ или водоемъ, удобный для плаванія, направивъ всѣ рукава рѣки въ одно мѣсто и собравъ ихъ въ обширномъ бассейнѣ. Вотъ свидѣтельство географа — номенклатора: «Алабисъ рѣка Мегарійцевъ; Дедалъ выправилъ ея теченіе и сдѣлалъ плодородными поля и всю окрестность, которая опустошалась той-же рѣкой»⁸⁾. Ключеве сообщаетъ, что «тамъ до сихъ поръ остались незначительные слѣды принадлежавшаго Алабону водоема»⁹⁾.

⁸⁾ De Flumin. стр. 4, изд. Oberlin.

⁹⁾ Sic. Antig. I стрн. 133.

Повидимому, ничто не могло бы представить затрудненій въ этомъ параграфѣ, и тѣмъ не менѣе представляется одно серьезное недоумѣніе, порождаемое небрежностью и, во всякомъ случаѣ, беспорядочностью свѣдѣній у историка. Въ началѣ можно предположить, что дѣло происходитъ въ Камикѣ, гдѣ Дедалъ желаетъ достойно отблагодарить за гостепрѣимство царя и его страну. Оказывается совершенно другое: мы, напротивъ, находимся въ значительномъ разстояніи отъ Камика — въ странѣ, которая, можетъ быть, никогда и не знала Кокала. Мы находимся къ сѣверу отъ площади, занимаемой Сиракузами, которыя были основаны только нѣсколько вѣковъ спустя послѣ Дедала, на восточной оконечности Сициліи. Тамъ, дѣйствительно, и нигдѣ больше находятся Алабонъ и Мегарисъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Какимъ же образомъ произошло то, что непосредственно за параграфомъ, посвященнымъ исключительно Кокалу и его государству, слѣдуетъ параграфъ, не имѣющій никакого отношенія ни къ царю, ни къ его удѣлу? Какимъ образомъ, особенно, могло случиться то, что во всѣхъ параграфахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, Дедалъ совершаетъ свои работы только по южному берегу Сициліи, постоянно подвигаясь отъ востока къ западу, до Лилибейскаго мыса и до горы Эрика? Изъ первой же части этой главы оказывается, что великій инженеръ былъ занятъ остроумной канализаціей въ противоположномъ концѣ острова.

Можетъ быть, здѣсь только перестановка. Возможно, что Дедалъ, во время своего пребыванія, которое продолжилось, былъ приглашенъ на восточный берегъ для сооруженія водоема: преданіе могло сохранить объ этомъ нѣкоторую память. Оно было записано Діодоромъ и присоединено къ его замѣткамъ о Дедалѣ, хотя разногласіе нѣсколько не устранилось даже при толкованіи.

Къ сожалѣнію, это разногласіе имѣло досадныя послѣдствія. Такъ, напримѣръ, Целларій, въ своемъ великолѣпномъ трактатѣ *Geographia antiqua* впадаетъ въ прискорбное противорѣчіе съ самимъ собою. Съ одной стороны, онъ помѣщаетъ на своей картѣ Сициліи Алабонъ и Мегарисъ на ихъ правильномъ мѣстѣ, а съ другой — сообщаетъ, что «Дедалъ выстроилъ для Кокала водоемъ — возлѣ Мегариса»¹⁰⁾.

2. «И въ этомъ мѣстѣ, называемомъ нынѣ Акрагантиною... и т. д.». Первая фраза этой статьи неясна. Моимъ переводомъ я указалъ, какъ я ее понимаю. Я долженъ нѣсколько разъяснить смыслъ. Во время, описываемое Діодоромъ, Акрагантіицы уже издавна занимали не только земли,

¹⁰⁾ Geogr. Ant. т. I, стр. 786.

расположенныя къ востоку отъ рѣки Камика, но и весь удѣлъ Кокала. Или же историкъ желалъ обозначить мѣсто скалы, на которой Дедалъ выстроилъ крѣпостцу (Полс), въ томъ значеніи, которое это слово часто принимаетъ), и поэтому онъ считалъ себя вправѣ выразиться слѣдующимъ образомъ: «и въ этомъ мѣстѣ, называемомъ нынѣ Акрагантиною (но что тогда обозначало царство Кокала?) и расположенномъ возлѣ рѣки Камика (рѣки, но не города; ибо Камикъ — рѣка здѣсь мужскаго рода: ἐν τῷ Καρικῷ, тогда какъ Камикъ—городъ женскаго рода, единств. числа, какъ было отмѣчено выше¹¹); а что ἐν въ значеніи вѣзлѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго)—Дедалъ выстроилъ... и т. д.»

Если отбросить всѣ эти побочныя мысли, то можно вывести заключеніе, что крѣпость, выстроенная Дедаломъ, находилась возлѣ рѣки Камика, недалеко отъ площади, которая позже была занимаема Акрагантиною. Но не слѣдуетъ думать, что послѣдняя охранялась той сильной крѣпостью, которая отличала этотъ городъ. Разсказъ Діодора ясно говоритъ, что крѣпость, которую Кокаль обратилъ въ свой замокъ и хранилище богатствъ, должна была быть вблизи его столицы.

3. «Въ третьемъ мѣстѣ, въ странѣ Селинунтievъ... и т. д.» Сицилія изобилуетъ теплыми источниками. Это отмѣчаетъ и Страбонъ, и среди другихъ мѣстностей, славившихся подобными источниками, называетъ Селинунтъ и Эгесту: «Вся Сицилія—говоритъ онъ — полая страна, которая подъ поверхностью почвы полна рѣкъ и огня. Во многихъ мѣстахъ острова бьютъ источники теплой воды, изъ которыхъ Селинунтскіе солоны, а Эгестскіе—годны для питья» (VI ст. 274).

Эти теплые источники, конечно, издавали пары, на которые не обращали никакого вниманія. Однажды Дедала, замѣтившаго это явленіе, осѣнила мысль, что можно извлечь пользу изъ этой влаги, которая до сихъ поръ даромъ пропадала въ видѣ паровъ. Ему казалось, что, собравъ эти пары въ закрытое помѣщеніе и подвергая ихъ дѣйствию человѣческое тѣло, можно получить дѣйствительное средство для того, чтобы здоровымъ членамъ придавать больше силы и гибкости, а болѣзненнымъ членамъ давать облегченіе и даже исцѣленіе. Опытъ доказалъ справедливость его мысли. Дедалъ открылъ леченіе паромъ, банями и минеральными водами, чѣмъ впоследствии такъ благотѣльно воспользовалась гигиена и терапія.

¹¹) Это различіе очень важно, для того чтобы не сдѣлать того, что допустилъ Oberlin въ своемъ изданіи Vibius Sequester. Въ статьѣ Camison онъ рѣшается утверждать, что «до его, автора, никто изъ древнихъ писателей не упоминалъ рѣки Камика» (стр. 91). Что Діодоръ упомянулъ объ этой рѣкѣ, видно изъ того рода, который отъ ей даетъ

4. «На горѣ Эрикѣ находилась остроконечная скала... и т. д.». Прослѣдимъ путь чудеснаго странствователя. Не покидая южнаго берега, онъ удаляется къ западу. Онъ не остается въ одной странѣ Кокала, но, какъ благодѣтельный геній, всюду разсыпаетъ дары своихъ знаній. Онъ продолжаетъ свой путь въ томъ же направленіи, къ горѣ Эрику. Онъ уже тамъ. «Это самая высокая гора во всей Сициліи, за исключеніемъ Этны» — говоритъ Полибій (I, 55). «Поверхность этой вершины ровна и увѣнчана храмомъ Венеры Эрикской — самымъ роскошнымъ храмомъ въ Сициліи».

Подъ этой самой вершиной расположенъ городъ, также названный Эрикомъ, къ которому со всѣхъ сторонъ нужно подыматься по очень длинной и обрывистой дорогѣ. Это намъ сообщаетъ опять Полибій, и мы не знаемъ болѣе надежнаго чичероне.

Но не высота горы и не городъ, прекрасно защищенный своимъ положеніемъ и затруднительнымъ доступомъ, привлекли вниманіе Дедала, а высшая площадь Эрика и доступъ къ храму богини. Эта площадь не имѣетъ большого протяженія, и храмъ занималъ на ней такую значительную часть, что необходимо было выстроить или какъ нибудь прикрѣпить къ краямъ скалы, о которой говоритъ Діодоръ, жилища, нужныя для потребностей священнаго зданія. Дедалъ долженъ былъ (намъ приходится дополнить недостаточность свѣдѣній у историка) высѣчь огромную скалу желательной ширины и высоты и, наполнивъ высѣченное мѣсто каменной стѣной, сравнять съ поверхностью верхней площади, благодаря чему расширялась вершина горы и пріобрѣталось недостающее мѣсто. Таково мое предположеніе.

5. «Говорятъ также, что онъ блеснулъ своимъ искусствомъ... и т. д.»

Мы уже видѣли, что чудесный инженеръ пытался овладѣть природой, какъ, на примѣръ, въ постройкѣ водоема. Здѣсь онъ желаетъ направить теченіе рѣки къ пользѣ страны, тамъ онъ ломаетъ скалу, чтобы очистить мѣсто людямъ. Но прежде чѣмъ покинуть вершину Эрика, Дедалъ прославилъ свой геній другимъ произведеніемъ, еще болѣе замѣчательнымъ и поразительнымъ. Онъ преподноситъ богинѣ медовыя соты, сдѣланныя изъ золота съ такой естественностью, которая можетъ обмануть глазъ.

На первыхъ порахъ это подношеніе показалось слишкомъ страннымъ и почти необъяснимымъ; поэтому *χρῆρον* было измѣнено въ *χρίον*, и медовыя соты превратились въ барана. Ключевое ясно высказался за барана, не говоря почему, и повидимому онъ очень доволенъ тѣмъ, что окончательно изгналъ соты. Послѣ того какъ онъ перевелъ въ тек-

стѣ Діодора: aureum arietem fabricavit, онъ прибавляетъ: In vulgatis exemplaribus hactenus fuit *χρῖον*: до сихъ поръ въ обыкновенныхъ изданіяхъ было *χρῖον*. Но тѣмъ не менѣ барану не придали достаточной важности, и аббатъ Банье въ своей Мифологіи преобразилъ его въ корову: «Дедалъ посвятилъ также Венерѣ Эрикской золотую корову, которая до того походила на живую, что нельзя было повѣрить въ ея искусственность». Замѣтимъ, что никто никогда не подносилъ и не смѣлъ подносить Венерѣ ягненка, а тѣмъ болѣе корову. И обычай въ поклоненіи богини этого не позволяли, и ни одному изъ мѣстныхъ умовъ не могла-бы придти въ голову подобная идея.

Это-то и есть *χρῖον*, favius, что заимствовали всѣ переводчики, и они избѣгли бы распри, еслибъ проникли въ тайное намѣреніе художника въ концѣ концовъ достаточно ясное для всѣхъ. Сотовый медъ, безспорно, былъ бы самымъ деликатнымъ и лестнымъ подношеніемъ, и, прибавимъ, самымъ справедливымъ, которое можно было предложить Венерѣ, той Венерѣ, которой Сицилія посвятила самый величественный и роскошный храмъ. И дѣйствительно, изъ всѣхъ продуктовъ этой счастливой земли какой былъ самый сладкій и самый извѣстный? Ея медъ. Проза и стихи, все звучитъ въ древности похвами расточаемыми меду Гиблы. «Hyblaeae apes» были въ такомъ почетѣ, что такимъ именемъ называли тѣхъ пчелъ, которыхъ считали перворазрядными. И сладость ихъ меда, приложимся къ одушевленному предмету, являлась выраженіемъ ласки:

«Nerine Galatea, thymo mihi dulcior Hyblae: Нереида Галатеа, болѣе пріятная мнѣ, чѣмъ медъ Гиблы».

Въ античномъ мірѣ существовалъ еще одинъ сортъ меда, достоинство котораго хвалили: аттичскій медъ горы Гимета, но никто не осмѣливался ставить его выше меда Гиблы.

Вы удивитесь, что Дедалъ, который имѣлъ, конечно, больше вкуса и ума, чѣмъ ученые, отклонившіе его даръ, какъ слишкомъ скудный, считалъ, что это приношеніе отъ имени Сициліи достойно Венеры. Слишкомъ уже забыли важную роль, которую играла въ античномъ обществѣ амброзійская пища, выработанная пчелами, пока еще не былъ открытъ секретъ извлекать изъ отдѣльныхъ растений сокъ, который замѣняетъ медъ.

Но древніе поднося сотовый медъ, особенно медъ сицилійскій, считали, что ихъ подарокъ имѣетъ нѣкоторую цѣнность. Марціалъ посвятилъ двѣ книги своихъ стихотвореній (XIII и XIV) описанію подарковъ, которые подносились римлянами гостямъ,

друзьямъ и сожителямъ. Каждый подарокъ описанъ въ двустипии, причемъ въ началѣ обозначается названіе дара. 13 книга, озаглавленная Χενία Ξέμα—то, что даютъ своимъ гостямъ, состоитъ только изъ предметовъ, годныхъ для ѣды, изъ лакомствъ; и между всеми изысканными блюдами фигурируетъ медъ.

Изъ Горація.

2.

Carm. III, 12.

Отозваться пылкой страсти, забывать ее въ похмѣльѣ
Не дано намъ: среди страха, безъ отрады, безъ веселья,
Средь упрековъ и въ разлукѣ молодья вянуть силы.

У тебя, о Небула, сынъ Цитеры легкокрылый
Твою пряжу застилаетъ, вьется пухомъ подъ руками —
И прекрасный образъ Гебра вырастаетъ предъ очами.

Вотъ онъ, тибрскою волною и прохладой оживленный
И никѣмъ ни быстрою, ни ударомъ побѣжденный!
Всадникъ лучшій, самого Беллерофонта величайшій...

Это онъ ходилъ на вепря въ дикій, темный лѣсъ ближайшій.
Въ поле робко убѣгавшихъ, словно сонмъ гонимыхъ тѣней,
Это онъ копьемъ желѣзнымъ поражалъ стада оленей...

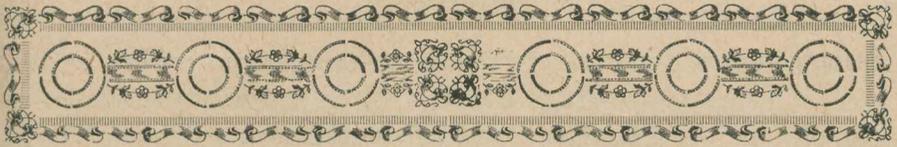
В. Лебедевъ, Кіевъ.

ИЗЪ МОСХА.

Синее море когда вѣтерокъ потихоньку волнуеть,
Робкій мой умъ восхищается имъ и земля не мила мнѣ:
Больше морское затишье меня тутъ къ себѣ привлекаеть.
Если же вдругъ ураганъ зашумитъ надъ пучиною, море
Вспѣнится все и завоюеть, вздымаясь, огромныя волны, —
Тутъ мои очи стремятся къ землѣ и деревьямъ, отъ моря
Прочь я бѣгу, тутъ земля мнѣ лоба и тѣнистая роща,
Гдѣ и при вѣтрѣ могучемъ сосна шелеститъ словно пѣною.
Да, тяжело рыбаку жить, у коего лодка — жилище,
Море — мѣсто труда, а добыча невѣрная — рыба.
Мнѣ же пріятно поспать подъ платаномъ съ листвою обильной,
Любо послушать журчанье ручья, что вблизи пробѣгаетъ,
Лепетомъ волнъ усаждаая пустытника, но не пугая.

(Изъ книги В. Латышева
«На досугъ Переводы изъ древнихъ поэтовъ»,
СПБ. 1898).

«Братья».

Комедія П. Теренція Афра.

Дидакалія.

Комедія «Братья» Теренція, греческій подлинникъ которой принадлежитъ Менандру, поставлена во время похоронныхъ игръ въ честь Л. Эмилиа Павла, устроенныхъ Квинтомъ Фабіемъ Максимомъ и Публиемъ Корнелиемъ Африканскимъ. Исполняли Луцій Амбивій Турпіонъ и Луцій Атилій Пренестинскій. Музыку написалъ рабъ Клавдія Флаккъ. Весь аккомпаниментъ состоялъ изъ игры на финикійскихъ флейтахъ. Это шестая по счету пьеса Теренція и поставлена имъ въ консульство М. Корнелия Цетега и Луція Анциія Галла. (160 г. до Р. X.).

Дѣйствующія лица:

Прологъ.

Микіонъ.

Демей, его братъ.

Санніонъ, сводникъ.

Эхинъ, сынъ Демея.

Бакхида, гетера

Парменонъ, рабъ

Дромонъ, мальчикъ

} роли безъ рѣчей.

Сиръ, рабъ.

Ктезифонъ, сынъ Демея.

Сострата, матрона.

Кантара, старуха.

Гета, рабъ Состраты.

Памфила, дѣвушка.

Пѣвецъ.

Прологъ. Поэтъ замѣтилъ, что его недоброжелатели слѣдятъ за его литературной дѣятельностью и что его противники выставляютъ въ дурномъ свѣтѣ ту комедію, которую мы собираемся представить; поэтому она сама будетъ давать за себя показанія, а вы судить будете, заслуживаетъ похвалы или порицанія слѣдующее обстоятельство. У Диффила есть пьеса *Συναποδυνήσκοντες*, по ней написалъ Плавтъ свою пьесу *Commorientes*: въ самомъ началѣ греческой пьесы выведенъ молодой человѣкъ, который спасаетъ отъ торговца невольницами куртизанку. Это мѣсто Плавтъ оставилъ непереведеннымъ и имъ воспользовался нашъ авторъ для «Братьевъ», переведа его слово въ слово. Эту-то пьесу мы и собираемся сыграть въ первый разъ. Поразудите-ка хорошенько, надо ли признать, что въ данномъ случаѣ нашъ авторъ совершилъ плагиатъ или только воспользовался тѣмъ, что было опущено по оплошности. Эти недоброжелатели укоряютъ поэта за то, что ему помогаютъ знатные люди, вмѣстѣ съ которыми онъ постоянно и пишетъ свои пьесы. Они думаютъ, что это тяжелое обвиненіе, а нашъ авторъ видитъ въ этомъ величайшую похвалу, такъ какъ, стало быть, онъ угоденъ, тѣмъ, которые угодны вамъ и всему народу, и къ помощи которыхъ никто не гнушается прибѣгнуть и въ мирное, и въ военное время, какъ по своимъ личнымъ, такъ и по общественнымъ дѣламъ. Затѣмъ не ждите, что я вамъ стану рассказывать содержаніе пьесы; отчасти вамъ его изложатъ тѣ старики, которые выйдутъ сейчасъ же, а остальное вы узнаете по самому ходу дѣйствія. Постарайтесь, чтобы ваше безпристрастіе увеличило рвеніе поэта къ сочинительству.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

[Сцена представляетъ улицу Аоинъ; направо — дорога за городъ и на городскую площадь, налево — въ гавань; на заднемъ планѣ домъ Микіона и Состраты].

Микіонъ (выходя изъ дверей своего дома и обращаясь къ находящемуся за дверьми рабу Стораку). Сторакъ! (тотъ не отвѣчаетъ, подходитъ, слушаетъ и отвѣчаетъ жестами на его слова Микіонъ отходитъ отъ дверей. Эхинъ нынѣшнюю ночь не вернулся пирушки, не пришелъ также и никто изъ молодыхъ рабовъ которые пошли навстрѣчу. Правду говорятъ: если отлучишься куда-нибудь и если тамъ замѣшкался, то лучше, чтобы

лось то, что скажетъ или подумаетъ въ душѣ разгнѣванная жена, чѣмъ то, что выдумаютъ чадолюбивые родители. Жена, если ты гдѣ-нибудь задержался, подумаетъ, что ты влюбленъ, пользуешься взаимностью, бражничаешь и всячески ублажаешь себя; на ея взглядъ, ты безъ нея блаженствуешь, а она страдаетъ. Чего только я не выдумую, потому что сына нѣтъ дома! Что только меня теперь не волнуетъ?! Какъ бы онъ не простудился, не свалился, не сломалъ себѣ что-нибудь! Вѣдь вотъ придетъ же въ голову человѣку обзавестись тѣмъ, что будетъ для него дороже, нежели онъ самъ себѣ. Не я вѣдь, къ тому же, отецъ Эхина, а мой братъ, который съ самыхъ раннихъ лѣтъ отличался совсѣмъ иными склонностями, чѣмъ я. Я избралъ себѣ спокойную и праздную жизнь здѣсь въ городѣ и никогда не имѣлъ жены, въ чемъ иные видятъ великое счастье; а мой братъ—совсѣмъ иначе: онъ поселился въ деревнѣ, жилъ аккуратно и сурово, взялъ себѣ жену, отъ которой родилось у него два сына; старшаго изъ нихъ я усыновилъ. Я воспиталъ его съ самаго малолѣтства, обращался съ нимъ и любилъ его, какъ будто онъ былъ мой сынъ; въ немъ мое утѣшеніе, одинъ онъ мнѣ дорогъ, и я прилагаю все старанія, чтобы онъ относился ко мнѣ такъ же. Даю ему денегъ, прощаю ему, если онъ въ чемъ провинится, и не считаю нужнымъ пользоваться всеми своими правами. Наконецъ, я приучилъ его не скрывать отъ меня проступки молодости, которые другіе совершаютъ тайкомъ отъ отцовъ. Вѣдь кто привыкъ обмацывать и врать отцу, тотъ не постыдится съ еще большей дерзостью обманывать другихъ. По моему, лучше, чтобы дѣтей отъ дурныхъ поступковъ удерживалъ не страхъ, а чувство стыда и чести. Съ этимъ не согласенъ и этого не одобряетъ мой братъ. Часто приходитъ онъ ко мнѣ и кричить: «Микіонъ, къ чему ты губишь мнѣ юношу? Къ чему онъ заводитъ интриги, пьетъ? Зачѣмъ ты даешь ему денегъ на это? Потворствуешь его франтовству? Ты слишкомъ безразсудно поступаешь». А самъ онъ со своею суровостью не соблюдаетъ ни справедливости, ни пользы. И на мой взглядъ, онъ сильно ошибается, думая, что та власть сильнѣе и прочнѣе, которая опирается на силу, а не та, которая приобрѣтается дружбой. Я держусь того мнѣнія, что тотъ, кто исполняетъ свой долгъ только изъ боязни наказанія, тотъ будетъ бояться только до тѣхъ поръ, пока дума-

еть, что это обнаружится. А если надѣется спрятать концы въ воду, то снова даетъ волю своимъ наклонностямъ. Тотъ же, кого привязываешь хорошимъ обращеніемъ, тотъ отъ души старается отвѣтить тѣмъ же и постоянно будетъ одинаковъ, слѣди-ли за нимъ, какъ на глазахъ, оставляй-ли безъ пристрастія. Вотъ какъ должны поступать отцы: приучать сына вести себя, какъ слѣдуетъ, по доброй волѣ, а не изъ страха передъ другими. Этимъ то и отличается отецъ отъ хозяина. Кто не способенъ приучать дѣтей къ этому, тотъ пусть признается, что не умѣетъ руководить дѣтьми. (Замѣтивъ приближающагося Демей:) Да не тотъ ли это самый, о я говорю? Конечно, онъ. Что это онъ такъ мраченъ? Я думаю, онъ, по своему обыкновению, будетъ браниться. (Обращаясь къ Демейю:) Радъ твоему благополучному, Демей, приходу.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Микіонъ и Демей.

[Демей одѣтъ подеревенски, меньше тщательно, чѣмъ Микіонъ; въ рукахъ у него дорожный посохъ; въ волненіи быстро подходитъ къ Микіону].

Демей. Вотъ кстати! тебя то я ищу.

Микіонъ. Что ты такъ мраченъ?

Демей. И ты еще меня спрашиваешь? Гдѣ у насъ Эхинъ? Сейчасъ узнаешь, почему я мраченъ.

Микіонъ. (въ сторону). Ну развѣ не предсказывалъ я все это? (къ Демейю:) Что такое онъ сдѣлалъ?

Демей. Что сдѣлалъ онъ? Онъ ничего не стыдится, никого не боится, не признаетъ ни одного закона для себя обязательнымъ. Я ужъ молчу о томъ, что онъ раньше сдѣлалъ, а теперь какую онъ штуку выкинулъ?

Микіонъ. А именно?

Демей. Выломалъ двери, ворвался въ чужой домъ, исколотилъ до смерти хозяйку и всю челядь и похитилъ свою возлюбленную. Все кричатъ, что это — очень недостойный поступокъ. Вотъ что рассказали мнѣ, Микіонъ, когда я подходилъ сюда. Весь городъ говоритъ о немъ. Наконецъ, если нужны ему примѣры, то развѣ не видитъ какъ старается его братъ, какъ скромно и трезво живетъ онъ въ деревнѣ. За нимъ нѣтъ ничего подобнаго. Говоря это въ укоръ сыну, я соб-

ственно говорю это въ укоръ тебѣ, Микіонъ; ты ему даешь испортиться.

Микіонъ. Что можетъ быть несправедливѣе челоуѣка, который ничего не видалъ и поѣтому думаетъ, что только онъ одинъ поступаетъ какъ слѣдуетъ.

Демеи. Къ чему ты это говоришь?

Микіонъ. Къ тому, Демей, что ты неправильно судишь объ этомъ. Повѣрь мнѣ, что еще не преступленіе, если молодой челоуѣкъ поамурничаетъ, выпьетъ, не преступленіе даже, если выломаетъ двери. Если ни я, ни ты этого не дѣлали, то вѣдь намъ этого не позволяла бѣдность. Ты теперь ставишь себѣ въ заслугу то, что тогда не дѣлалъ по необходимости. Это несправедливо. Если бы у насъ были на это средства, то и мы продѣлывали бы тоже самое. И если бы ты былъ настоящій челоуѣкъ, то позволилъ бы своему сыну лучше теперь все это творить, пока это позволительно его возрасту. Вѣдь онъ все таки будетъ заниматься такими дѣлами, какъ только послѣ долгихъ ожиданій выпихнетъ твой трупъ на улицу.

Демеи. О Юпитеръ! Ты, любезный, доводишь меня до бѣшенства. Нѣтъ преступленія, если молодые люди продѣлываютъ такія вещи?!

Микіонъ. Выслушай меня, а то ты прожужжалъ мнѣ все уши твоей постоянной бранью. Ты мнѣ позволилъ усыновить твоего сына. Онъ теперь мой! Если онъ въ чемъ нибудь виноватъ, то виноватъ предо мной. При этомъ страдаю больше всего я. Пируетъ, пьянствуетъ, франгитъ — все это вѣдь изъ моего кармана. Онъ влюбится; я буду, пока возможно, давать ему на это деньги. Когда нельзя будетъ, тогда, быть можетъ, красавицы его выгонятъ на улицу. Онъ выломалъ двери, такъ мы ихъ починимъ; онъ разорвалъ одежду, мы дадимъ новую. И, слава Богу, есть у насъ средства для этого; и до сихъ поръ эти расходы намъ не въ тягость. Однимъ словомъ, или прекрати твои ругательства, или веди сюда кого угодно разсудить насъ; я докажу, что въ этомъ дѣлѣ ты больше заблуждаешься.

Демеи. Вотъ горе! Поучись быть отцемъ у тѣхъ, кто умѣетъ имъ бить какъ слѣдуетъ.

Микіонъ. По тѣлу ты его отецъ, по духу — я.

Демеи. Да есть ли у тебя еще мысли?

Микіонъ. Если ты и дальше будешь говорить такъ, я уйду немедленно.

Демей. Такъ ты такъ-то?

Миніонъ. Но неужели мнѣ столько разъ выслушивать одно и тоже?

Демей. Да вѣдь я забочусь о немъ.

Миніонъ. И я забочусь. Но, давай, Демей, будемъ заботиться поровну, каждый о своемъ: ты объ одномъ и я объ одномъ, потому что заботиться объ обоихъ это почти тоже самое, что требовать назадъ того, кого ты уступилъ мнѣ...

Демей. (прерываетъ недовольно) Ахъ, Миніонъ...

Миніонъ. Мнѣ такъ кажется.

Демей. Ну, чтожъ съ тобой дѣлать? Если тебѣ это такъ нравится, пусть онъ транжиритъ, тратитъ, пусть гибнетъ. Мнѣ до этого нѣтъ дѣла! Но если послѣ этого хотя одно слово...

Миніонъ. Ты снова, Демей, злишься?

Демей. Ты мнѣ не вѣришь? Развѣ я стану требовать назадъ того, кого я далъ тебѣ? Но мнѣ больно, я вѣдь не чужой. Если я мѣшаю... (Миніонъ дѣлаетъ недовольный жестъ). Хорошо, я больше не буду. Ты хочешь, чтобы я заботился только объ одномъ? Прекрасно! и слава Богу, что онъ таковъ, какимъ я хочу его [видѣть. Этотъ твой самъ впоследствии почувствуетъ. Но я не хочу ничего сказать противъ него слишкомъ тяжкаго (уходитъ).

Миніонъ. (одинъ) Онъ говоритъ, хотя и не безъ основанія, однако и не совсемъ справедливо. Все-таки это немного мнѣ неприятно, но я не хотѣлъ показать брату, что огорченъ. Вѣдь онъ ужъ такой человекъ, что, когда успокаиваю его, спорю съ нимъ изо всѣхъ силъ или уговариваю не гнѣваться, онъ выходитъ изъ себя; если же только стану усиливать его злость или даже поддакивать, то и я самъ бы безумствовалъ вмѣстѣ съ нимъ. Правда, Эсхинъ въ этой исторіи причинилъ намъ обиду не малую. Развѣ есть какая нибудь гетера, которую бы онъ не любилъ? На кого только онъ не бросалъ денегъ! Наконецъ, недавно,—я думалъ было, что ему ужъ стали всѣ надоѣдать,—онъ сказалъ, что хочетъ жениться. Я надѣялся, что онъ успокоился, и радовался этому, а вотъ теперь опять снова! Все-таки, что бы тамъ ни было, я хочу разузнать и переговорить съ нимъ. Пойду-ка, не на форумъ ли онъ. (уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

[Санніонъ, Бакхида, Эсхинъ, Парменонъ приближаются въ споръ съ форуа].

- Санніонъ.** Умоляю васъ, помогите, земляки несчастному и ни въ чемъ не виноватому! Выручайте беззащитнаго.
- Эсхинъ** (дѣвушка, которая со страхомъ глядитъ на Санніона). Ну успокойся и стой здѣсь! Что ты оглядываешься? Никакой опасности нѣтъ. При мнѣ онъ не посягнетъ тебя тронуть.
- Санніонъ.** Хотя бы свѣтъ заступился я все таки ее...
- Эсхинъ.** Онъ хоть и разбойникъ, но не будетъ стараться, чтобы его сегодня вторично побили.
- Санніонъ.** Послушай, Эсхинъ: чтобы потомъ ты не сказалъ, что не знаешь моего характера, я тебѣ заявлю: я сводникъ.
- Эсхинъ.** Знаю.
- Санніонъ.** Но такой, что честиѣ меня на свѣтѣ ншого не было до сихъ поръ. Твоихъ оправданій, которыя ты послѣ будешь приводить, что не хотѣлъ меня обидѣть, я вотъ во столько не ставлю (показываетъ на ногтѣ). Повѣрь мнѣ, я ужъ добыюсь своихъ правъ. И ты словами не откупишься за ту обиду, которую мнѣ пришлось вынести отъ твоего поступка. Я знаю ваши рѣчи (передразнивая): «Я не хотѣлъ, чтобы все это случилось. Я готовъ поклясться, что ты не заслужилъ такого оскорбленія». Вотъ что говорите вы; и это послѣ того, какъ мнѣ пришлось испытать отъ васъ незаслуженное поношеніе.
- Эсхинъ** (Парменону). Иди живѣй впередъ и отвори двери. (Парменонъ исполняетъ приказаніе).
- Санніонъ.** Или ты не обращаешь вниманія на мои слова?
- Эсхинъ.** (дѣвушка, указывая на открытыя двери дома). Иди скорѣе сюда. (Когда она хочетъ войти, Санніонъ загоразживаетъ дорогу).
- Санніонъ.** Нѣтъ, я этого не позволю!
- Эсхинъ.** Сюда. Парменонъ! (тотъ спѣшитъ на зовъ). Ты слишкомъ далеко ушелъ отсюда. Стань-ка рядомъ съ нимъ (указываетъ на Санніона; Парменонъ исполняетъ это). Вотъ такъ, хорошо! Ну, смотри теперь и не своди глазъ съ меня, чтобы, какъ только я моргну, сейчасъ же твой вулакъ прошелся бы ему по щекѣ.
- Санніонъ** (иронически). Хотѣлъ бы я это испытать.

- Эсхинъ.** Эй, смотри. Не держи ее! (Парменонъ колотитъ Санниона, уцѣпившагося за платье Бакхиды).
- Саннионъ.** О злодѣй!
- Эсхинъ.** Если ты не побережешься, то онъ повторитъ. (Парменонъ колотитъ).
- Саннионъ.** О, я несчастный!
- Эсхинъ.** (Парменону). Хотя тебѣ сейчасъ я и не моргнулъ, но лучше ужъ передай ему лишнее. (Бакхидѣ, которая спѣшитъ въ домъ). Иди сейчасъ.
- Саннионъ.** Что это такое? Что ты, Эсхинъ, царь здѣсь, что-ли!
- Эсхинъ.** Еслибъ я былъ царемъ, ужъ былъ бы ты изукрашенъ за твои добродѣтели!
- Саннионъ.** Что ты ко мнѣ привязался?
- Эсхинъ.** Вовсе я тебя и не трогаю.
- Саннионъ.** Да что ты, въ самомъ дѣлѣ! Развѣ ты меня не знаешь?
- Эсхинъ.** И знать не желаю!
- Саннионъ.** Развѣ я тронулъ что-нибудь твое?
- Эсхинъ.** Тронулъ бы только! — тогда бы горе.
- Саннионъ.** Почему же ты имѣешь больше правъ захватить мою, за которую я деньги отдаю? Отвѣчай!
- Эсхинъ.** Лучше не будемъ завязывать здѣсь передъ домомъ спора. И потому то, если ты еще будешь мнѣ надоѣдать, я тебя швырну въ домъ и тамъ до смерти запору плетьми.
- Саннионъ.** Меня? свободнаго человѣка? плетьми?
- Эсхинъ.** Ну да.
- Саннионъ.** Ахъ, негодяй! И послѣ этого говорятъ, что здѣсь все пользуются одинаковой свободой!
- Эсхинъ.** Если ты, сводникъ, вдоволь накричался, то слушай теперь, если хочешь.
- Саннионъ.** Кто накричался? Не ты ли?
- Эсхинъ.** Брось это и обратись къ дѣлу.
- Саннионъ.** Какое дѣло? Къ чему обращаться?
- Эсхинъ.** (нетерпѣливо) Хочешь ты, чтобы я сказалъ то, что касается тебя же?
- Саннионъ.** Очень даже хочу, только что нибудь справедливое.
- Эсхинъ.** Что ты? Сводникъ не хочетъ, чтобы я говорилъ несправедливое!
- Саннионъ.** Да, согласенъ, сводникъ, плутъ, язва для всей молодежи, погибель ихъ, но тебя то я ничѣмъ не обидѣлъ!
- Эсхинъ.** Только этого еще не доставало!

- Санніонъ.** Вернись, пожалуйста, Эсхинъ, къ тому, что началъ.
- Эсхинъ.** Ты купилъ ее за двадцать минъ.
- Санніонъ.** Да.
- Эсхинъ.** Чтобъ тебѣ за это правалиться! Столько же тебѣ будетъ заплачено.
- Санніонъ.** Что? А если я не хочу её продавать? Что же ты хочешь меня заставить?
- Эсхинъ.** Вовсе нѣтъ.
- Санніонъ.** А я ужъ этого боялся.
- Эсхинъ.** Я думаю, что и нельзя даже продавать ту, которая свободна. Въдъ я торжественно объявляю ее свободной. И потому теперь смотри, хочешь ли получить деньги или готовиться къ процессу. Обдумай все это свободно, пока я уйду (уходитъ въ домъ).
- Санніонъ.** (одинъ). О всевышній Юпитеръ! Я нисколько не удивляюсь тѣмъ, кто сходитъ съ ума отъ обиды. Они выгнали меня изъ дома, исколотили, увели безъ моего согласія мою невольницу, засыпали мнѣ несчастному больше полсотни ударовъ. И вотъ за эти то обиды онъ требуетъ, чтобы я ее ему отдалъ по своей цѣнѣ (с ѣ и р о н і е й). Пусть будетъ по его, такъ какъ онъ этого заслужилъ — онъ требуетъ по праву. Хорошо, я ужъ согласенъ, только бы онъ заплатилъ мнѣ деньги. Да что я тутъ за чужь несу? какъ только скажу, что продаю за столько то, онъ сейчасъ же призоветъ свидѣтелей, что я ему продалъ. А денежекъ тогда нищи — свищи: «погоди, приди завтра». Могу я и это снести, хотя это и тяжело, да только отдалъ бы. Однако и то сказать: взялся за такое ремесло, такъ надо ужъ молча сносить обиды молодежи. Но никто не заплатитъ, и я только даромъ занимаюсь этими вычислениями.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Санніонъ и Сиръ.

- Сиръ.** (выходя изъ дверей дома, Эсхи́ну, который виденъ въ дверяхъ). Молчи ужъ, я побесѣдую съ нимъ самимъ и сдѣлаю такъ, что онъ съ жадностью возьметъ и даже будетъ говорить, что съ нимъ обошлись прекрасно. Что это съ тобой, Санніонъ? Я слышу, что ты о чемъ то спорилъ съ хозяиномъ.
- Санніонъ.** Никогда я не видалъ спора на болѣе неравныхъ условіяхъ, чѣмъ тотъ, который былъ между нами. Мы оба совѣмъ

устали, я изъ силъ выбился получать оплеухи, а онъ колотить меня.

Сиръ. Твоя вина.

Санніонъ. Чтожъ мнѣ было дѣлать?

Сиръ. Надо было угождать молодому человѣку.

Санніонъ. Какъ же еще можно лучше угодить ему, чѣмъ я сегодня старался: даже лицомъ пожертвовалъ!

Сиръ. Да брось ты это; вѣдь знаешь, о чемъ я говорю. Иной разъ при случаѣ не пожажѣтъ денегъ — выгодишь всего. Куда тебѣ! Ты, простофиля изъ простофиль, боишься, что ничего не выручишь, если пемного сегодня отступишь отъ своихъ правъ и этимъ сдѣлаешь угоду молодому барину.

Санніонъ. (гордо) Я надежду на деньги не покупаю.

Сиръ. Такъ ты никогда ничего и не добьешься: проваливай, Санніонъ, ты еще не умѣешь ловить на удочку публику.

Санніонъ. Я думаю, что такъ по твоему было бы лучше. Но всегда хитрость моя состояла въ томъ, что предпочиталъ забрать съ собой теперь же все, что только можно.

Сиръ. Да ладно, я вѣдь тебя знаю, или будто для тебя есть какой-нибудь расчетъ въ 20 минахъ, только бы тебѣ угодить нашему барину. Да кромѣ того, вѣдь говорятъ, ты ѣдешь въ Кипръ.

Санніонъ. (про себя) Вотъ тебѣ на.

Сиръ. Я знаю, что ты здѣсь накупилъ много товару, чтобы везти туда, нанялъ даже корабль. Что, ты колеблешься? Когда ты оттуда, все таки, надѣюсь, вернешься, ты еще успѣешь заняться нашимъ дѣломъ.

Санніонъ. Я шагу не сдѣлаю. (отходя въ сторону): Совсѣмъ пропалъ! Такъ вотъ на что надѣялись они, когда затѣяли эту штуку.

Сиръ. Труситъ! Вотъ ему загвоздка!

Санніонъ. (въ сторону). Ахъ, негодные! Смотрите, пожалуйста, какъ ловко нашли самое большое мѣсто! Я накупилъ уже много рабынь и всего, что везу отсюда въ Критъ. Если я не поѣду туда торговать, то будетъ страшный убытокъ; теперь, если оставлю эту исторію и займусь ею послѣ пріѣзда изъ Кипра, поминай, какъ звали! Куй желѣзо, пока горячо, а то будутъ говорить: «ты только теперь идешь; что же ты смотрѣлъ, гдѣ ты былъ тогда». Ужъ лучше потерять ее, чѣмъ или здѣсь такъ долго оставаться, или откладывать дѣло до возвращенія.

Сиръ. (и р о н и ч е с к и). Ну что, всѣ свои барыши высчиталъ?

Санніонъ. Ну, достойно ли это его?! Эхинъ беретъ за такія вещи! Хочетъ силкомъ отнять у меня мою невольницу!

Сиръ. (въ сторону). Колеблется! (Санніону). У меня есть еще одна штучка! Какъ ты вотъ на счетъ ея думаешь, Санніонъ? Теперь ты или получишь все или рискуешь все потерять. Такъ не лучше ли раздѣлить пополамъ? Десять то минъ онъ ужъ наскребетъ откуда-нибудь.

Санніонъ. О я несчастный! Теперь я, бѣдный, рискую даже тѣмъ капиталомъ, который самъ истратилъ. И ему нисколько не стыдно? Ни одного зуба во мнѣ не оставилъ, вся голова стала сплошной шишкой отъ его ударовъ, и въ придачу онъ еще собирается нагрѣть! Нѣтъ, я не сойду съ этого мѣста.

Сиръ. Какъ угодно тебѣ. Больше ничего отъ меня не нужно, и я могу уйти?

Санніонъ. Нѣтъ. Вотъ о чемъ прошу тебя, Сиръ. Ужъ что было, то сплыло, а теперь, любезный Сиръ, пусть вмѣсто того, чтобы мнѣ вести тяжбу, мнѣ отдадутъ хоть только то, что за нее я самъ далъ. Ты еще не испыталъ моей дружбы, но ты будешь говорить, что я умѣю помнить и благодарить.

Сиръ. Я приложу всѣ усилія. Но вотъ идетъ Ктезифонъ. Онъ въ восторгѣ отъ возлюбленной.

Санніонъ. А что же моя просьба то?

Сиръ. Подожди малость!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Ктезифонъ. (приходить съ рынка, не замѣчая другихъ) Въ крайности отъ кого бы ни получилъ благодѣяніе, все радъ радешенекъ. Но истинное наслажденіе бываетъ, когда благодѣтелемъ является тотъ, кому это подобаетъ. Братъ, дорогой братъ, зачѣмъ мнѣ теперь хвалить тебя! Я прекрасно знаю, что какъ бы восторженно я ни хвалилъ тебя, все-таки твои достоинства окажутся выше этихъ похвалъ. По моему, мое особенное преимущество предъ другими заключается въ томъ, что мой братъ по своимъ качествамъ никому на свѣтѣ не уступаетъ.

Сиръ. (подходя). Здравствуй, Ктезифонъ!

Ктезифонъ. А, Сиръ, гдѣ братъ?

Сиръ. Да тамъ, дома, тебя ждетъ.

Ктезифонъ. Ахъ!

Сиръ. Въ чемъ дѣло?

Ктезифонъ. Въ чемъ дѣло? Въ томъ, что я живу теперь по его милости. Всѣмъ пренебрегъ онъ ради моего блага: бранью, репутаціей, позоромъ; взялъ на себя всю мою вину, всѣ мои страданья. Выше этого не можетъ быть ничего. Что это тамъ скринули дверью? (хочетъ идти къ дому).

Сиръ. Стой, стой! Вотъ онъ и самъ сюда идетъ.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Эсхинъ. (выходитъ). Гдѣ этотъ разбойникъ?

Санніонъ. Меня ищеть! Не несетъ ли онъ мнѣ чего-нибудь? Пропаль! Ничего не видать.

Эсхинъ. (замѣчаетъ Ктезифона). Вотъ какъ разъ кстати, тебя то я и ищу. Что съ тобой, Ктезифонъ? Все вѣдь въ безопасности. Оставь ты свою печаль.

Ктезифонъ. Я конечно ее оставлю, коль скоро у меня такой братъ. О мой Эсхинъ, родной мой! Ахъ, я боюсь еще больше хвалить тебя въ глаза, а то ты пожалуй подумаешь, что я это дѣлаю больше изъ мести, чѣмъ изъ благодарности.

Эсхинъ. Да полно, глупынь! Какъ будто теперь, мы не знаемъ другъ друга. Одно мнѣ жаль, что поздно мы узнали другъ друга и что дѣло едва не дошло до того, что даже [при всеобщемъ желаніи тебѣ нельзя было бы помочь.

Ктезифонъ. Мнѣ было стыдно!

Эсхинъ. Э, это глупость, а не стыдъ! Изъ-за такого ничтожнаго дѣла чуть не изъ родины... противно сказать даже! Молю боговъ, чтобы они не дали этому случиться.

Ктезифонъ. Моя вина.

Эсхинъ. (Сирю). А что говорить у насъ Санніонъ?

Сиръ. Онъ уже усмирися.

Эсхинъ. (Ктезифону): Я пойду на форумъ развязаться вотъ съ нимъ (указываетъ на Санніона), а ты, Ктезифонъ, иди внутрь дома къ своей.

Санніонъ. (смиренно) Помоги, Сиръ!

Сиръ. (Эсхину). Пойдемъ, а то онъ спѣшитъ на Кипръ.

Санніонъ. Не такъ уже сильно, какъ это кажется; у меня есть время и здѣсь остаться.

Сиръ. Да отдадутъ тебѣ, не бойся.

Санніонъ. Да только бы онъ отдалъ мнѣ все.

Сиръ. Все отдастъ; ты ужъ молчи и иди только за ними.

Санніонъ. Иду, иду.

[Эсхинъ, Санніонъ и Сиръ уходятъ]

Ктезифонъ. (возвращается). Подика сюда, Сиръ.

Сиръ. (возвращается). Въ чемъ дѣло?

Ктезифонъ. Умоляю тебя всѣми богами: убоготворите какъ можно скорѣе этого негоднѣйшаго человѣка, чтобы какъ-нибудь это не обнаружилось предъ отцемъ. Если онъ еще болѣе разсердится, я тогда совсѣмъ погибну.

Сиръ. Этому не бывать! Будь покоенъ. А ты тѣмъ временемъ позабавься тамъ со своей возлюбленной, да прикажи накрыть на столъ и приготовить все остальное. Я устрою дѣло и вернусь домой съ припасами. (уходитъ).

Ктезифонъ. Вотъ такъ, пожалуйста. Если все удастся, то мы повеселимся сегодняшнимъ днемъ.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ.

Сострата и Кантара выходятъ изъ дома Состраты.

Сострата. Умоляю тебя, кормилица, скажи, что же теперь будетъ?

Кантара. Ты спрашиваешь, что будетъ? Да, думаю, чему слѣдуетъ быть, то и будетъ.

Сострата. Теперь, милая моя, еще только и начинаются муки...

Кантара. А ты уже теперь боишься, словно сама никогда не была при этомъ, сама никогда не рожала.

Сострата. Что я за несчастная! Мы одни остались: Гета въ отлучкѣ, некого мнѣ послать ни за бабкой, ни за Эхиномъ.

Кантара. Да онъ сейчасъ самъ придетъ. Вѣдь онъ ни одного дня не пропускаетъ, чтобы не бывать здѣсь.

Сострата. Онъ одинъ утѣха мнѣ въ моихъ несчастьяхъ.

Кантара. Ну ужъ, хозяйка, если суждено было, чтобы дочка твоя согрѣшила, то для нея это не могло выйти лучше, чѣмъ случилось теперь, когда вся вина падаетъ на человѣка съ такимъ характеромъ, съ такимъ сердцемъ, изъ такой прекрасной семьи.

Сострата. Истину ты говоришь, и я только о томъ и молю боговъ, чтобы они его сохранили намъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тѣже и Гета, который приходитъ съ рынка въ сильномъ волненіи.

Гета. Теперь такое дѣло, что собери даже весь свѣтъ на совѣтъ искать спасенія отъ бѣды, которая постигла меня, хозяйку и

ея дочку,—все таки ничего не помогут. Охъ, я несчастный! Столько напастей сразу обрушилось на насъ, что никакъ нельзя выкарабкаться: насиліе, бѣдность, несправедливость, беззащитность, позоръ. И что за времена теперь! Что за злобный, клятвопреступный народъ! Что за безбожный человѣкъ!

Состарта. Бѣда? Что такое случилось? Отчего Гета такъ испуганъ и спѣшитъ?

Гета. (не замѣчаетъ ихъ). Ни честное слово, ни клятва, ни жалость не удержали его; ни даже приближеніе родовъ несчастной дѣвушки, надъ которой онъ совершилъ гнусное насиліе.

Сострата. Не могу достаточно понять его словъ.

Сантара. Пожалуйста, подойдемъ поближе, Сострата.

Гета. Я едва владѣю собою, такъ кипитъ во мнѣ злость! Я ничего теперь такъ не желаю въ мірѣ, какъ встрѣтить всю эту кампанію, чтобы вылить на нихъ всю свою злобу, пока она свѣжа. Я готовъ какое угодно вытерѣть наказаніе, только бы отомстить имъ по своему. Прежде всего я вытрясъ бы душу у старика, который выросилъ такого негодяя, а затѣмъ Сира, который подучилъ... ахъ, какъ бы я сталъ его мучить: схватилъ бы его поперегъ, поднялъ бы на воздухъ, а потомъ хватилъ бы его прямо головой о землю такъ, чтобы всю дорогу онъ обрызгалъ своимъ мозгомъ; а самому молодчику я вырвалъ бы глаза, а потомъ пустилъ бы его вверхъ тормашками, а всѣхъ остальныхъ ужъ я бы повалялъ, потаскалъ, помучилъ, подубасилъ бы, порастянулъ-бы. Однако, что же я мѣшкаю и не говорю хозяйкѣ про эту бѣду! (идеть къ дому, не оглядываясь и не узнавая Состраты по голосу).

Сострата. Окликнемъ ка его, Гета! (хватаетъ его за платье).

Гета. (вырывается). Эй, пусти меня, кто ты тамъ ни-на-есть!

Сострата. Это я—Сострата.

Гета. Гдѣ она? (Узнавая). Тебя то я ищу, тебя то и жду. Ты какъ разъ кстати попалась мнѣ навстрѣчу, хозяйка...

Сострата. Что такое, что ты дрожишь?

Гета. Охъ!

Кантара. Что ты спѣшишь, голубчикъ, Гета? Переведи духъ!

Гета. Совсѣмъ...

Сострата. Что «совсѣмъ»?

Гета. Погибли мы! Кончено!

Сострата. Скажи, пожалуйста, въ чемъ дѣло?

- Гета.** Теперь уже...
- Сострата.** Ну, что же теперь?
- Гета.** Эхинъ...
- Сострата.** Что же съ нимъ?
- Гета.** Совсѣмъ чужой для нашей семьи.
- Сострата.** Ахъ, погибла я! Какъ такъ?
- Гета.** Онъ полюбилъ другую.
- Сострата.** Ахъ, я несчастная!
- Гета.** И онъ этого не скрываетъ: открыто своей рукой отнялъ свою возлюбленную у торговца невольницами.
- Сестрата.** Да правда ли еще это?
- Гета.** Правда, своими собственными глазами я видѣлъ это, Сострата.
- Сострата.** О горе! Чему теперь вѣрить? Что бы такую вещь могъ сдѣлать нашъ Эхинъ, вся наша жизнь, наша единственная надежда, все наше счастье! Онъ клялся, что дня не проживетъ безъ нея, говорилъ, что положить ребенка отцу на колѣни и будетъ умолять его позволить взять ее въ жены.
- Гета.** Перестань, хозяйка, плакать; лучше обсуди, что теперь надо дѣлать. Смолчимъ мы про это, или расскажемъ кому-нибудь?
- Сантара.** Да что ты, маленькій? Въ умѣ ли ты? Неужели, по твоему, надо это выносить на улицу?
- Гета.** По моему-то, не надо. Прежде всего его охлажденіе къ намъ доказываютъ его поступки сами. Если мы отгрозимъ это кому-нибудь, онъ будетъ отпираться. Я ужъ прекрасно знаю: твое доброе имя и жизнь дочки твоей подвергнутся опасности. Наконецъ, если даже онъ и признается, все-таки нѣтъ расчета выдавать за него нашу барышню, потому что онъ любитъ другую. И поэтому, и въ томъ и въ другомъ случаѣ надо молчать.
- Сострата.** Ни за что на свѣтъ! Никогда я этого не сдѣлаю!
- Гета.** Что же ты станешь дѣлать?
- Сострата.** Я не знаю этого.
- Сантара.** Ахъ, милая Сострата, подумай о томъ, что ты дѣлаешь.
- Сострата.** Ужъ хуже того, что теперь случилось, ничего быть не можетъ. Прежде всего, она безприданница; затѣмъ, то, что замѣняло ей приданное, погибло: за дѣвushку ее теперь ужъ никому не выдашь. Если Эхинъ будетъ отпираться, то у меня остается еще въ доказательство кольцо, которое онъ потерялъ. Наконецъ, Гета, я могу сказать съ чистой совѣстью, что здѣсь не

замѣнана ни плата, ни что либо другое, что было бы недостойно меня, и я еще съ нимъ поговорю и повоюю.

Гета. Ну, что же дѣлать! будь по твоему.

Сострата. (Гетѣ). Иди какъ можно скорѣе къ Гегіону, дочкиному родственнику, разскажи все дѣло по порядку. Онъ былъ лучший другъ нашего Симула и всегда очень насъ любилъ.

Гета. Правда, кромѣ его, никто о насъ не позаботится.

Сострата. А ты ужь, милая Кантара, поторопись, бѣги за акушеркой, чтобы не было задержки, когда понадобится.

[Уходятъ: Сострата въ домъ, Кантара и Сиръ въ разныя стороны].

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

[Приходятъ: Демей со стороны деревни, а Сиръ съ двумя кухонными прислужниками изъ рынка].

Демей. Смерть пришла мнѣ! Я уже слышалъ, что мой сынъ Ктезифонъ участвовалъ вмѣстѣ съ Эхиномъ въ похищеніи. Только этой бѣды мнѣ несчастному и не доставало, чтобы онъ могъ совратить моего, который хоть что-нибудь да стоитъ еще. Гдѣ мнѣ искать его теперь? Вѣрно, его потащили въ какой-нибудь вертень. Его уговорилъ тотъ негодяй. Я ужь прекрасно знаю. Но вотъ идетъ Сиръ. Отъ него узнаю, гдѣ Ктезифонъ. Однако, клянусь Геркулесомъ, вѣдь и этотъ изъ ихъ шайки. Если онъ замѣтитъ, что я ищу сына, ни за что, разбойникъ, не скажетъ. Поэтому не покажу ему вида, что хочу разузнать отъ него.

Сиръ. (Не замѣчая Демей). Только что мы разсказали все старику, какъ было по порядку. Въ жизни не видалъ я большей радости.

Демей. О Юпитеръ! Вотъ глупый человѣкъ-то!

Сиръ. Похвалилъ сына, поблагодарилъ меня за то, что я подалъ ему совѣтъ.

Демей. Я сейчасъ лопну отъ злости.

Сиръ. Сейчасъ же отечиталъ деньги, сверхъ того далъ еще на издержки полмины; ее мы распредѣлимъ, конечно, по нашему усмотрѣнію.

Демей. Вотъ кому давай порученія, если хочешь, чтобы исполнили по настоящему!

Сиръ. (замѣчаетъ Демей). А, Демей! А я и не видалъ тебя. Ну, какъ дѣла?

- Демя.** Что подблываю-то? Да вот не могу никакъ достаточно надивиться тому, что вы творите.
- Сиръ.** Глупости, сказать по правдѣ, безмыслицу. (Слугамъ) Ты, Дромонъ, очисти всю рыбу, а этому громадному морскому ужу дай немного полежать въ водѣ. Когда вернусь, мы его выпотрошимъ, а до тѣхъ поръ не надо.
- Демя.** Такое безобразіе!
- Сиръ.** (Демя) Мнѣ это тоже не по душѣ, и я часто кричу. (Рабама) Эту соленую рыбу, Стефаніонъ, промой-ка хорошенько.
- Демя.** Милостивые боги! Считаетъ ли Мекіонъ своимъ долгомъ, или думаетъ, что его особенно похвалятъ, если онъ испортитъ мнѣ сына. Вотъ горе-то мое! Я, кажется, ужъ вижу тотъ день, когда мой сынъ нищимъ убѣжитъ отсюда къ кому-нибудь на службу.
- Сиръ.** Ахъ, Демя, вотъ настоящая мудрость — не только видѣть то, что подъ носомъ, но и предвидѣть то, что только еще случится.
- Демя.** А что, эта пѣвичка уже у васъ?
- Сиръ.** Да, тамъ дома.
- Демя.** Да неужели онъ будетъ ее держать въ домѣ?
- Сиръ.** Я думаю, это вполне естественно при его безуміи.
- Демя.** И это можетъ быть!
- Сиръ.** Вотъ что значить глупая отцовская снисходительность и неумѣстная доброта.
- Демя.** Мнѣ стыдно и совѣстно за брата!
- Сиръ.** Громадная между вами разница, Демя, — и я не потому это говорю, что ты здѣсь. Страшная разница. Ты съ головы до ногъ — сама мудрость, а онъ такъ, фантазія какая-то. Развѣ ты позволилъ бы что-нибудь подобное другому твоему сыну?
- Демя.** Чтобы я ему позволилъ! Да я за полгода пронюхаю раньше, чѣмъ онъ задумаетъ что-нибудь.
- Сиръ.** Тебѣ ли говорить мнѣ про твою бдительность!
- Демя.** Я объ одномъ прошу боговъ, чтобы онъ остался такимъ, каковъ теперь.
- Сиръ.** Какими захочешь, чтобъ дѣти были, такими они и бываютъ.
- Демя.** А что жъ, видѣлъ ты его сегодня?
- Сиръ.** Твоего сына-то? (Въ сторону). Спроважу-ка я старика въ деревню. — Я думаю, ужъ онъ работаетъ что-нибудь въ деревнѣ.
- Демя.** (Съ радостью). Да вѣрно ли ты знаешь, что онъ тамъ?

- Сирь. Да какъ же? Я вѣдь самъ провожалъ его.
- Демя. Вотъ прекрасно, а я боялся, не застрѣлъ ли онъ здѣсь.
- Сирь. Золъ онъ очень!
- Демя. На что же?
- Сирь. Онъ накинулся съ бранью на брата на рынкѣ за эту пѣвичку.
- Демя. Правду ты говоришь?
- Сирь. Ничего онъ не пропустилъ. Какъ разъ, когда тотъ считалъ деньги, онъ подошелъ, началъ кричать: «Ахъ, Эсхинъ! какія безобразія ты продѣлываешь? какъ позоришь ты своимъ поведениемъ нашу семью!»
- Демя. Ахъ, я плачу отъ радости!
- Сирь. «Ты вѣдь это не деньги прожигашь, а жизнь свою».
- Демя. О если бы этотъ уцѣлѣлъ! Я надѣюсь, онъ похожъ на своихъ предковъ.
- Сирь. (Въ сторону). Какъ бы не такъ!
- Демя. Онъ начиненъ, Сирь, такими наставленіями.
- Сирь. Еще бы! у него есть дома у кого поучиться!
- Демя. Я стараюсь изо всѣхъ силъ, ничего не оставляю безъ вниманія; приучаю; заставляю, словно въ зеркалѣ, смотрѣть, какъ живутъ всѣ, и брать примѣръ для себя съ другихъ: «вотъ это дѣлай».
- Сирь. Такъ и слѣдуетъ.
- Демя. «А этого избѣгай».
- Сирь. Хитеръ же ты!
- Демя. «Это приноситъ славу».
- Сирь. Какъ разъ ты попалъ въ точку!
- Демя. «А это ведетъ къ позору».
- Сирь. Прекрасно.
- Демя. Затѣмъ далѣе...
- Сирь. Право, мнѣ теперь недосугъ слушать тебя. Добылъ я рыбъ себѣ по сердцу и надо глядѣть, какъ бы мнѣ ихъ не испортили. Вѣдь упущеніе по этой части, Демя, для насъ такое же преступленіе, какъ для васъ то, о чемъ ты только что говорилъ. Поэтому я постоянно твержу по мѣрѣ силъ своимъ рабамъ, совѣмъ какъ ты: «это пересолено», «а это пережарено», «а это не хорошо промыто», «вотъ это такъ», «не забудь сдѣлать такъ и въ другой разъ». Не лѣнюсь учить ихъ, насколько у меня хватаетъ ума. Затѣмъ, Демя, вели имъ, словно въ зеркало, глядѣть въ горшки и говорю, что надѣ

дѣлать. Я знаю, что наше дѣло глупо, да что же будешь дѣлать? Съ волками жить — по-волчьи выть. Каковы будутъ твои распоряженія?

Дедея. Мое распоряженіе — поумнѣть всеѣмъ вамъ.

Сиръ. Ты отсюда идешь въ деревню?

Дедея. Прямой дорогой.

Сиръ. Да и правда, что тебѣ дѣлать здѣсь, гдѣ все равно, если дать добрый совѣтъ, не послушаютъ? (Уходитъ въ домъ).

Дедея. Я уйду отсюда, коль скоро тотъ, ради кого я пришелъ сюда, ушелъ въ деревню. Я забочусь о немъ одномъ; до него одного мнѣ дѣло, если это такъ угодно брату. А за своимъ пусть самъ глядитъ! Но что это такое тамъ вдали? Кажется, это Гегіонъ, мой старый землякъ! Право, это онъ, если только меня не обманываютъ глаза. Это мой другъ съ самаго дѣтства. О безсмертные боги! теперь у насъ уже замѣчается большая бѣдность въ гражданахъ старинной доблести и честности. Отъ этого человѣка не скоро приключится какой-нибудь вредъ обществу. Какъ я радъ! Когда я вижу, что уцѣлѣли еще остатки этого поколѣнія, я начинаю хотѣть еще дальше жить. Пойду къ нему навстрѣчу поздороваться и поговорить съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Гета и Гегіонъ идутъ къ дому Состраты.

Гегіонъ. Да, безсмертные боги, очень гнусенъ поступокъ, Гета, о которомъ ты говоришь.

Гета. Да, ужъ такъ вышло.

Гегіонъ. Изъ такой семьи и поступилъ такъ неблагородно! Не по-отцовски поступилъ ты, Эхинъ!

Дедея. Очевидно, онъ прослышалъ про пѣвичку, и теперь, онъ—посторонній человѣкъ сожалѣетъ объ этомъ, а отцу это нипочемъ! Охъ, горе мнѣ! Если бы онъ оказался здѣсь гдѣ-нибудь и услыхалъ это!

Гегіонъ. Такъ это имъ не сойдетъ, если они не поступятъ, какъ имъ велить долгъ.

Гета. На тебя одного у насъ теперь надежда, Гегіонъ; ты одинъ у насъ, ты нашъ защитникъ, нашъ отецъ. Старый хозяинъ, умирая, тебѣ поручилъ насъ; если ты покинешь насъ, мы пропали.

- Гегіонъ.** Перестань говорить такія вещи. Я этого не сдѣлаю; иначе, совѣсть говорить, что нарушу свой долгъ.
- Демея.** Подойду-ка я къ нимъ! Желаю здравствовать Гегіонъ.
- Гегіонъ.** А, Демея, тебя-то самого я и искалъ. Здравствуй.
- Демея.** Въ чемъ дѣло?
- Гегіонъ.** Твой старшій сынъ Эхинъ поступилъ не какъ порядочный и благодарный господинъ.
- Демея.** Да что такое?
- Гегіонъ.** Ты зналъ пріятеля — ровесника нашего Симула.
- Демея.** Какъ не знать.
- Гегіонъ.** Такъ вотъ его дочь—дѣвушку твой сынъ и обезчестилъ.
- Демея.** Ахъ, что ты!
- Гегіонъ.** Подожди! ты еще не слышалъ, Демея, самага важнаго.
- Демея.** Да развѣ есть что-нибудь еще важнѣе.
- Гегіонъ.** Есть еще поважнѣе. Это еще можно бы какъ-нибудь перенести: его толкнула на это дѣло любовь, молодость. Дѣло житейское! Какъ только онъ узналъ, что надѣлалъ, идетъ самъ первый къ ея матери, плачетъ, проситъ и умоляетъ, даетъ слово, клянется, что введетъ ее въ свой домъ женой. Его тогда еще не знали, скрыли эту исторію и повѣрили ему. А дѣвушка отъ этихъ обѣятій понесла, теперь ужъ идетъ девятый мѣсяцъ. А этотъ молодчикъ-то пѣвичку—такъ видно ужъ богамъ угодно—припасъ намъ, а ту совсѣмъ бросилъ.
- Демея.** Да вѣрно ли ты еще знаешь?
- Гегіонъ.** Да это ясно! Мать ея тутъ, и сама она тутъ, потомъ вотъ этотъ Гета. Дя раба онъ не плохъ: не лѣнивъ, кормитъ ихъ, одинъ поддерживаетъ весь домъ. Отведи его, свяжи и распроси.
- Гета.** Мало того, растерзай, Демея, если это не правда. Да, наконецъ, онъ самъ не станетъ отпираться. Ставь его самого сюда.
- Демея.** (Про себя) О срамъ! Не знаю, что дѣлать и что отвѣчать! (Изъ дома слышенъ голосъ Памфилы: «Ахъ я несчастная! Я умираю отъ мученій! Юнона Люцина, помоги мнѣ, молю тебя, спаси меня»).
- Гегіонъ.** Что это такое? Скажи пожалуйста, неужели это она рождаетъ?
- Гета.** Твоя правда, Гегіонъ!
- Гегіонъ.** Теперь она, Демея, вызываетъ къ вашей совѣсти; она проситъ васъ по добру о томъ, къ чему васъ принуждаетъ сила законовъ. Прежде всего молю боговъ, чтобы это устроилось такъ, какъ подобаетъ вамъ. А если вы другого мнѣнія, то я, Демея.

вѣми средствами постою за нее и за покойнаго. Вѣдь онъ былъ мнѣ родственникъ. Мы съ ними воспитаны вмѣстѣ съ ранняго дѣтства. И на войнѣ и въ мирное время мы постоянно были вмѣстѣ. Вмѣстѣ перенесли мы тяжелую нужду. Поэтому я приложу все усилія, сдѣлаю все, что могу, все испробую, скорѣе съ жизнью разстанусь, чѣмъ ихъ оставлю. Что ты мнѣ на это отвѣтишь, Демея?

Демея. Иду къ брату, Гегіонъ.

Гегіонъ. Но, Демея, смотри, прими еще вотъ что въ расчетъ: чѣмъ лучше вы живете, чѣмъ вы сильнѣе, богаче, счастливѣе, знатнѣе, тѣмъ больше совѣтъ заставляетъ васъ соблюдать справедливость, если вы хотите слыть честными. (Хочетъ уйти).

Демея. Вернись: все, что слѣдуетъ, будетъ сдѣлано.

Гегіонъ. Такъ и нужно. Веди меня, Гета, въ домъ къ Состратѣ. (Уходятъ).

Демея. (Одинъ). Какъ я говорилъ, такъ и вышло. Если бы только на этомъ дѣло и кончилось! Но рѣшено: эта чрезмѣрная снисходительность приведетъ къ какому-нибудь великому злу. Пойду, поищу брата, чтобы вылить на немъ всю злобу.

Гегіонъ. (Стоитъ въ дверяхъ дома Состраты). Будь покойна, Сострата, и утѣшай ее, насколько можешь. А я пойду къ Микіону — не на рынкѣ ли онъ? — и расскажу ему по порядку, какъ все было. Если онъ хочетъ поступить, какъ ему долгъ велитъ, прекрасно; если же онъ держится на этотъ счетъ другого мнѣнія, пусть онъ мнѣ сейчасъ же и отвѣтитъ, чтобы я зналъ, что мнѣ дѣлать.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Ктезифонъ и Сиръ выходятъ изъ дома Микіона.

Ктезифонъ. Отецъ, говоришь ты, отправился въ деревню?

Сиръ. Ужъ давно.

Ктезифонъ. Расскажи пожалуйста.

Сиръ. Онъ въ имѣнѣ теперь, и, я думаю, изо всѣхъ силъ старается надъ какой-нибудь работой.

Ктезифонъ. Ахъ, хорошо бы. Устать бы ему такъ — только не во вредъ своему здоровью, — чтобы цѣлые три дня подъ рядъ не могъ подняться съ постели.

Сиръ. Да, хорошо, если бы это такъ случилось. И если можно, то даже что-нибудь еще лучше!

Ктезифонъ. Да, да! Я ужасно хочу весь этотъ день провести также радостно, какъ началъ его, и эту деревню я ненавижу такъ сильно только за то, что она очень близка отъ города. Еслибъ она была подальше, ночь застала бы отца раньше, чѣмъ онъ могъ сюда вновь вернуться. А теперь онъ, когда не найдетъ меня тамъ, опять прибѣжитъ сюда. Я ужъ прекрасно знаю. Будетъ спрашивать меня, гдѣ былъ. (Передразнивая) «Я тебя нынче цѣлый день не видалъ». Что я буду говорить?

Сиръ. Ничего въ голову не приходитъ?

Ктезифонъ. Рѣшительно ничего.

Сиръ. Тѣмъ хуже! Неужели у васъ нѣтъ ни одно кліента, друга, знакомаго...

Ктезифонъ. Есть. Ну, а что дальше?

Сиръ. Чтобы могъ сказать, что ради нихъ хлопоталъ.

Ктезифонъ. Чего не было на самомъ дѣлѣ? Что не годится!

Сиръ. Годится!

Ктезифонъ. Да, для дня! А если я, Сиръ, заночую здѣсь, какую я тогда выставлю причину?

Сиръ. Ахъ, я желалъ бы, чтобы было принято и по ночамъ хлопотать для другихъ. Ну, да будь покоенъ. Я прекрасно раскусилъ его манеру. Когда онъ особенно горячъ, тогда-то я его сдѣлаю кроткимъ, какъ овечку.

Ктезифонъ. Какимъ образомъ?

Сиръ. Онъ съ удовольствіемъ слушаетъ, когда тебя хвалятъ; а я превознесу тебя предъ нимъ, какъ бога! Буду рассказывать про твои добродѣтели.

Ктезифонъ. Про мои?

Сиръ. Да, про твои! У него, словно у мальчишки, потекутъ сейчасъ же слезы отъ радости. Но смотри-ка!

Ктезифонъ. Въ чемъ дѣло?

Сиръ. Легокъ на поминѣ, словно волкъ въ сказкѣ.

Ктезифонъ. Отецъ?

Сиръ. Онъ самый.

Ктезифонъ. Сиръ, что же дѣлать-то?

Сиръ. Бѣги сейчасъ въ домъ, а я ужъ позабочусь.

Ктезифонъ. Если будетъ что спрашивать, говори, что и въ глаза меня... слышишь?

Сиръ. Нельзя ли замолчать?

(Ктезифонъ бѣжитъ въ домъ и высматриваетъ изъ-за полуоткрытой двери, что дѣлается).

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Демя появляется со стороны фोरума.

Демя. Ей-ей, я несчастный человекъ! Прежде всего нигдѣ не могу найти брата, а затѣмъ, пока я ищу его, вижу работника изъ имѣнья, который говоритъ, что сына нѣтъ тамъ. Не знаю, что и дѣлать!

Ктезифонъ. (Шопотомъ) Сирь?

Сирь. (Тоже) Что?

Ктезифонъ. Меня ищутъ?

Сирь. Твоя правда.

Ктезифонъ. Пропалъ я!

Сирь. Будь покоенъ.

Демя. Что за несчастье, чортъ, возьми! Не могу ни до чего додуматься! Я знаю только одно, что рожденъ на то, чтобы переносить бѣды. Я первымъ всегда провѣдаю о нашемъ несчастьи, первымъ все разужнаю, я первымъ прихожу съ дурными вѣстями. Я одинъ страдаю, если что случится.

Сирь. (Про себя). Вотъ насмѣшилъ-то! Онъ говоритъ, что узнаетъ первымъ все. — Какъ разъ онъ однако одинъ-то и не знаетъ ничего.

Демя. Пойду опять къ брату; посмотрю, не вернулся ли онъ?

Ктезифонъ. Сирь! умоляю тебя, посмотри, чтобы онъ не вошелъ прямо сюда.

Сирь. Замолчишь ты? Приму ужъ мѣры.

Ктезифонъ. Ей-ей, ни за что сегодня не положусь на тебя въ этомъ. Ужъ лучше запрусь съ своей милой въ какой-нибудь каморкѣ. Это самое безопасное. (Скрывается).

Сирь. Ну, ладно, я все-таки спроважу его отсюда.

Демя. А вотъ онъ — разбойникъ Сирь!

Сирь. Нѣтъ, ей Богу, никто въ этомъ домѣ не сможетъ выдержать, если дѣло пойдетъ такъ. Хотѣлъ бы я знать, сколько у меня господъ! Вотъ бѣда-то!

Демя. Что онъ тамъ за чужь мелеть? Чего онъ хочетъ? (Сиру)
Что скажешь, любезнѣйшій? дома братъ?

Сирь. (Про себя) Чортъ бы тебя побралъ съ твоимъ «любезнѣйшій».
(Демя) Пропалъ я!

Демя. Что съ тобой?!

Сирь. И ты еще спрашиваешь! Ктезифонъ кулаками до полусмерти убилъ меня и эту пѣвичку.

- Демея. (Р а д о с т н о). Что ты говоришь?
- Сиръ. Смотри, какъ онъ разнесъ мнѣ губу!
- Демея. Да за что это?
- Сиръ. Говорить, что будто она куплена по моему наущенію.
- Демея. Да не ты ли только что говорилъ, что проводилъ его отсюда въ имѣнье!
- Сиръ. (Въ замѣшательствѣ). Такъ и было. Но потомъ онъ приходитъ въ бѣшенствѣ, ничего не пощадилъ. Не постыдился губить стараго человѣка. А я его вотъ какимъ маленькимъ носилъ на рукахъ.
- Демея. Хвалю, Ктезифонъ! Ты поступилъ по-отцовски. Ловко, молодецъ.
- Сиръ. Ты хвалишь? Конечно, станетъ онъ послѣ этого, если онъ не дуракъ, сдерживать свои руки!
- Демея. Лихо!
- Сиръ. Очень лихо! Побѣдилъ бѣдную женщину и меня, жалкаго раба, который не могъ дать отпора. О, да! даже слишкомъ лихо!
- Демея. Лучше и нельзя было! Онъ думаетъ советѣмъ, какъ я,—что ты виновникъ всему этому. А что братъ? Дома?
- Сиръ. Нѣтъ его.
- Демея. Гдѣ-бы я могъ найти его? Какъ думаешь?
- Сиръ. Я знаю, гдѣ онъ; но сегодня никакъ не могу сказать.
- Демея. Какъ? Что ты говоришь?
- Сиръ. Ни за что!
- Демея. Ужъ разможжу я тебѣ голову.
- Сиръ. Да я не знаю, какъ зовутъ того человѣка, а мѣсто знаю, гдѣ онъ живетъ.
- Демея. Такъ назови мѣсто.
- Сиръ. Знаешь, ты портикъ у мясного рынка, вотъ внизу, по этой дорогѣ?
- Демея. Какъ не знать!
- Сиръ. Иди по этой улицѣ все прямо вверхъ. Когда придешь туда, гора пойдетъ книзу, ты спустишь съ нея. Есть тамъ по эту руку часовенька. Вблизи тамъ переулочъ.
- Демея. Ну что-же?
- Сиръ. Тамъ, гдѣ растеть еще большая дикая смоковница.
- Демея. Знаю.
- Сиръ. Пройди его.
- Демея. Да вѣдь тотъ переулочъ-то непроходной!

Сиръ. Правда! Ну что я за человекъ! Ошибся я. Вернись снова къ портику. Именно, такъ тебѣ будетъ идти гораздо ближе и меньше придется кружить. Ты знаешь домъ этого богача Кратина?

Демя. Знаю.

Сиръ. Когда ты его минуешь, иди налѣво прямо по этой улицѣ; придешь къ храму Дианы, — возьми направо. Прежде чѣмъ дойти до воротъ, у самаго озера маленькая мельница, а прямо напротивъ нея мастерская. Тамъ онъ и есть.

Демя. Что онъ тамъ дѣлаетъ?

Сиръ. Заказалъ тамъ сдѣлать скамьи на дубовыхъ ножкахъ для отдыха на чистомъ воздухѣ.

Демя. Чтобы вы могли на нихъ пьянствовать? Доброе дѣло! Однако, что-же я не иду къ нему?

Сиръ. Конечно, ступай! (Въ сторону) Ужъ я промучаю тебя, кикмора, по заслугамъ! Эхнись такъ мѣшкастъ, что тошно даже; весь завтракъ испортить, а Ктезифонъ весь ушелъ въ свою любовь. А ужъ я позабочусь о себѣ. Пойду-ка и отвѣдаю все, что ни на есть распрекраснаго, и проведу сегодняшній денекъ, смакуя стаканчикъ за стаканчикомъ. (Уходитъ въ домъ)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Микіонъ и Гегіонъ идутъ съ рынка.

Микіонъ. Я не нахожу въ этомъ ничего такого, за что заслуживалъ бы похвалъ такихъ. Я исполняю свой долгъ, исправляю тотъ грѣхъ, который мы совершили. Ужъ не думалъ ли ты, что я изъ числа тѣхъ людей, которые принимаютъ за обиду, если у нихъ требуютъ возмездія за обиды, причиненныя ими, и даже предъявляютъ претензіи съ своей стороны? И ты благодаришь меня за то, что я не такъ поступилъ?

Гегіонъ. Ахъ, вовсе нѣтъ! Я никогда не представлялъ себѣ тебя инымъ, чѣмъ ты на самомъ дѣлѣ. Но пойдемъ, пожалуйста, Микіонъ, со мной къ матери этой дѣвушки. И скажи ей то же самое, что сказалъ мнѣ: все это подозрѣніе возникло изъ-за брата Эхнина и его пѣвицы.

Микіонъ. Если, по твоему, этого требуетъ справедливость и такъ нужно, то идемъ.

Гегіонъ. Вотъ хорошо ты дѣлаешь. Этимъ ты облегчишь душу той, которая сохнетъ отъ огорченій и несчастій, и исполнишь свой

долгъ. Если же ты другого мнѣнія, то я самъ передамъ то, что ты сказалъ.

Миніонъ. О нѣтъ, я самъ пойду.

Гегіонъ. Самое лучшее. Вѣдь всѣ, кто понесчастнѣе, почему-то гораздо подозрительнѣе. Они во всемъ видятъ оскорбленіе. Они думаютъ, что надъ ними всегда издѣваются вслѣдствіе ихъ безпомощности. Поэтому мы скорѣе добьемся примиренія, если мы лично оправдаемся предъ ними.

Миніонъ. Ты говоришь совершенную истину.

Гегіонъ. Итакъ, иди за мной въ домъ.

Миніонъ. Съ превеликимъ удовольствіемъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Миніонъ и Гегіонъ идутъ въ домъ Состраты, а со стороны рынка появляется Эсхинъ.

Эсхинъ. Сердце разрывается у меня на части. Вдругъ такое обрушилось на меня несчастье, что не знаю, что мнѣ дѣлать и какъ быть. Отъ испуга у меня все тѣло ослабло, душа помертвѣла отъ страха. Не могу остановиться ни на какомъ рѣшеніи. Ахъ! какъ мнѣ вынутахся изъ этой кутерьмы! Вдругъ теперь возникло про меня такое подозрѣніе, да и не безъ причины. Сострата увѣрена, что я купилъ эту пѣвичку для себя. Это я замѣтилъ по старухѣ. Вѣдь какъ разъ въ то время, когда ее отсюда послазали за бабкой, я ее увидѣлъ, подошелъ къ ней и спрашиваю, что подѣлываетъ Памфила, не приближаются ли роды и не потому ли уже зовутъ бабку. А она кричитъ: «Ступай, Эсхинъ, ступай! Довольно ты насъ обманывалъ; довольно мы тебѣ напрасно вѣрили». Я спрашиваю ее: «Скажи на милость, въ чемъ дѣлю, что ты говоришь?» а она: «Прощай, владѣй той, которая теперь правится». Я сейчасъ понялъ, въ чемъ онѣ меня подозрѣваютъ, но все-таки сдержался и ничего не сказалъ про брата трещоткѣ, чтобы не вышло наружу. Что теперь мнѣ дѣлать? Сказать, что это возлюбленная брата? Но этого никоимъ образомъ не слѣдуетъ, чтобы это не обнаружилось. Ну, хорошо, оставимъ это; быть можетъ, можно устроить и такъ, что все останется тайной. Да я боюсь, онѣ потому и не повѣрятъ. А вѣдь какое стеченіе правдоподобныхъ обстоятельствъ! Похищаль я, деньги платилъ я, отвели ее ко мнѣ домой, и сознаюсь, что виноватъ во всемъ этомъ я.

Почему я не разсказалъ отцу все, какъ было? Ужъ я выпросилъ бы разрѣшеніе взять въ жены Памфилу! Достаточно мѣшкалъ я до сихъ поръ, а теперь, Эхинъ, проснись! Теперь вотъ что прежде всего: пойду къ нимъ, чтобы оправдаться; Подойду-ка къ дверямъ! (Подходитъ къ дверямъ дома Состраты). Ахъ, всегда дрожу я, несчастный, когда, начинаю стучать въ эти двери. Эй, кто тамъ? Это я, Эхинъ! Отворите кто-нибудь поскорѣе двери. — Кто-то идетъ. Отойду-ка сюда.

*(Отходитъ въ сторону. Изъ дверей выходятъ
Гегіонъ и Микіонъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

- Миніонъ.** (Во внутрь дома) Какъ сказалъ, такъ и дѣлайте, Сострата, а я пойду къ Эхину, чтобы онъ зналъ на чемъ мы рѣшили. Но кто это стучался здѣсь въ дверь?
- Эхинъ.** (Въ сторону) Это отецъ: ну, я пропалъ!
- Миніонъ.** (Замѣчая его) Эхинъ!
- Эхинъ.** (Про себя) Что у него тутъ за дѣло?
- Миніонъ.** Ты стучался въ эти двери? (Про себя) Молчить. Почему бы мнѣ и не потѣшиться надъ нимъ? Конечно, коль скоро онъ самъ ни за что не хотѣлъ сказать мнѣ. (Эхину) Что же ты мнѣ не отвѣчаешь?
- Эхинъ.** Насколько я знаю, я не стучался въ эти двери.
- Миніонъ.** Такъ. А я ужъ удивлялся, какое у тебя съ ними дѣло. (Въ сторону) Покраснѣлъ! Дѣло обстоитъ благополучно.
- Эхинъ.** Скажи, пожалуйста, отецъ, а у тебя какое здѣсь дѣло?
- Миніонъ.** Да у меня-то лично—никакого. Одинъ пріятель привелъ меня сейчасъ сюда съ рынка походатайствовать за него.
- Эхинъ.** Въ чемъ дѣло?
- Миніонъ.** А я тебѣ разскажу. Здѣсь живутъ очень бѣдныя женщины. Я думаю, да даже увѣренъ, ты ихъ не знаешь, потому что онѣ недавно сюда переселились.
- Эхинъ.** Ну, а дальше что?
- Миніонъ.** Дѣвица съ матерью.
- Эхинъ.** (Съ нетерпѣніемъ). Продолжай, пожалуйста!
- Миніонъ.** Отецъ у дѣвушки умеръ, а мой пріятель доводится ей ближайшимъ родственникомъ. Законы заставляютъ его на ней жениться.

- Эсхинъ.** Смерть моя!
- Минионъ.** Что съ тобой?
- Эсхинъ.** Ничего, прекрасно, продолжай пожалуйста.
- Минионъ.** Онъ пріѣхалъ, чтобы увести ее съ собой, потому что онъ живетъ въ Милетѣ.
- Эсхинъ.** Что? чтобы увести съ собой ее?
- Минионъ.** Да.
- Эсхинъ.** Въ самый Милетъ? да неужели?
- Минионъ.** Туда!
- Эсхинъ.** Я виѣ себя. Ну, а что же онѣ сами? что онѣ говорятъ?
- Минионъ.** А какъ ты думаешь, что должны были сказать онѣ? Конечно, ничего! Мать выдумываетъ, будто у дочери есть ребенокъ отъ другого, а не называетъ, отъ кого; говоритъ, будто тотъ имѣетъ преимущество, а за родственника не слѣдуетъ ее выдавать.
- Эсхинъ.** Ну, и что же послѣ этого? ихъ требованія не правы, по твоему?
- Минионъ.** Не правы.
- Эсхинъ.** Да почему не правы? Неужели онъ увезетъ ее съ собой?
- Минионъ.** А почему же ему не увести ее съ собой?
- Эсхинъ.** Вы поступили жестоко, безчеловѣчно, и даже, — можно говорить, отецъ, откровенно?—не по благородному.
- Минионъ.** Почему?
- Эсхинъ.** И ты меня спрашиваешь? Что, думаете вы, будетъ на душѣ у того несчастнаго, который жилъ съ ней раньше? Вѣдь онъ, быть можетъ, и теперь ее до смерти любитъ! Что будетъ, когда онъ увидитъ, какъ ее у него отнимутъ, уведутъ у него съ глазъ? Недостойное, отецъ, это дѣло.
- Минионъ.** На какомъ основаніи? Кто ее ему просваталъ? Кто отдалъ за него? Когда она вышла замужъ? Кто свидѣтель? Не надо было ему жениться на посторонней.
- Эсхинъ.** Такъ что-же? Дома сидѣть должна была взрослая дѣвушка? И ждать, пока оттуда пріѣдетъ сюда родственникъ? Вотъ что, милый отецъ, тебѣ слѣдовало и говорить, и отстаивать!
- Минионъ.** Смѣшно я сталъ бы вести дѣло противъ того, за кого меня позвали походатайствовать. Да и какое намъ, Эсхинъ, до этого дѣло? Что у насъ съ ними общаго? Пойдемъ отсюда. (Видитъ, что Эсхинъ плачетъ). Что это? Что ты плачешь?
- Эсхинъ.** Отецъ, умоляю тебя, выслушай!

Миніонъ. Я все, Эсхинъ, слыхалъ уже раньше и знаю. Вѣдь я люблю тебя и потому больше принимаю къ сердцу все, что ты дѣлаешь.

Эсхинъ. Я хотѣлъ бы такъ заслужить твою любовь на всю жизнь, какъ мнѣ теперь горько и стыдно предъ тобой за мой проступокъ.

Миніонъ. Я тебѣ вполне вѣрю, потому что узналъ благородство твоей души, но я боюсь, что ты поступаешь слишкомъ необдуманно. Какъ думаешь? въ какомъ живешь ты государствѣ? Ты обезчестилъ дѣвушку, къ которой не имѣлъ права даже прикасаться. Это первый проступокъ: онъ великъ, но свойственъ веѣмъ людямъ. Это дѣлали часто и хорошіе люди. Ну а теперь, когда все такъ вышло, скажи, пожалуйста, ты ни о чемъ не подумалъ? Развѣ ты не представлялъ себѣ, что изъ этого выйдетъ и какъ все это устроишь? Какъ могъ узнать я объ этомъ, если ты самъ стыдился сказать мнѣ. Пока ты не зналъ, что дѣлать, прошло 10 мѣсяцевъ. Ты оставилъ, насколько это отъ тебя зависѣло, на произволъ судьбы и себя и эту несчастную и ребенка. Ты, видно, думалъ, что можешь спать, а боги сами все тебѣ уладятъ и приведутъ ее къ тебѣ домой прямо въ спальню, безъ всякихъ стараній съ твоей стороны? Мнѣ было бы не-приятно, если бы ты и въ остальномъ оказался также безпеченъ. (Пауза. Эсхинъ сильно страдаетъ отъ упрекъ въ дяди). Ну, ужъ, успокойся. Женись ты на ней.

Эсхинъ. Что ты говоришь?!

Миніонъ. Будь покоенъ, говорю.

Эсхинъ. Отецъ, ради боговъ, зачѣмъ ты теперь издѣваешься надо мной?!

Миніонъ. Я? надъ тобой? почему?

Эсхинъ. Я не знаю; но чѣмъ больше я боюсь, тѣмъ сильнѣе желаю, чтобы это была правда.

Миніонъ. Иди домой и молись богамъ, чтобы привести домой жену! Иди!

Эсхинъ. Что? уже теперь? жену?

Миніонъ. Да, теперь!

Эсхинъ. Теперь?

Миніонъ. Да, насколько это возможно.

Эсхинъ. Да возненавидятъ меня всѣ боги, отецъ, если я не люблю тебя больше глазъ своихъ.

Миніонъ. (Лукаво) Даже больше чѣмъ ту?

Эсхинъ. (Послѣ нѣкотораго раздумья). Одинаково!

Миніонъ. (Пронически) Какая любезность съ твоей стороны!

- Эсхинъ.** (Идетъ, но останавливается) Постой. Гдѣ этотъ милетецъ?
- Миніонъ.** Пропалъ, уѣхалъ, съѣлъ на корабль. Но что-жъ ты медлишь?
- Эсхинъ.** Иди ты, отецъ; ты скорѣе умолишь боговъ: я навѣрное знаю, что они гораздо скорѣе услышатъ твою молитву, потому что ты многимъ лучше меня.
- Миніонъ.** Я пойду домой приготовить все, что нужно. А ты будь уменъ и дѣлай, какъ я сказалъ.
- Эсхинъ.** Не знаю, что мнѣ дѣлать? Неужели бываютъ такія отношенія между отцомъ и сыномъ? Если бы онъ былъ братъ мнѣ или пріятель, могъ ли бы онъ больше удружить? Можно ли не любить такого отца, не носить его на рукахъ! Поэтому онъ даже задачу задалъ мнѣ своей добротой, какъ бы мнѣ нечаянно не сдѣлать, чего онъ не хочетъ. Буду остороженъ, насколько умѣю. Но что же я не иду въ домъ? Чтобъ какъ-нибудь самому не затянуть свою свадьбу. (Уходитъ въ домъ Миніона; со стороны гавани идетъ Демей).

ЯВЛЕНІЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

- Миніонъ.** Измучился, ходя. Да! Чтобъ тебя разразилъ, Сиръ, Юпитеръ съ твоимъ указываніемъ. Я исходилъ весь городъ: у воротъ, у озера былъ! Гдѣ только не былъ! Не было тамъ никакой мастерской, никто не видалъ брата! Теперь рѣшилъ сидѣть дома до тѣхъ поръ, пока тотъ не вернется. (Демей хочетъ итти въ домъ Миніона, но тотъ выходитъ самъ).
- Миніонъ.** Пойду скажу имъ, что съ нашей стороны нѣтъ никакой задержки.
- Демей.** Да вотъ онъ самъ! Я тебя ужъ давно ищу, Миніонъ!
- Миніонъ.** Что такое?
- Демей.** Несу тебѣ новыя чудовищныя преступленія этого прекраснаго молодого человѣка!
- Миніонъ.** Еще что? ну, выкладывай!
- Демей.** Неслыханныя, уголовныя!
- Миніонъ.** Да въ чемъ дѣло-то?
- Демей.** Ты еще не знаешь, что это за человѣкъ!
- Миніонъ.** Прекрасно знаю.
- Демей.** Глупецъ! Ты думаешь, будто я говорю про пѣвицу! Теперь онъ провинился передъ дѣвушкой, свободной гражданкой.

- Миніонъ.** И это знаю.
- Дедея.** Знаешь и терпишь?!
- Миніонъ.** Что-же мнѣ дѣлать, какъ не терпѣть?
- Дедея.** Скажи мнѣ, и ты не кричалъ, не приходилъ въ неистовство?
- Миніонъ.** Нѣтъ.
- Дедея.** А слѣдовало бы: мальчикъ родился.
- Миніонъ.** Да благословятъ его боги!
- Дедея.** У дѣвушки ничего нѣтъ.
- Миніонъ.** Слышалъ я это.
- Дедея.** Придется взять въ жены безприданницу.
- Миніонъ.** Очевидно.
- Дедея.** Что-же теперь будетъ?
- Миніонъ.** Да то, что должно быть. Дѣвушка оттуда будетъ переведена сюда.
- Дедея.** О Юпитеръ! неужели это должно быть?
- Миніонъ.** Что же мнѣ дѣлать больше?
- Дедея.** Что тебѣ дѣлать? Да если тебѣ уже на самомъ дѣлѣ не горько, то порядочному человѣку подобало бы хоть притворяться огорченнымъ.
- Миніонъ.** Я даже помолвилъ его съ ней. Дѣло улажено. Свадьба будетъ. Я освободилъ ихъ отъ всякаго страха: такъ больше подобаетъ порядочному человѣку.
- Дедея.** Впрочемъ, тебѣ, Миніонъ, эта исторія по душѣ?
- Миніонъ.** Нѣтъ, если бы я могъ перемѣнить. А теперь, такъ какъ не могу перемѣнить, то перенесу спокойно. Жизнь человѣка — все равно, что игра въ кости: если не выкинешь то, чего хотѣлъ бы больше всего, нужно умѣнемъ исправить что случай пошлетъ.
- Дедея.** Ишь-ты, исправилъ! Благодаря твоему-то искусству и погибло 20 минъ за пѣвицу, которую нужно во чтобы то ни стало куда нибудь сбыть, если не за деньги, то хоть даромъ.
- Миніонъ.** Не нужно, да я и не стараюсь продать ее.
- Дедея.** Что же ты будешь съ ней дѣлать?
- Миніонъ.** Она будетъ у насъ въ домѣ.
- Дедея.** Безсмертные боги! Прелестница и мать семейства будутъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ!
- Миніонъ.** А почему же и не быть имъ вмѣстѣ?
- Дедея.** Да какъ ты думаешь, здоровъ ты?
- Миніонъ.** Я полагаю.

- Демея. О если бы милость боговъ ко мнѣ равнялась твоей глупости! Я думаю, ты это дѣлаешь, чтобы было съ кѣмъ пѣть?
- Миніонъ. Хотя бы и такъ!
- Демея. И новобрачная тому же научится.
- Миніонъ. Конечно.
- Демея. А ты будешь выплясывать посреди нихъ, держась за веревочку.
- Миніонъ. Дѣло доброе!
- Демея. Доброе!?
- Миніонъ. И ты съ нами за компанію заляпнешь вмѣстѣ, если придется.
- Демея. О горе мнѣ! И тебѣ не стыдно?
- Миніонъ. Брось ты, Демея, эту свою злобу, и будь на свадьбѣ сына, какъ и подобаетъ, весель и доволенъ. Я пойду къ нимъ, а затѣмъ опять приду сюда. (Уходитъ въ домъ Состраты)
- Демея. Юпитерь! Что за жизнь! что за нравы! что за безуміе! Жену возьмутъ безъ приданнаго, дома пѣвичка, семья расточительная, сынъ испорченъ роскошью, старикъ — сумасшедшій! Если бы сама богиня Спасеніе захотѣла спасти эту семью, и та не могла бы!

ЯВЛЕНІЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

Выходитъ Сиръ изъ дома, гдѣ онъ успѣлъ хорошо закусить и выпить, что выдаетъ его походка и движенія.

- Сиръ. Клянусь Геркулесомъ, славно, Сирушка, ты себя потѣшилъ, и чудно твое дѣло сдѣлано! Молодецъ! Однако послѣ того какъ дома я покушалъ вдоволь всего, что только было, теперь мнѣ угодно прогуляться.
- Демея. (Указывая на Сира). Смотрите, пожалуйста, — вотъ образчикъ хорошихъ порядковъ въ ихъ домѣ!
- Сиръ. А! тутъ какъ разъ нашъ старикъ! (Демея) Что случилось? почему ты угрюмъ?
- Демея. (Съ ненавистью) Разбойникъ!
- Сиръ. (Пронически) Что ты говоришь? ты все расточаешь свои премудрыя рѣчи?
- Демея. Будь ты моимъ...
- Сиръ. (Перебивая) Ты былъ бы богатъ, Демея; прочно устроилъ бы свои дѣла.
- Демея. Ужъ я позаботился бы, чтобы на твоёмъ примѣрѣ никому не было повадно!

- Сиръ. За что? Что я сдѣлалъ?
- Дедея. И ты еще спрашиваешь? Во время самаго переполоха, когда случилось величайшее беззаконіе, которое еле-еле заглажено, ты пьянствуешь, словно одержалъ побѣду.
- Сиръ. Ужъ не радъ, право, что и вышелъ-то сюда.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Изъ дверей дома выходитъ Дромонъ и останавливается на порогъ.

- Дромонъ. Эй, Сиръ, Ктезифонъ проситъ тебя вернуться.
- Сиръ. Ступай! (Тотъ скрывается).
- Дедея. Что онъ упомянулъ имя Ктезифона?
- Сиръ. Да ничего!
- Дедея. Смотри ты, разбойникъ. Ктезифонъ въ домъ?
- Сиръ. Нѣтъ его тамъ.
- Дедея. Почему же онъ его называетъ?
- Сиръ. Тамъ другой есть, малюсенькій паразитинко. Ты не знаешь его?
- Дедея. (Зловѣще) Узнаю! (Собирается идти).
- Сиръ. Что ты дѣлаешь? куда ты идешь? (Старается удержать его).
- Дедея. Пусти меня. (Вырывается).
- Сиръ. Не смѣй, говорятъ тебѣ!
- Дедея. Прочь руки, висѣльникъ. Или ты лучше хочешь, чтобы я разожжилъ тебѣ голову на этомъ мѣстѣ? (Сиръ выпускаетъ его; Дедея уходитъ въ домъ).
- Сиръ. Уходить! Клянусь Поллуксомъ, онъ не советъ удобный собесѣдникъ, въ особенности для Ктезифона. Что мнѣ теперь дѣлать? Не пойти ли, пока утихнетъ это сумятица, куда-нибудь въ уголокъ отоспаться тамъ отъ вина? Такъ и сдѣлаю.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

Миніонъ выходитъ изъ дверей дома Состраты и говоритъ внутрь дома.

- Миніонъ. У насъ все готово, Сострата, какъ я и сказалъ, какъ только захочешь. Кто-это такъ сильно ударилъ у насъ въ дверь?
- Дедея. О горе мнѣ! Что дѣлать мнѣ? Какъ поступить? Какъ мнѣ кричать? Какъ жаловаться? О небо, о земля, о море, подвластное Нептуну!

Микіонъ. Вотъ тебѣ разъ! Пронюхалъ все! И вошгъ теперь объ этомъ. Дѣло ясно: ужъ непременно будетъ перебранка. Надо принять мѣры.

Демя. Вотъ тотъ, кто портитъ мнѣ обоихъ сыновей!

Микіонъ. Сдержи, наконецъ, свой гнѣвъ и приди въ себя.

Демя. Я сдержалъ свой гнѣвъ и пришелъ въ себя. Я прекращаю всякую брань: выяснилъ самое дѣло. Мы рѣшили—какъ ты и подалъ мысль—то, чтобы тебѣ не заботиться о твоёмъ, а мнѣ о твоёмъ. Отвѣчай, такъ?

Микіонъ. Было дѣло, не спору.

Демя. Почему же онъ у тебя пьянствуетъ? почему ты, Микіонъ, принимаешь у себя моего сына? покупаешь ему любовницу? Развѣ я менѣ могу пользоваться тѣмъ же самымъ правомъ, чѣмъ ты? Разъ я не забочусь о твоёмъ, не заботься и ты о моемъ.

Микіонъ. Твои слова несправедливы.

Демя. Не справедливы?

Микіонъ. Да, потому что есть старинная пословица — у пріятелей все общее.

Демя. Остроумно! Это ты теперь только такъ запѣлъ.

Микіонъ. Выслушай меня вкратцѣ, Демя, если тебѣ не въ тягость. Прежде всего, если тебя грызутъ тѣ расходы, которые дѣлаютъ твои сыновья, то прими въ расчетъ вотъ что. Ты оставилъ у себя при ихъ рожденіи ихъ обоихъ, потому что тебѣ позволили это средства, и ты думалъ, что твоего имъ обоимъ хватитъ. Кромѣ того ты тогда рассчитывалъ, что и я возьму себѣ жену. Держись же и теперь своего прежняго расчета. Береги, добывай, копи, старайся оставить имъ какъ можно больше. Эту славу оставь за собой. А мое, что имъ досталось сверхъ ожиданій, пусть они истратятъ. Въ итогѣ ничего не пропадетъ, а все, что достанется съ моей стороны, считай за выигрышъ; если ты, Демя, захочешь держаться моего вѣрнаго взгляда, то и себя и ихъ избавишь отъ огорченій.

Демя. Я оставлю въ сторонѣ деньги; привычки ихъ самихъ...

Микіонъ. Постой, я знаю. Къ этому я и подбирался. Въ человѣкѣ, Демя, есть много примѣтъ, по которымъ, когда двое дѣлаютъ одно и тоже, часто бываетъ можно сказать: «Этотъ можетъ дѣлать это безнаказанно, а этотъ не можетъ». Не потому, чтобы дѣло было разное, а потому, что разные люди тѣ, кто

это дѣлаетъ. То, что я вижу въ нихъ, позволяетъ мнѣ быть увѣреннымъ, что они удовлетворятъ нашимъ желаніямъ. Они умны, разсуждаютъ, когда слѣдуетъ; осторожны, любятъ другъ друга. Сейчасъ видно благородное сердце и характеръ. Захочешь — вернешь ихъ на истинный путь въ одинъ день. Но мы боимся, что они слишкомъ не берегутъ денегъ. Ахъ, Демея милый! Со старостью мы обо всемъ судимъ правильнѣе; одинъ только порокъ приноситъ людямъ этотъ возрастъ: мы болѣе, чѣмъ это слѣдуетъ, печемся о деньгахъ. Лѣта до излишества этому научаютъ.

Демея. Какъ бы только эти твои прекрасныя правила и хладнокровіе не погубили насъ въ конецъ!

Миніонъ. Молчи. Такъ не случится. Оставь ужъ это! Предоставь себя на сегодняшній день въ мое распоряженіе; расправь свои морщины.

Демея. Вѣстимо, надо ужъ дѣлать, какъ требуютъ обстоятельства. Но завтра на зарѣ я съ сыномъ отправляюсь въ деревню.

Миніонъ. По моему, хоть ночью; только сегодня будь веселъ.

Демея. И эту пѣвицу отсюда потащу съ собой туда.

Миніонъ. Ты совѣмъ будешь съ побѣдой! Такимъ способомъ можешь совѣмъ привязать сына къ деревнѣ. Смотри только, удержи ее тамъ.

Демея. Я ужъ позабочусь объ этомъ и сдѣлаю такъ, что она на кухнѣ и на мельницѣ вдоволь поглощаетъ дыму и высѣвогъ. Вдобавокъ, въ самый полдень заставлю ее собирать солому. Сдѣлаю ее законченною и черною, какъ уголь.

Миніонъ. Превосходно! Теперь вижу весь твой умъ, а я заставлю сына, если бы онъ даже и не захотѣлъ, спать съ ней вмѣстѣ.

Демея. Смѣешься? Счастливъ ты, что у тебя такой характеръ! А я все чувствую!

Миніонъ. Ахъ, будешь ты еще дальше.

Демея. Пересталъ, пересталъ!

Миніонъ. Иди-ка въ домъ и за чѣмъ слѣдуетъ, затѣмъ и проведемъ сегодняшній денекъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ.

Демея. (Выходя изъ дома Миніона). Никогда человекъ не можетъ подвести итогъ прожитому такъ, чтобы обстоятельства, лѣта или опытъ не принесли для него новаго, не научили бы

чему-нибудь, такъ что не знаешь того, что считалъ извѣстнымъ, а отъ того отрекаешься, чему раньше придавалъ наибольшее значеніе. Это случилось теперь со мной. Я теперь, почти въ самомъ концѣ своей жизни, прекращаю ту суровую жизнь, которую велъ раньше. Почему-же это такъ? Я на дѣлѣ убѣдился, что нѣтъ для человѣка ничего лучше обходительности и кротости. Это можетъ любой узнать на мнѣ и на моемъ братѣ. Онъ всю жизнь провелъ въ покоѣ, въ пирахахъ. Онъ — ласковъ, смиренъ, никого въ глаза не затрагиваетъ. Онъ прожилъ въ свое удовольствіе, на себя тратилъ — и вотъ все его любятъ, все его хвалятъ. А я былъ грубъ, суровъ, серьезенъ, бережливъ, угрюмъ, скупъ. Взялъ себѣ жену... Сколько въ этомъ я нашелъ бѣдъ! Родились сыновья — новыя заботы. И вотъ, стараясь достать для нихъ какъ можно больше, я провелъ всю жизнь, все свои годы въ добываніи денегъ. И вотъ награда, которую на склонѣ лѣтъ я получаю отъ нихъ за труды: ненависть! А тотъ, другой безъ труда наслаждается преимуществами положенія отца: его любятъ — отъ меня бѣгутъ; ему доверяютъ все свои мысли, его обожаютъ, у него — оба теперь, а я покинутъ; молятъ, чтобы тотъ жилъ, а очевидно ждутъ моей смерти. Я воспиталъ ихъ съ величайшимъ трудомъ, а онъ дешевой цѣной сдѣлалъ ихъ своими. Словомъ, все бѣды достаются мнѣ, а онъ пользуется одними радостями. Теперь, поэтому, давай испробуемъ противоположное средство: насколько я умѣю ласково говорить и нѣжно поступать, коль скоро онъ побуждаетъ къ этому. И я со своей стороны требую отъ своихъ также любви и почтенія. Если это достигается подарками и угожденіемъ, то я не уступлю и въ этомъ: не хватить денегъ, такъ мнѣ отъ этого бѣда не велика: я вѣдь старше всехъ.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ.

Сиръ выходитъ изъ дома Микіона.

- Сиръ.** Эй, Демея, братъ твой проситъ тебя не уходить слишкомъ далеко.
- Демея.** (Не узнавая Сира). Что это за человѣкъ? Ахъ, любезный Сиръ, здравствуй. Какъ дѣла? Какъ поживаешь?
- Сиръ.** Хорошо.
- Демея.** Это лучше всего. (Въ сторону). Сейчасъ я впервые при-

бавиль противъ своего характера три эти выраженія: «любезный», «какъ дѣла», «какъ поживаешь». Твоимъ поведеніемъ ты заслуживаешь освобожденія, и я охотно похлопочу объ этомъ.

Сиръ. (Удивленно и недовѣрчиво). Покорно благодарю.

Дедея. Да, я говорю правду и ты скоро убѣдишься въ этомъ на дѣлѣ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ.

Изъ дома Состраты выходитъ Гета.

Гета. (Въ домъ). Я иду, хозяйка, къ нимъ, и погляжу, скоро ли придутъ за барышней. А, вотъ и самъ Дедея! (Подходитъ къ нему). Здравствуй!

Дедея. Какъ зовутъ тебя?

Гета. Гета.

Дедея. Ахъ, Гета, сегодня я въ душѣ сознался, что ты стоишь дорого, потому что въ моихъ глазахъ пользуется большимъ уваженіемъ тотъ рабъ, который заботится о господахъ такъ, какъ, насколько я замѣтилъ, ты заботишься. И поэтому, если понадобится, я съ удовольствіемъ окажу тебѣ какую-нибудь услугу. (Въ сторону). Упражняюсь быть любезнымъ, и это славно идти.

Гета. Добрый ты человѣкъ, если такъ думаешь.

Дедея. (Въ сторону). Понемногу склоняю толпу на свою сторону.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ.

Эсхинъ. (Выходя изъ дома Микіона). Убиваютъ они меня своими стараніями устроить свадьбу поторжественнѣ: на приготовленія тратятъ цѣлый день!

Дедея. Какъ дѣла, Эсхинъ?

Эсхинъ. Ахъ, отецъ, дорогой, ты былъ здѣсь?

Дедея. Да, твой на самомъ дѣлѣ по духу и по плоти отецъ, который тебя любитъ больше, чѣмъ свои глаза. Но почему ты не ведешь жену свою въ домъ?

Эсхинъ. И хотѣлъ бы, да меня задерживаютъ флейтистка и тѣ, кому нѣтъ гименей.

Дедея. Эхъ, хочешь ты послушать меня, старика!

Эсхинъ. Что такое?

Дедея. Брось ты все: гименей, процессію, свадебные факелы, флейтостокъ и прикажи срыть какъ можно скорѣе въ огородѣ этотъ

тынь, переводи ее сюда и сдѣлай изъ двухъ — одинъ домъ. Переводи къ намъ и мать ея и всю челядь.

Эсхинъ. Согласенъ, милый отецъ!

Демя. (Въ сторону). Ай, да я! Меня уже зовутъ милымъ. У брата домъ станетъ проходнымъ, онъ приведетъ къ себѣ въ домъ всю ораву и много истратитъ: мнѣ какое дѣло? Меня называютъ милымъ, и я получилъ его расположеніе. Теперь пусть этотъ вавилонянинъ считаетъ 20 минъ. Сиръ, что же ты не идишь и не работаешь!

Сиръ. Что работать-то?

Демя. Сноси стѣну. (Гетѣ). А ты иди къ нимъ и веди ихъ сюда.

Гета. Да благословятея тебя, Демя, боги; вѣдь вижу, что ты такъ сильно хочешь исполнить желаніе нашей семьи.

Демя. Я нахожу, что вы этого заслужили. (Эсхину). А ты что скажешь?

Эсхинъ. Я того же мнѣнія.

Демя. Такъ гораздо лучше, чѣмъ вести теперь послѣ родовъ сюда черезъ улицы.

Эсхинъ. Я, милый отецъ, лучше этого никогда ничего не видалъ.

Демя. Таковъ мой обычай. А вотъ и Микіонъ выходитъ на улицу.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ.

Микіонъ выходитъ изъ дому и говоритъ Сирю, который идетъ за нимъ; видитъ, что срываютъ стѣну.

Микіонъ. Братъ велитъ это? Гдѣ онъ? (Демя). Ты велѣлъ это, Демя?

Демя. Да, я велю какъ этимъ, такъ и всѣми другими мѣрами соединить съ нашей семьей ихъ семью, ухаживать за ними, помогать имъ, привлечь къ себѣ.

Эсхинъ. (Микіону). Прошу тебя, отецъ!

Микіонъ. Я держусь того же мнѣнія.

Демя. Да вѣдь все это нашъ домъ. Прежде всего у его жены есть мать.

Микіонъ. Есть. Что же дальше?

Демя. Честная и скромная женщина.

Микіонъ. Такъ говорятъ про нее.

Демя. Уже пожилая.

Микіонъ. Знаю.

Демя. Лѣта ужъ давно не позволяютъ ей родовъ, и у ней нѣтъ никого, кто бы о ней позаботился, — она одинока.

- Миніонъ.** Къ чему онъ клонитъ?
- Демея.** И вотъ тебѣ слѣдуетъ взять ее въ жены, а тебѣ (Эсхину) приложить старанія, чтобы это вышло.
- Миніонъ.** Мнѣ? взять въ жены?
- Демея.** Тебѣ.
- Миніонъ.** Мнѣ?
- Демея.** Да тебѣ же, говорятъ!
- Миніонъ.** Сумасшедшій!
- Демея.** (Эсхину). Если ты не камень, постарайся, чтобы онъ исполнилъ.
- Эсхинъ.** Отецъ мой, милый...
- Миніонъ.** Да что ты, осель, его слушаешь?!
- Демея.** Напрасно стараешься! Иначе быть не можетъ.
- Миніонъ.** Сбѣсился ты?
- Эсхинъ.** Дай украсить тебя, отецъ.
- Миніонъ.** Съ ума ты сходишь! (Эсхину, который схватилъ его за руку). Пусти.
- Демея.** Ну ужъ уступи сыну-то.
- Миніонъ.** Да здоровъ ли ты? Я на шестьдесятъ пятомъ году стану новобрачнымъ и возьму въ жены себѣ отжившую старушонку? Это вы мнѣ совѣтуете?
- Эсхинъ.** Да ужъ женись: я общалъ имъ это.
- Миніонъ.** Общалъ даже? Ты, мальчишка, жертвуй, да только собой!
- Демея.** Да ужъ сдѣлай! А что, если онъ попроситъ тебя о чемъ-нибудь поважнѣе?
- Миніонъ.** Какъ будто это не самое важное?
- Демея.** Уступи.
- Эсхинъ.** Не упрямясь!
- Демея.** Исполни, общай!
- Миніонъ.** Вы не перестанете?
- Демея.** Не перестану, пока не выпрошу.
- Миніонъ.** Да вѣдь это насиліе!
- Демея.** Будь любезень.
- Миніонъ.** Хотя я нахожу это неподходящимъ, глупымъ, безмысленнымъ и противорѣчающимъ моей жизни, однако пусть будетъ такъ, если вы этого такъ сильно желаете.
- Эсхинъ.** Ты поступаешь великолѣпно.
- Демея.** По заслугамъ я тебя люблю, однако...
- Миніонъ.** Что «однако»?

- Дедея.** Ну теперь, коль скоро мое желаніе сбывается, я ужъ скажу.
- Микіонъ.** Чего еще не хватаетъ?
- Дедея.** Есть у нихъ очень близкій родственникъ, Гегіонъ, и намъ приходится онъ роднымъ. Человѣкъ онъ бѣдный: слѣдуетъ и для него что-нибудь сдѣлать.
- Микіонъ.** Что же сдѣлать!
- Дедея.** Здѣсь надъ городомъ есть у тебя немного землицы, которую ты сдаешь чужимъ; дадимъ ему ее: пусть попользуется.
- Микіонъ.** (Удивленно) По твоему тамъ немного земли?
- Дедея.** Хотя бы и много! — все таки надо такъ сдѣлать. Онъ былъ Памфилъ отцомъ, человѣкъ онъ хорошій, намъ не чужой. Наконецъ, я не свои слова теперь говорю, а то, что ты, Микіонъ самъ незадолго выразилъ такъ умно и прекрасно: «У всѣхъ одинъ общій порокъ, что въ старости мы слишкомъ привязываемся къ деньгамъ. Этого пятна намъ слѣдуетъ избѣгать» Эти слова справедливы и надо ихъ осуществить на дѣлѣ.
- Эсхинъ.** (Микіонъ) Дорогой отецъ!
- Микіонъ.** Да что? Дадимъ ему, когда Эсхинъ этого хочетъ.
- Эсхинъ.** Я въ восторгъ!
- Дедея.** Теперь ты братъ мнѣ по духу и по плоти. (Въ сторону) Его же орудіемъ его и побиваю.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ.

- Сиръ.** (Выходитъ изъ дома). Твое приказаніе, Дедея, исполнено.
- Дедея.** Молодецъ. Ей-ей, по моему сегодня слѣдуетъ сдѣлать Сира свободнымъ.
- Микіонъ.** Его освободить? За какія заслуги?
- Дедея.** За многія.
- Сиръ.** Ахъ, Дедея, милый мой, клянусь Поллуксомъ, ты добрый человѣкъ. Съ дѣтства я ходилъ вамъ за ними обоими ревностно. Училъ, воспитывалъ всегда всему, чему могъ, наставлялъ хорошему.
- Дедея.** Это ясно. Кромѣ того посмотри, какъ честно служилъ бѣднякъ: приводилъ засвѣтло прелестницу, еще днемъ начиналъ готовить пиръ. Все это поступки хорошаго человѣка.
- Сиръ.** Ахъ, добрый ты человѣкъ!
- Дедея.** Наконецъ, сегодня онъ помогалъ при покупкѣ пѣвицы, онъ старался. Справедливость требуетъ, чтобы онъ получилъ отъ

этого выгоду, тогда и другіе лучше служить будутъ. Наконецъ этого хочеть вотъ онъ (указываетъ на Эсхина).

Миніонъ. (Эсхину) Ты хочешь этого?

Эсхинъ. Даже очень!

Миніонъ. (пожимая плечами, Эсхину) Если ты хочешь! (Сирю) Сирь, подойди сюда ко мнѣ: ты свободенъ.

Сирь. Доброе дѣло ты дѣлаешь! Всѣмъ я благодаренъ, а кромѣ того тебѣ отдѣльно, Демея.

Демея. Очень радъ.

Эсхинъ. И я тоже.

Сирь. Я вѣрю вамъ. О если бы эта радость была навѣки, чтобы я увидѣлъ свободной вмѣстѣ со мной и мою жену Фригію.

Демея. Чудная женщина! (Микіону).

Сирь. (Микіону) И кромѣ того она сегодня первая дала грудь моему внуку, а его (указываетъ на Эсхина) сыну.

Демея. А! Ну, если она первая дала, безъ сомнѣнія надо и ее отпустить.

Миніонъ. За это-то?

Демея. Да, за это. Наконецъ, возьми съ меня деньгами, сколько она стоитъ.

Сирь. Да исполняютъ боги всегда всѣ твои желанія!

Миніонъ. Тебѣ, Сирь, сегодня великолѣпно повезло!

Демея. Въ особенности, если ты еще, Миніонъ, исполнишь свой долгъ и дашь ему въ руки немножко на разживу. Онъ тебѣ скоро вернетъ.

Миніонъ. Вотъ чего не далѣе (показываетъ на кончикъ пальца).

Эсхинъ. Онъ хозяйственный человѣкъ.

Сирь. Верну, ей—ей отдамъ! Дай только.

Эсхинъ. Ну, дай ужь, отецъ!

Миніонъ. Потомъ, подумаю.

Демея. (Сирю) Сдѣлаеть!

Сирь. Какой ты великолѣбный человѣкъ!

Эсхинъ. О дорогой отецъ!

Миніонъ. (Демею). Въ чемъ дѣло? Что такъ внезапно измѣнило твой характеръ? Откуда такая услужливость? Что это за внезапная щедрость?

Демея. Сейчасъ скажу тебѣ. Все это для того, чтобы показать тебѣ, что тебя они считаютъ добрымъ и податливымъ не за то, что ты правильно смотришь на жизнь, поступаешь милостиво и

справедливо, а потому что ты не споришь, потворствуешь и даешь деньги. Поэтому, если мои житейскія правила, Эхинъ, вамъ ненавистны, потому что я не исполняю безъ разбору, хорошо ли это, плохо ли, то я вамъ мѣшать не стану. Кутите, покупайте, дѣлайте, что вамъ угодно; но если вы предпочитаете, чтобы я указывалъ, исправлялъ, гдѣ нужно, улаживалъ то, чего вы по юности не замѣчаете, чего вы слишкомъ ужъ добиваетесь и не обдумываете, тогда-то-вотъ я къ вашимъ услугамъ.

Эхинъ. Мы поручаемъ тебѣ это, отецъ: ты лучше знаешь, что надо дѣлать. А что же будетъ съ братомъ?

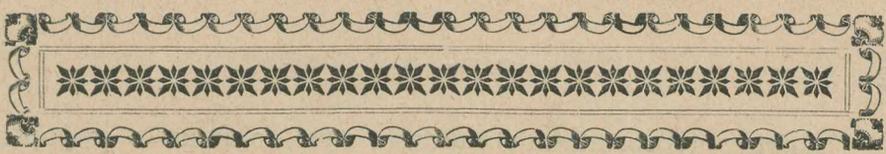
Демея. Ну ужъ пусть владѣтъ ей, только чтобы это была послѣдняя.

Микіонъ. Вотъ это такъ!

Пѣвецъ. (з р и т е л я м ъ). Рукоплещите.

Запавѣсъ поднимается.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ.

Печатаемые ниже статьи В. В. Розанова, А. А. Башмакова и „Сигмы“ (съ очень небольшими сокращениями) являются попыткой практическаго примѣненія въ средней школѣ ученія славянофиловъ. Разумѣется, это пока одни проблемы, въ которыхъ туманно, какъ бы гадательно, вырисовываются, и то только нѣкоторыя, черты будущей національной русской школы.

Дѣло въ томъ, что, какъ я писалъ въ № 8510 „Новаго Времени“, „вопросы русскаго національнаго самосознанія только еще бродятъ въ обществѣ, но совершенно не вошли въ кровь и плоть и совершенно неясны большинству интеллигенціи“. По этому поводу почтенный профессоръ К. Г. замѣчаетъ въ № 8521 той же газеты, что „это печальное явленіе слишкомъ бросается въ глаза, чтобы надо было его доказывать, и оно сказывается во всемъ, во всѣхъ результатахъ нашей государственной, общественной и частной дѣятельности, въ нашей и внутренней и виѣшней политикѣ... Само собой понятно,—продолжаетъ далѣе г. К. Г.,—что самый естественный и вѣрный путь къ поднятію національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ — это націонализація русской школы, утвержденіе ея на прочныхъ національныхъ устояхъ, что вполне возможно выполнить безъ всякаго ущерба той ширинѣ и такъ сказать „всечеловѣчности“ образовательнаго кругозора, которая всегда составляли ея неотъемлемое достоинство*).

*) Обѣ статьи будутъ перепечатаны въ «Пед. Еж.».

Между тѣмъ, наше общество, при толкахъ о реформѣ средней школы, ставитъ, въ противовѣсъ нынѣшней системѣ, не національность, а „реальное“ воспитаніе, какъ будто, еслибы закрылись гимназіи, а остались, на примѣръ, реальныя училища, былъ бы рѣшенъ наблюдѣній вопросъ! Типичнымъ представителемъ такого взгляда явились въ „Нов. Врем.“ статьи извѣстнаго писателя и бывшаго педагога Евгенія Маркова, который предлагаетъ поставить въ основу воспитанія изученіе природы. Разумѣется, плодомъ такой системы явится только космополитизмъ.

Въ маленькой англійской деревнѣ Горсель, около Гильфорда, мнѣ довелось посѣтить начальную школу и попасть на урокъ географіи. Учебникъ начинался словами: „Мы принадлежимъ къ англійскому народу и должны гордиться этимъ именемъ“. Дѣвочки писали диктовку и, случайно взявъ одну тетрадь, я увидѣлъ слѣдующую фразу: „Въ Афганистанѣ имѣется только нѣсколько горныхъ проходовъ, черезъ которые русскіе могли бы ворваться въ Индію, но всѣ они охраняются сильными отрядами англійскихъ войскъ и поэтому для русскихъ Индія недоступна“. Это писали 8—9 лѣтнія дѣвочки. Англійскія книги полны гордостью за свое прошлое, любовью къ отечеству и къ своему народу, разсѣянному по всему земному шару, и на уваженіи къ работѣ своихъ отцовъ и дѣдовъ воспитывается каждый англичанинъ. И когда, кончивъ школу, англійскій юноша ѣдетъ въ колонію начинать тамъ свою карьеру, онъ полонъ сознанія, что на немъ лежитъ обязанность сохранить то міровое владычество, которое создано трудами его предковъ; онъ знаетъ еще съ дѣтства, что англичанъ ненавидитъ „континентъ“, имъ завидуетъ, и онъ чувствуетъ себя всюду, какъ тѣ часовые въ Афганистанѣ, которые должны зорко слѣдить, чтобы „русскіе не ворвались съ сѣвера“ въ ихъ роскошную Индію.

Наши же учебники — географіи, на примѣръ, совершенно космополитичны. Ни одинъ учебникъ не говоритъ, сколько германскихъ или австрійскихъ войскъ стоитъ на западной границѣ; а это русскому юношѣ гораздо важнѣе знать, чѣмъ сколько вѣтряныхъ мельницъ въ Конотопѣ. Нашъ-же учебникъ исторіи начинается съ анекдотовъ о томъ, что „Россія велика и обильна, но по-

рядка въ ней нѣтъ“, что „руси веселіе есть пити“, и затѣмъ полунасмѣшка, полусожалѣніе проходитъ ядовитой нитью по всему учебнику.

„Много вѣковъ прошло, и историческая жизнь Россіи развилась не безъ славы, не смотря на тяжелыя испытанія и на страданья многовѣковыя. Широко раскинулись предѣлы государства, обширнѣйшаго въ цѣломъ мірѣ. Жили въ ней и просвѣщеніе и сила духа, которыя одни могли такъ побѣдоносно выдерживать такіе сильныя удары и такую долгую борьбу“... (Хомяковъ I, изд. П. Бартенева). Стало быть, въ учебныхъ руководствахъ наши юноши могутъ и должны черпать энергію, вѣру въ себя и въ свою родину.

Спб. В. Яич—іі.

СУВОРОВЪ.

ЛЕГЕНДА*)

Сочиненный стариками
Чудный сказъ хранить народъ. . .
За дремучими лѣсами,
Средь невѣдомыхъ болотъ,

* * *

Исполненскій виденъ камень.
Келья въ камнѣ въковомъ,
И лампады робкій пламень
Вѣчно свѣтитъ въ кельѣ той.

* * *

Тамъ, сокрытъ отъ грѣшныхъ взоровъ,
Тихъ, спокоенъ, словно спитъ,
Богатырь—старикъ Суворовъ
Сотню лѣтъ уже лежитъ.

* * *

На гранитномъ жесткомъ ложѣ
Онъ лежитъ, сжимая крестъ.
Сонъ героя не тревожа,
Все недвижно спитъ окрестъ.

* * *

Но придетъ лихое время,
И на Русь, грозя войной,

Хлынетъ вражеское племя
Сокрушительной волной.

* * *

Будутъ страшные пожары,
Будутъ люди погибать;
Будутъ люты Божьи кары,
А Суворовъ — будетъ спать. . .

* * *

Русь, испивши чашу горя,
Наконецъ дождется дня:
Землю скроетъ, словно море,
Кровь до щиколокъ коня;

* * *

И поднимется Суворовъ
Изъ таинственныхъ болотъ.
Съгнѣннымъ блескомъ въ грозномъ взорѣ
Мечъ губительный возьметъ,—

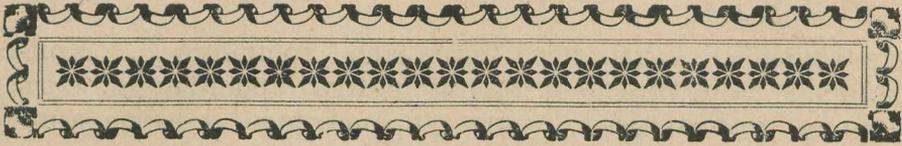
* * *

И спасетъ онъ Русь святую...
Врагъ исчезнетъ безъ слѣда,
А Суворовъ, торжествуя,
Ляжетъ въ землю — навсегда.

*) По передачѣ Петрушевскаго («Русск. Нач. Учитель», мартъ 1900 г.

И. Мордвиновъ.

Школа и жизнь *)

В. В. Розанова.

Нужды нашего образованія у всѣхъ наболѣли. Самая бѣдная въ Европѣ просвѣщеніемъ страна, Россія всего бѣднѣе обставила свое просвѣщеніе. Правосудіе, армія, пути сообщенія — все это, предъявляя свои нужды, сыпается на ихъ „безотлагательность“; но то, что лежитъ въ основѣ всего этого, свѣтъ знанія — намъ представляется такимъ дѣломъ, нужда въ которомъ всегда можетъ быть отложена, „оговорена“, и, въ концѣ-концовъ, забыта. Возьмемъ ли мы книгу и стоящаго за ней ученаго; журналъ и стоящаго за нимъ писателя; но, прежде всего, конечно, школу и стоящаго за нею учителя — мы увидимъ все это какъ-то оборваннымъ въ своемъ существованіи и достоинствѣ; все это жметъ куда-то въ уголъ въ нашемъ широкомъ и, казалось бы, для всего привольномъ отечествѣ; ежится и какъ будто чувствуетъ нужду въ оправданіи самаго бытія своего. Поставьте судью и рядомъ съ нимъ учителя гимназій; моряка, сухопутнаго генерала и рядомъ съ нимъ профессора, — взгляните и сравните ихъ лица: загнанность, забитость, робость ясно вырисуются во вторыхъ, „педагогическихъ“, фигурахъ. Мы имѣемъ чисто языческое, грубо римское представленіе объ учителѣ: „учитель“ — это немножко „рабъ“, конечно, „ученый“ рабъ и все-таки не смѣющій возвыситься до сравненія въ положеніи съ отцомъ дѣтей, къ которымъ онъ приставленъ,

*) «Новое Время».

и который есть для него немножко „господинъ“. Христіанское понятіе, по которому свѣтъ, просвѣщеніе есть высшее земное дѣло, есть украшающее и возвеличивающее человѣка занятіе — намъ совершенно чуждо. Оно намъ чуждо во всѣхъ проявленіяхъ, въ наукѣ, литературѣ, но впереди всего — въ школѣ.

Не отъ этого ли забитаго и загнаннаго положенія такая искаженность въ самомъ характерѣ нашего умственнаго свѣта, т.-е. опять таки въ литературѣ нашей, въ наукѣ нашей, но ранѣе и впереди всего — въ школѣ. Кто не твердо стоитъ на ногахъ, всегда будетъ на что-нибудь опираться; кто не нащупываетъ подъ ногами у себя твердой, материковой почвы, невольно будетъ хвататься за перила, стѣны, за что-нибудь около себя, вокругъ себя и даже вдали отъ себя. Это есть та степень умственной бѣдности и немощи, на которой не позорно стоять какимъ-нибудь только-что пробуждающимся къ національному сознанію эстамъ. Загнанность внѣшняя и, можетъ-быть, только матеріальная сказывается внутреннею надломленностью; пренебреженіе, которое свѣтъ знанія чувствуетъ къ себѣ, вокругъ себя — сказывается не охотой и боязнью связывать свои и по своему слова. И это — послѣ Пушкина, Карамзина; это когда мы имѣемъ славянофильство, т.-е. цѣлую школу національнаго сознанія; но это національное сознаніе также выброшено куда-то на задній дворъ нашего государственнаго и общественнаго обихода.

Хочется прежде всего увидѣть сознаніе своего достоинства. Пора нашему просвѣщенію снять „зракъ раба“, который оно носитъ на себѣ, и стать въ уровень, плечомъ къ плечу съ другими вѣдомствами. Но это нужно сдѣлать не въ центрѣ, но распространить это поднятіе духа на непосредственно стоящую у дѣла волну, т.-е. на просвѣщающія вообще и, въ частности, на учащія силы. Мы разумѣемъ учителей, мы разумѣемъ профессоровъ — этихъ немножко „паріевъ“ нашего общественнаго и государственнаго уклада. Было бы безразсудно и жестоко требовать съ людей, предварительно не давъ имъ способовъ выполнить требуемое; нельзя иначе возвысить самый уровень учительскаго у насъ класса, какъ создавъ лучшія условія для его существованія, т. е. переставъ отгонять отъ

учительства все активное, сильное, что до сихъ поръ бѣжало отъ этихъ должностей къ другимъ, свободнѣе поставленнымъ и лучше обеспечивающимъ. Скажемъ то, чему долгій срокъ мы были свидѣтелями, что очень мало извѣстно въ нашемъ обществѣ и что, будучи грубо материально, служитъ источникомъ самыхъ печальныхъ нашихъ поражений въ области идеала: это — внутреннее, домашнее положеніе учителя. Въ настоящее время учителю семейному невозможно захворать, не впавъ сейчасъ же въ долгъ, почти не поправимый; семейный учитель, оставляя своихъ дѣтей почти безъ присмотра, нудитъ жену къ педагогическому же труду на сторонѣ, или, хоть и потаенно, но къ какому-нибудь домашнему, „кустарному“ ремеслу; сами учителя захлебываются въ урокахъ, доходятъ до самоудушенія съ „ученическими тетрадами“, и очевидно скверно поправляютъ какъ эти тетради, такъ и вообще скверно даютъ уроки, т. е. утомленно и раздраженно. Учитель сталъ почти синонимомъ неврастеника, и это около учениковъ-дѣтей, на которыхъ его нервность отражается почти заражающимъ образомъ. И въ основѣ этого лежитъ просто рубль, урванный у него и переданный чиновнику такихъ вѣдомствъ, для которыхъ свѣтъ знанія „какъ бы не бѣ“. Смѣшно до боли, но, и кромѣ того, поистинѣ позорно для образованной страны, что Менделѣевъ, Чебышевъ, Бредихинъ, Грановскій, Кудрявцевъ, Буслаевъ, Тихомировъ такъ до сѣдыхъ волосъ и не дождались обезпеченія, которое въ Петербургѣ получаютъ совсѣмъ молоденькіе „начальники отдѣленій“ и вообще члены нашей необозримой администраціи, блюдушіе только „очищеніе входящихъ и исходящихъ нумеровъ“ (бумагъ). Лѣтъ 18 назадъ, за недостаткомъ грошовой субсидіи, закрылся превосходный естественно-историческій журналъ „Природа“, издававшійся московскимъ профессоромъ Сабанѣевымъ; по тому же недостатку закрылся журналъ „Древняя и Новая Россія“, прекрасно задуманный, и въ которомъ приняли было участіе лучшія ученныя наши силы по исторіи; теперь едва влачить свое существованіе философско-идеалистическій журналъ „Вопросы философіи и психологіи“, около котораго жметса кружокъ безкорыстныхъ тружениковъ въ безкорыстнѣйшей области. Мы понимаемъ, что „субсидія“ есть аномалія

въ литературѣ; но она есть аномалія въ литературѣ политической, а не въ научной. Здѣсь дать средства на экспедицію въ Тибетъ, или дать средства для изданія перевода классическихъ философовъ — одно и то же, т. е. здѣсь нѣтъ „субсидіи“, а есть то же, что учрежденіе кафедры при университетѣ, что открытіе прогимназіи. Скажутъ: журналъ, который не поддерживается обществомъ — обществу не нуженъ; нѣтъ, онъ поддерживается, и горячо сотнями, тысячью съ небольшимъ подписчиковъ, т. е. нѣсколькими тысячами читателей; но онъ не имѣетъ десятковъ тысячъ читателей, нужныхъ для самосуществованія журнала. Онъ глохнетъ, потому что глуха просвѣщеніемъ страна; и среди средствъ будить страну къ умственному свѣту есть тотъ, который мы теперь указываемъ. Сотни читателей учатся на хорошемъ и серьезномъ журналѣ; черезъ годы они возрастутъ до тысячъ и тогда рука дающаго можетъ перестать давать. Конечно, было бы лучше, если бы общество устраивалось здѣсь и обходилось одно; но вотъ оно не обошлось же, и изданія, имена которыхъ мы привели, закрылись. Нужно мириться съ элементарнымъ и начальнымъ фактомъ, какъ онъ лежитъ передъ нами: ну, что-нибудь сдѣлать съ этимъ фактомъ, т. е. въ глыбѣ грубости и невѣжества какими ни на есть путями, но зажечь свѣтъ.

Но вернемся отъ этихъ относительныхъ верховъ просвѣщенія къ его низинамъ, — къ положенію обширнѣйшаго у насъ класса учителей среднихъ и низшихъ школъ. Кто наблюдалъ ихъ бытъ и трудъ, не можетъ не знать, сколько здѣсь таится загнаннаго, измученнаго идеализма. Фигурка нашей „сельской учительницы“ стала почти классическою въ своемъ смиреніи и безропотности; берегите этотъ начавшійся и еще не угасшій порывъ; онъ не вѣченъ, онъ можетъ надорваться, онъ можетъ впасть въ цинизмъ, если встрѣтитъ грубость невниманія и безжалостное издѣвательство надъ собою. А разъ погаснувшій, его не возможно возжечь, потому что загорѣлся онъ свободно, при стеченіи случайныхъ историческихъ обстоятельствъ. Есть страны такъ же „темныя“, какъ Россія; но вездѣ это понимается какъ несчастіе; и нѣтъ странъ, гдѣ — какъ у насъ — невѣжество стояло бы въ вызывающей позѣ и чувствовало бы

достаточный фундаментъ подъ этою позою. Оборванный въ своемъ существованіи „чиновникъ“ министерства просвѣщенія есть уже слагающая единица общественныхъ нравовъ; онъ „жметса“ — и окружающая жизнь наглѣе на него наступаетъ; т. е., въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ — это жметса книга, ежится журналъ, газета, и, внутренно, духовно — ежится мысль, словно передъ наступающею на нихъ акцизною бандеролью. Такъ изъ подробностей, изъ мелочей слагается духовный образъ страны и образуется траекторія ея историческаго движенія.

Мы упомянули о Карамзинѣ, о Пушкинѣ, о школѣ славянофильства. Россія въ прошломъ своемъ и въ свободныхъ своихъ усиліяхъ дала гораздо лучше задатки, чѣмъ какіе мы развиваемъ сейчасъ, или какими пользуемся оффиціально. Наши уставы, какъ гимназическій, такъ и университетскій, суть компіляціи изъ иностраннаго, и даже проще — переводъ съ нѣмецкаго. Но дѣло идетъ гораздо глубже, потому что и самый матеріалъ образованія, съ которымъ непосредственно соприкасается отроческій и юношескій возрастъ всей страны, есть также не русскій въ $\frac{7}{10}$ своего состава. То есть незамѣтно и неуклонно мы передѣлываемъ самую структуру русской души „на манеръ иностраннаго“. Чтобы не быть голословными, мы укажемъ, что послѣдовательный курсъ русской исторіи, проходимый, при одномъ урокѣ въ недѣлю въ VI, VII и въ первую учебную четверть въ VIII классѣ, занимаетъ въ нихъ всѣхъ 56 часовъ, т. е., если ихъ слить въ сплошное время, изъ 8 лѣтъ ученія на русскую исторію берется только 2-е сутокъ и 8 часовъ — 5 днямъ нормальнаго ученія. При 1,600 учебныхъ дняхъ въ теченіе восьмилѣтняго курса гимназіи, это составляетъ $\frac{1}{320}$ долю всего воспринимаемаго ученикомъ матеріала, и, слѣдовательно, занимаетъ $\frac{1}{320}$ долю его цѣльнаго вниманія, именно въ тотъ возрастъ, когда онъ формируется и когда въ немъ устанавливаются навсегда неразрушимыя перспективы „важнаго“ и „неважнаго“, „близкаго“ и „далекаго“. Нужно ли говорить, что это только есть исчезающая по малости величина, сводящаяся на „нѣтъ“ въ общемъ восьмилѣтнемъ воспоминаніи. И на „нѣтъ“ сводится роль историческаго воспоминанія

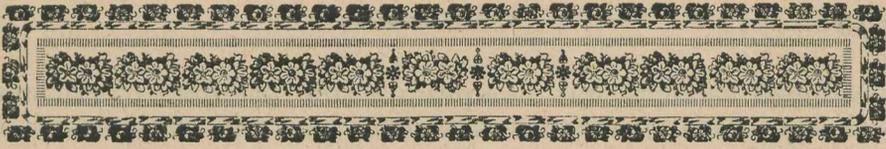
въ душѣ почти каждаго образованнаго русскаго. Удивляться ли при этой постановкѣ дѣла въ самомъ зрѣнѣ его, что мы на всѣхъ поприщахъ духовной и общественной жизни представляемъ слабость національнаго сознанія; что мы не имѣемъ ни привычекъ русскихъ, ни русскихъ мыслей и, наконецъ, мы просто не имѣемъ фактическаго русскаго матеріала, какъ предмета обращенія для своей хотя бы и „общечеловѣческой“ мысли. Мы учимся патриотизму на образцахъ римскаго патриотизма; чувству чести — на образцахъ французской „чести“, и семейной домовитости — на историческихъ разсказахъ о швейцарцахъ и средне-вѣковыхъ германцахъ. Мы сплетаемъ англійскія, французскія, германскія и византійскія династіи королей, — не лучше, но и нисколько не хуже, чѣмъ генеалогію своихъ государей, какъ и географію этихъ странъ знаемъ — если сравнить пространственные измѣренія — въ сущности такъ же подробно, какъ и географію своего „захудалаго“ отечества. Эта духовная перспектива, навязанная школою въ самый воспріимчивый и чуткій возрастъ, на мягкомъ воскѣ еще не окрѣпшей души, скоро затвердѣваетъ и уже остается недвижимою во всю послѣдующую жизнь, въ дѣятельности естественно такъ мало „зрѣлой“. Славянофильство Ивана и Петра Кирѣевскихъ, братьевъ Аксаковыхъ, Хомякова, Юр. Самарина и до сихъ поръ виситъ у насъ „въ воздухѣ“ какою-то „теоріею“, когда оно есть только снимокъ, слѣпокъ, духовный отблескъ фактическаго склада нашей исторіи и земли. То есть эта исторія, т. е. эта земля такъ выскользнула изъ-подъ нашихъ ногъ, что болтая ими въ воздухѣ и цѣпляясь руками за перила и „пропилеи“ пусть „общечеловѣческой“, но все же не кровно нашей цивилизаціи, мы все кровное для себя уже представляемъ только какъ „идею“, и притомъ весьма намъ странную, нисколько не близкую. Мы далеки отъ мысли отрицать древности, или значеніе римской, какъ и европейской исторіи, литературы, философіи, наукъ. Но мы думаемъ, что прочно и правильно осѣсть все это можетъ только на типично сложившуюся душу, а не на эклектическій наборъ какихъ-то кусочковъ всевозможныхъ „душъ“, по нашему предположенію составляющей „настоящую общечеловѣческую душу“. По крайней мѣрѣ,

отъ древняго грека и до современнаго намъ англичанина, француза, нѣмца — каждый, именно, въ пору отрочества и первой юности, воспитывался и воспитывается въ типично-національномъ духѣ; и, можетъ быть, этотъ же крѣпкій фундаментъ даетъ основательность и яркость послѣдующимъ блужденіямъ духа, если имъ и случится переступить за національныя рамки. У насъ Грановскій, Бѣлинскій, Герценъ, ранѣе — Жуковскій и Карамзинъ, и прототипъ ихъ всѣхъ — Великій Петръ, были все-таки воспитаны типично, по русски. И отъ этого они знали, что отрицали; и они отрицали съ болью. Совершенная противоположность земному и индифферентному эклектизму нашихъ текущихъ дней.

Цѣлый кругъ людей воскресили въ себѣ русскаго человѣка, погрузившись въ „пыль хартій“; и никакъ нельзя сказать, чтобы Самаринъ, Аксаковъ и Хомяковъ были шаткими или поверхностными „гражданами“. Нѣтъ, именно какъ граждане, равно и какъ члены общества, наконецъ — какъ отцы семействъ, они были образцами, т. е. въ пыли нашихъ хартій есть что-то „образцовое“, на чемъ воспитываются истинные граждане, какъ и истинно образованные люди. Незадолго до смерти Юр. Самаринъ писалъ, что опубликованіе официальныхъ свѣдѣній о процентной ежегодной убыли у насъ лѣсовъ — не дало ему нѣсколько ночей спать. Если бы такихъ людей мы считали не исключительными единицами, если бы таковъ былъ складъ и духъ общества, Россія не понесла бы самыхъ тяжкихъ изъ своихъ поражений извнѣ и внутри, и къ цѣпи успѣховъ своихъ прибавила бы еще нѣсколько цѣнныхъ звеньевъ. Дѣло въ томъ, что классически разработанная и классически передаваемая, наша старина, въ своемъ родѣ, могла бы стать классическимъ образованіемъ, но туземно-классическимъ, ибо сущность „классическаго“ лежитъ менѣе въ предметѣ и болѣе въ способѣ. Но это — далекая мечта, изъ которой часть, однако, можетъ получить осуществленіе и теперь. Съ самыхъ различныхъ сторонъ и въ органахъ печати нѣсколько не сливающихся направленій послѣдніе годы читалось желаніе видѣть большее мѣсто, удѣляемое Россіи и всему русскому въ учебныхъ программахъ. Мы нѣсколько съуживаемъ это и опредѣляемъ, настаивая на памятникахъ исторіи и на

памятникахъ старой и новой словесности. За первыя семьдесятъ лѣтъ этого вѣка Россія пережила не только пору богатыхъ творческихъ возбужденій, но послѣ XVIII вѣка забвенія она духовно открыла себя; она создала своеобразный и прекрасный у себя Renaissance, — Renaissance лѣтописей, монастырей, былинъ, безчисленныхъ поэтическихъ или болѣе дѣловыхъ „Словъ“. Оригинальность и красота этого духа лишь на немногихъ подѣйствовала; но на всѣхъ, на кого она подѣйствовала, она произвела оздоровляющее впечатлѣніе, и съ тѣмъ вмѣстѣ ничего ни у кого не отняла изъ „общечеловѣческаго“. Если мы присоединимъ сюда классическую поэзію и прозу, создавшуюся у насъ за этотъ вѣкъ, мы будемъ имѣть богатый матеріалъ образованія, — богатый равно и красотою формъ, и обиліемъ глубочайшихъ мыслей. Мы не хотимъ сказать, чтобы это было — все; даже не настаиваемъ, чтобы это было — главнымъ. Но что этому всему слѣдуетъ дать болѣе движеніе въ нашей школѣ — этого никто не оспоритъ, и въ этомъ состоитъ наша скромная мысль. Важно, чтобы школа, преслѣдуя какія угодно „далекія“ цѣли, не отставала на самомъ дѣлѣ отъ достигнутаго уже странною уметвеннаго и нравственнаго уровня; и неоспоримо, что наша школа, гдѣ все знаютъ плохо и хуже всего — русскую литературу и русскую исторію, рѣшительно не стоитъ на уровнѣ той минуты, въ которую она существуетъ.

В. Розановъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ О РУССКОМЪ КЛАССИЦИЗМѢ*)

А. А. Башмакова.

Въ послѣднее время оживились въ нашей печати толки объ основныхъ цѣляхъ средняго образованія и о воспитательномъ значеніи классицизма и реализма. Въ статьѣ, появившейся въ „Новомъ Времени“, г. Розановъ прямо поставилъ вопросъ о „русскомъ классицизмѣ“. Самое важное мѣсто въ его статьѣ слѣдующее: „Классически разработанная и классически передаваемая, наша старина въ своемъ родѣ могла бы стать классическимъ образованіемъ, но туземно — классическимъ, ибо сущность „классическаго“ лежитъ менѣе въ предметѣ и болѣе въ способѣ. Но это далекая мечта, изъ которой часть, однако, можетъ получить осуществленіе и теперь“. — Вотъ *одинъ* изъ элементовъ „русскаго классицизма“ — „классически разработанная и передаваемая русская старина“.

Второй элементъ будетъ, по мысли г. Розанова, впрочемъ не вполне отчетливо формулированной, „классически разработанная и передаваемая“ русская литература новѣйшихъ дней, считая не только поэтовъ и историковъ, Пушкина и Карамзина, но также и политическихъ мыслителей, въ особенности славянофиловъ, составляющихъ, по мнѣнію г. Розанова, „цѣлую школу національнаго сознанія“. Идеѣ „русскаго классицизма“ суждено сыграть большую роль въ исторіи нашего дальнѣйшаго развитія. Такъ, по крайней мѣрѣ, склоненъ я смотрѣть на дѣло, да и не я одинъ... Уже теперь можно предвидѣть, что въ этой идеѣ содержится бли-

*) «С.-Петербург. Вѣдомости.»

жайшій выходъ изъ непримиримой распри, раздѣляющей у насъ мыслящихъ людей на два лагеря: за и противъ классицизма. Въ настоящее время у насъ считается весьма естественнымъ безусловно пристать къ тому или другому лагерю и ратовать за торжество или отмѣну классицизма, не подозрѣвая даже сложности вопроса и, въ особенности, не сомнѣваясь въ томъ, что „классицизмъ“ только и бываетъ что „греко-латинскій“, а внѣ его только и мыслимъ одинъ исходъ—реального образованія. Мнѣ кажется, что тутъ весьма важно проникнуться двумя мыслями:

а) нѣтъ возможности просто разрѣшить этотъ споръ, потому что это—не только учебный вопросъ, но въ немъ скрещиваются всѣ элементы народной жизни и опредѣляется значеніе нашей культуры въ ея прошломъ и будущемъ;

б) идея „классицизма“ не должна быть понята, какъ нѣчто неразрывно связанное съ греко-римской филологіей.

Постараюсь яснѣе выразить и ту, и другую мысль.

Очень легко и быстро складывается въ нашей душѣ отвѣтъ на поставленный вопросъ о томъ: быть или не быть нынѣшнему классицизму, если мы, хоть на одинъ мигъ, постараемся упростить наше сознаніе и наше понятіе о русской культурѣ. Съ чисто западной точки зрѣнія, культура является исключительно предметомъ ввоза; съ точки зрѣнія тѣхъ изъ защитниковъ народной самобытности, которые не допускаютъ никакихъ элементовъ развитія, кромѣ доморощенныхъ, всякій ввозъ вреденъ. Съ первой точки зрѣнія придется привѣтствовать классицизмъ; со второй—необходимо ждать его искорененія.

Быть можетъ, многіе найдутъ, что дальше намъ идти некуда. „Прекрасно“, скажутъ одни: „первый отвѣтъ исчерпываетъ вопросъ!“ — „Чудесно, говорятъ другіе: „второй отвѣтъ насъ удовлетворяетъ, какъ нельзя лучше!“

Тутъ я перейду къ чисто-субъективному ходу моего дальнѣйшаго изложенія, что дастъ мнѣ возможность полнѣе выразить тѣ душевныя сомнѣнія, которыя испытываешь невольно при видѣ несозрѣвшаго состоянія этого спора. Съ каждымъ годомъ больше чѣмъ полнѣе

освѣдомляясь и слѣдя съ одной стороны за подрастающими дѣтьми, съ другой стороны за нашею общественною жизнью, за поведеніемъ нашихъ дѣятелей, начиная съ университетской скамьи до сѣдинъ, вижу я картину все болѣе осложняющуюся, при видѣ которой кажется все болѣе труднымъ рѣшиться на признаніе какой-либо сокращенной и нехитрой формулировки русской жизни. За послѣднія 15 лѣтъ я пережилъ полное перерожденіе своихъ личныхъ взглядовъ на значеніе національных элементовъ культурнаго развитія и съ каждымъ днемъ болѣе убѣждаюсь, что много силъ было бы сберегаемо въ ходѣ развитія каждаго изъ насъ, если бы мы выходили изъ школы съ иными, уже готовыми, уже приспособленными къ жизни воззрѣніями, а не вынуждены были рубить своими руками, какъ Робинзонъ на необитаемомъ островѣ, свой жизненный челнокъ.

„Нужна *почвенность* въ нашемъ развитіи“; вотъ что теперь ясно въ глазахъ каждаго изъ насъ, и чего намъ не говорили наши учителя, съ высоты кафедръ, 25 лѣтъ тому назадъ, чему, вѣроятно и теперь, по традиціи, не учатъ въ стѣнахъ нашихъ университетовъ.

Все это такъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуется, что наша народная масса, столь сильная этою почвенностью, ради которой мы ей завидуемъ, страшно бѣдна не только культурою, но и культурнымъ матеріаломъ. Я нарочно указываю на эти два элемента раздѣльно, потому что высокій уровень культивированной среды есть результатъ двухъ факторовъ: продолжительнаго упражненія способности обладать культурнымъ капиталомъ, затѣмъ—разнообразія тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ этотъ капиталъ накапливается.

Такимъ образомъ, мы стоимъ передъ трудной задачей: нахожденія того закона, посредствомъ котораго могла бы уравниваться идея *почвенности* и идея обогащенія культурнымъ *материаломъ*, хотя бы иностраннаго происхожденія, но безусловно отсутствующимъ въ вѣковомъ наслѣдіи и обиходѣ народной массы. Только въ связи съ этимъ труднымъ вопросомъ и можетъ быть разрѣшенъ споръ о пригодности классицизма какъ воспитательнаго средства.

Обращаясь на пройденный путь, мы видимъ, что есть понятія, которыя нынѣ лежатъ внутри нашего

національнаго самосознанія, но которыми мы обогатились благодаря нашему соприкосновенію съ классическою культурою, разумѣя это въ широкомъ смыслѣ, т. е. имѣя въ виду вліяніе на насъ классической древности, и новѣйшихъ народовъ—французовъ, нѣмцевъ, англичанъ. Такъ, наримѣръ, *идея права* носитъ въ себѣ явно римскій отпечатокъ; она глубоко различна отъ того, что ей, соотвѣтствуетъ въ русской народной душѣ подъ именемъ обычнаго права. Въ будущемъ нашемъ культурномъ развитіи мы ждемъ очень многого отъ дальнѣйшей, національной переработки этой идеи права, несмотря на ея нетуземное первичное происхожденіе. *Идея гражданскаго долга*, даже таковою какою мы ее видимъ у Ю. Э. Самарина и И. С. Аксакова—есть тоже сложный продуктъ, развившійся изъ элемента, чуждаго нашей народной массѣ, но переработаннаго мощнымъ духомъ людей, глубоко чувствовавшихъ свою солидарность съ народомъ. Можно было-бы провѣрить ту-же идею на исторіи понятія *Самодержавія*, заимствованнаго изъ Византіи и принесшаго свои плоды въ силу переработки его русскимъ гениемъ, въ то время какъ идея очевидно вымерла въ эллинской средѣ. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ произошло нѣчто болѣе глубокое и плодотворное, нежели простое подражаніе и увлеченіе чужеземщиной. Въ чемъ различіе того и другого процесса, покажетъ намъ послѣдующій анализъ того, что мы должны считать духомъ классическаго развитія въ широкомъ смыслѣ слова. Я постараюсь пояснить, отчего въ моихъ глазахъ можетъ быть классицизмъ національный и новѣйшій: французскій, нѣмецкій, русскій. Я постараюсь проникнуть въ смыслъ этого образа и обнаружить тѣмъ самымъ, въ чемъ состоитъ образующая сила, благодаря которой народъ, *не выработавшій еще своего классицизма, принужденъ, волею неволею, воспринимать уже готовый классицизмъ другого народа, до поры до времени, пока не выработаетъ своего.* Весьма соблазнительно для этого отставшаго народа откинуть чужой классицизмъ изъ справедливаго желанія „жить своимъ умомъ“. Но если онъ это сдѣлаетъ преждевременно, не ища путей къ образованію *своего* классицизма, этому рано возставшему ученику грозитъ большая бѣда: онъ рискуетъ погрязнуть въ ученомъ варварствѣ.

До сихъ поръ мы говорили о новѣйшемъ классицизмѣ французскомъ, нѣмецк. или русскомъ, не опредѣляя ближе предмета нашею разсужденія. Пора выяснить точнѣе это понятіе.

Я начну съ отрицательныхъ положеній. Мы хорошо знакомы всѣ съ ощущеніемъ, какое даетъ жизнь въ обществѣ, гдѣ накопленіе умственного и эстетическаго склада предыдущихъ поколѣній ничтожно и слабо, безспорныхъ и подразумѣваемыхъ истинъ или житейскихъ правилъ, общихъ для всѣхъ и всѣми сознаваемыхъ, почти нѣтъ; на каждомъ шагу выскакиваютъ пророки, предлагающіе самыя широковѣщательныя системы, понятія, соціальныя — вѣрованія; ни одно изъ нихъ не переживаетъ 10 лѣтъ безусловнаго властвованія, не подпадая расколу, не замѣняясь новымъ ученіемъ, столь же нетерпимо и яростно относящимся къ замѣщаемому имъ ученію, какъ это послѣднее было въ свое время нетерпимо къ своимъ предшественникамъ. Это — картина русскаго общества. Для того, чтобы опредѣлить, чѣмъ является въ міровомъ развитіи идея классицизма, я склоненъ любому вопрошающему, къ какой бы расѣ и народу онъ ни принадлежалъ, отвѣтить такъ: поѣзжайте въ Россію, научитесь русскому языку, постарайтесь понять эту сложную дѣйствительность, и передъ вами будетъ картина того, *чѣмъ является общество, чуждое всякаго классицизма*. Это — общественное состояніе, страждущее отъ недостатка *общаго знаменателя*. Въ немъ замѣтно стремленіе индивидуально расползаться во всѣ четыре стороны, не имѣть умственныхъ житницъ и не накапливать въ нихъ никакихъ наслѣдственныхъ богатствъ. Связь поколѣній сводится къ нулю. Экономія народнаго творчества отсутствуетъ. Каждое поколѣніе начинается все снова, а внутри cadaго поколѣнія каждый тянетъ въ сторону, не согласившись съ сосѣдомъ.

Противоположный складъ общества будетъ тотъ, въ которомъ всѣ люди одного поколѣнія связаны общимъ, согласованнымъ планомъ совмѣстнаго дѣйствія. Умирая, каждое поколѣніе оставляетъ плодъ своихъ трудовъ въ томъ благообразномъ единствѣ, который однимъ видомъ добытыхъ благъ уже внушаетъ преемникамъ неотразимо яркое представленіе о національномъ, ум-

ственнымъ достояніи и о необходимости увеличить также своимъ трудомъ это достояніе. Сознаніе этого растущаго склада отражается все яснѣе и повелительно воздѣйствуетъ на всѣ моменты жизни. Имѣя за собою 300—500 лѣтъ такого накопленнаго достоянія, народъ получаетъ, даже въ невольнo отпpавляемыхъ дѣйствіяхъ, совершенно иной складъ понятій и жизни; онъ научается дорожить этою непрерывностью вышколеннаго состоянія; въ этомъ и состоитъ его культурность. Когда среди насъ, народа молодого и не знающаго ничего подобнаго вышеописанному состоянію, стали впервые проникать слѣды „научнаго міровозрѣнія“, очень быстро распространилось одно ложное представленіе такого рода; люди стали разсуждать такъ: наука даетъ факты и непреложную причинную связь между этими фактами; причину болѣзни, смерти, природныхъ явленій, падежа скота или роста растений мы схватываемъ посредствомъ ученія, и тогда мы—уже народъ „культурный“, потому что некультурный есть тотъ человѣкъ, который ничего не знаетъ и не владѣетъ тайнами природы. И стали у насъ множиться Базаровы, люди вполне убѣжденные въ томъ, что, прочитавъ извѣстное число учебниковъ, можно сразу перейти въ культурное состояніе! Это недоразумѣніе и расплодило тогда подвижниковъ ученаго варварства.

Не всякая культура уже сама по себѣ осуществляетъ идею классицизма, но всякой культурѣ свойственно стремленіе къ осуществленію, посредствомъ долгаго уравниванія своихъ элементовъ, того, что мы называемъ классическимъ обликомъ. Этотъ обликъ заключаетъ въ себѣ полное гармоничное сочетаніе трехъ высшихъ качествъ, которыхъ ищетъ человѣкъ въ познаніи и въ творествѣ: то, что когда—то Кузэнъ считалъ оправдательнымъ мотивомъ всякой философіи, назвавъ ихъ—*„le vrai, le beau et le bien“*, т. е. *истиной, красотой и благодатью*.

При неизбѣжномъ раздѣленіи труда, свойственнымъ зрѣлому возрасту народа, эти три свойства соотвѣтствуютъ тремъ раздѣльнымъ отпpавленіямъ культуры: истину обнаруживаетъ *наука* по методамъ ей одной присущимъ; красоту призвано находить и воспроизво-

дить *искусство* въ своихъ твореніяхъ; наконецъ, *религія* насаждаетъ благодѣть съ сердцѣмъ человѣка.

Совмѣстное воспитаніе человека на этихъ трехъ основаніяхъ составляетъ классическое направленіе культуры, независимо отъ того, служить-ли носителемъ эстетики языкъ древняго міра или одинъ изъ языковъ новѣйшихъ. Блаженъ тотъ народъ, который уже прожилъ тѣ періоды литературнаго развитія, когда его языкъ пропитывался духомъ подобной культуры; этотъ народъ будетъ способенъ подняться до уровня классической культуры, не будучи непосредственнымъ данникомъ древняго міра. Наоборотъ, культура, отвергающая элементъ красоты и стремящаяся къ тому, чтобы ограничить свои потребности стремленіемъ къ истинѣ и къ благодѣти, будетъ носить характеръ болѣе утилитарный. Это будетъ отрицаніе классицизма.

Съ точки зрѣнія подобнаго опредѣленія понятно, почему, напримѣръ, основаніе въ Михайловскомъ дворцѣ музея Имени Императора Александра III есть несомнѣнный шагъ въ направленіи насажденія, со временемъ, русскаго классицизма; ибо поощреніе національныхъ школъ художественнаго творчества прямо ведетъ къ возникновенію въ литературѣ и въ педагогической дѣятельности того, что современемъ станетъ русскимъ классицизмомъ. Но необходимо сознать, что ростъ собственнаго классицизма есть процессъ внутренній и медленный, ускореніе коего отъ насъ почти не зависитъ. Степень глубины и богатства внутреннихъ элементовъ этого національнаго классицизма въ прямой зависимости отъ того, насколько мы сумѣемъ цѣнить классицизмъ другихъ народовъ, обогащаясь его мотивами и постепенно черпая изъ него, не ради порабощенія нашей русской природы, но перенося его уроки на русскій матеріалъ, налаживая русскіе народныя мотивы по законамъ выработанной имъ гармоніи. Такой, болѣе сложный, синтетическій взглядъ, быть можетъ, не понравится многимъ; но пускай читатель, желающій добросовѣстно отнестись къ одному изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ русской жизни, постарается вдуматься во все, что я здѣсь изложилъ. Если вѣрность этихъ размышленій будетъ признана, хотя-бы незначительнымъ, но избраннымъ меньшинствомъ изъ числа тѣхъ,

кому эти мысли сначала не понравятся, — то я буду считать себя вполне вознагражденнымъ и довольнымъ. Пусть эти идеи долго не будутъ преобладать. Сѣмя, брошенное по вѣтру и попавшее на добрую почву, все же дастъ, рано или поздно, желанный урожай.

А. А. Башмаковъ.

ЧТО ТАКОЕ „РУССКІЙ КЛАССИЦИЗМЪ“*)

С и г м ы .

Въ газетахъ заговорили о „русскомъ классицизмѣ“, о необходимости сдѣлать классическое образованіе національнымъ. Читая теперь статьи В. В. Розанова и А. А. Башмакова по этому вопросу, я обрадовался. Ибо они въ болѣе совершенной и полной формѣ говорятъ то, что я думалъ и говорилъ при началѣ моей писательской службы въ этой газетѣ, года три тому назадъ о необходимости изученія русской старины въ русской школѣ и о воспитательномъ значеніи такихъ книгъ, какъ „Вѣче и Князь“ В. И. Сергѣевича, „Боярская дума“ и „Благодатный Воспитатель русскаго народнаго духа“ В. О. Ключевского и т. п. Но только русскій классицизмъ есть далеко не все, что намъ нужно, и проповѣдуя его нельзя закрывать глаза на нѣчто большее. Вы знаете, что школа должна не только развивать умъ, но и сердце, и давать ребенку нѣкоторыя опредѣленныя формулы для его поведенія. Давно сказано, что умственное развитіе безъ общественной дисциплины можетъ такъ же легко выработать негодяя, какъ и честнаго и полезнаго общественнаго дѣятеля. А съ другой стороны одно религіозное воспитаніе, какимъ было воспитаніе у нашихъ допетровскихъ предковъ и какимъ оно осталось у старовѣровъ и сектантовъ, потому не удовлетворительно, что по существу своему оно противогосударственно. Ибо религія выносить челоуѣка пре-

*) «Новое Время».

выше всѣхъ рамокъ земной жизни и центръ тяжести существованія переносить на небо. Жизнь же есть борьба со зломъ и работа, творчество въ опредѣленныхъ мѣстомъ и временемъ рамкахъ. Творчество во всѣхъ сферахъ, ибо каждый человѣкъ есть своего рода лейденская банка, зарядъ умственной и волевой энергіи, которая расходится отъ человѣка во всѣ стороны, покоряетъ его уму и его волѣ окружающихъ людей и природу и перерабатываетъ ихъ въ нѣчто новое по его образу и подобію. Если же задача каждаго человѣка есть—твореніе новыхъ вещей, которыя бы отражали его душу въ матеріальной и нравственной областяхъ, если его задача есть такимъ образомъ одухотвореніе природы или способствованіе этому одухотворенію или „обожженію“, какъ говорили наши монахи, то отсюда ясно, что должно лечь основой человѣческаго воспитанія. Прежде всего понятіе о Томъ, Кого мы чувствуемъ, но Кого не знаемъ, и къ сближенію съ Кѣмъ стремится все человѣчество. вмѣсто туманнаго, бессмысленнаго „прогреса“, вмѣсто изученія міра, какъ табакерки съ музыкой, которая только потому кажется намъ занятой въ молодые годы, что она обставлена тысячами таинственныхъ ученыхъ, полупонятныхъ намъ терминовъ, на мѣсто безжизненной механики должно быть откровенно поставлено живое Божество, въ которое вѣровали наши предки и вѣруютъ всѣ глубочайшія сердца человѣчества; и наши учителя должны, наконецъ, побѣдить въ себѣ ложный стыдъ, который запрещаетъ имъ признавать то, чего они не понимаютъ. Если же жизнь есть приближеніе къ Божеству, то человѣческое общество, въ его современныхъ, повсюду несовершенныхъ формахъ, есть наивысшее орудіе къ этому приближенію. Государство же есть только внѣшняя форма, въ которую выливается общество, и его устройство естественно вытекаетъ изъ совмѣстной дѣятельности народной души и народнаго ума и исторіи, которая впрочемъ заключается уже и въ народномъ умѣ, и въ народной душѣ подъ видомъ народнаго характера. Россія и Китай, какъ государства, суть большія семьи, управляемыя отцомъ. Западныя государства суть воюющіе лагеря, примиряемые государемъ-судьею. Государство есть только макрокосмъ каждаго общества, какъ микрокосма. Если

цѣль нашей дѣятельности есть одухотвореніе природы и приближеніе къ Божеству, то изъ жизни и дѣятельности нашихъ предковъ мы должны брать въ примѣръ и подражаніе только то, что не противорѣчитъ божественному идеалу человѣчества. Мы возьмемъ не Ивана Грознаго, а Владиміра, отказавшагося казнить разбойниковъ; для примѣра князя — мы возьмемъ дѣятельнаго и человѣколюбиваго и храбраго князя; для примѣра святителя — возьмемъ не Геннадія, который жаловался, что у насъ не жгутъ еретиковъ, а въ Испаніи ихъ жгутъ, какъ говорили ему торговые люди въ Новгородѣ, а Θεодосія Печерскаго, Сергія, святыхъ московскихъ митрополитовъ, Дмитрія Ростовскаго. Изъ народныхъ героевъ въ примѣръ дѣтямъ будемъ ставить не Ваську Буслаева и не Чурилу Пленковича, а Илью Муромца. Другими словами, мы будемъ изъ своей національной исторіи и поэзіи брать только божественно-героическое и воспитывать дѣтей на нашихъ народныхъ герояхъ. Но почему же сонмъ національныхъ героевъ не приумножить героями другихъ народовъ, которые, такъ же, какъ и наши, путемъ страшныхъ усилій воли и сердца, часто цѣною жизни, дѣлали тотъ таинственный шагъ впередъ отъ своего народа къ Богу, который надолго оставался опредѣленнымъ путемъ поступательнаго движенія ихъ сородичей? Чѣмъ Сократъ хуже, какъ воспитательное средство, Θεодосія Печерскаго? Тѣмъ, что онъ не былъ русскій и христіанинъ? Но русская церковь всегда давала намъ учителей безъ различія національности и грековъ, и римлянъ, и сирійцевъ, и галловъ. А если вы прочтете что Θεодосій писалъ и говорилъ Святославу и что Сократъ говорилъ своимъ судьямъ („если вы думаете, что убивая людей, воспрепятствуете кому нибудь обличать васъ въ дурной жизни, то думаете вы плохо“), вы убѣдитесь, что и Θεодосій и Сократъ думали одинаково. Вотъ по исконному святому обычаю нашей церкви для насъ въ дѣлѣ воспитанія не должно быть эллина и іудея, отъ всѣхъ странъ, отъ всѣхъ народовъ должны мы брать героевъ и въ общеніи съ ними воспитывать ребенка, воспитывать его для борьбы, а не для скорѣйшаго приспособленія къ житейской гадости. Одинъ студентъ рассказывалъ мнѣ, что многіе изъ его знакомыхъ и товарищей за-

стрѣлились по окончаніи курса университета. „Въ университетѣ они ждали чего-то хорошаго отъ жизни, жизнь была впереди, а какъ вошли въ жизнь, такъ и увидѣли, что ничего сдѣлать не могутъ“. Развѣ эти слова не самое ужасное осужденіе нашей системы воспитанія? Системы, называемой классическою, а на самомъ дѣлѣ долженствующей называться грамматическою, бездушною, безбожною, ибо Богъ не въ буквѣ, не въ склоненіи и спряженіи, все равно, латинское оно, греческое или русское, Богъ въ чувствѣ и въ разумѣ.

Возьмите букварь, по которому китаецъ учитъ своего четырехлѣтняго сынишку, и прочитайте его и посравните съ тѣмъ, чему мы учимъ нашихъ дѣтей. Я приведу вамъ нѣсколько выдержекъ изъ Троесловія (Сань-цзы-дзинь, трехзначныя фразы) и Тысячесловія (Цянь-цзы-вэнь, фразы изъ тысячи іероглифовъ):

„Люди рождаются съ добрыми наклонностями и по природѣ своей одинаковы, разнятся же только вслѣдствіе своихъ привычекъ; если не учить человѣка, то его, добрая природа извратится... Дѣти прежде всего должны утвердиться въ сыновнемъ благочестіи и послушаніи старшимъ, затѣмъ уже могутъ пріобрѣтать свѣдѣнія... Три въ природѣ главныхъ предмета: небо, земля и человѣкъ... Существуютъ три главныя категоріи отношеній: между государемъ и подданными, отцомъ и сыномъ, мужемъ и женою; первое основывается на справедливости, второе на любви, третье на покорности... Человѣколюбіе, справедливость, соблюденіе обрядовъ, знаніе, искренность — это пять коренныхъ основъ человѣческихъ дѣйствій... Любовь отца и сына; согласіе супруговъ; дружелюбіе старшаго брата; уваженіе со стороны младшаго брата; порядокъ между болѣе старыми и молодыми, между друзьями и товарищами; уваженіе со стороны государя; преданность со стороны подданнаго, — вотъ общія всѣмъ людямъ обязанности... Собака охраняетъ ночью, пѣтухъ поетъ на зарѣ, — можетъ ли считаться человѣкомъ тотъ, кто не учится? Шелковичный червь доставляетъ шелкъ, а пчела — медъ; если человѣкъ не учится, то становится ниже тварей. Въ дѣтствѣ учитесь, въ зрѣломъ возрастѣ будете примѣнять ученье къ дѣлу и тѣмъ самымъ приносить пользу государю и народу; пріобрѣтая себѣ

громкое имя, вы прославите своихъ родителей и предковъ, составите счастье потомству. Не говорите о недостаткахъ другихъ людей и не превозносите своими качествами. Когда человѣкъ утвердился въ добродѣтели, то его репутація прочно обоснована. Несчастія являются слѣдствіемъ нашихъ дурныхъ поступковъ, а благоденствіе — слѣдствіемъ добродѣтели. Сынъ долженъ истощать свои силы на служеніе родителямъ, долженъ быть преданнымъ до самоотверженія, внимателенъ къ своимъ обязанностямъ такъ же, какъ если бы онъ подходилъ къ пропасти или шель по тонкому льду, долженъ вставать рано, чтобы зимою согрѣвать постель родителей, а лѣтомъ прохлаждать ее. Мужъ долженъ главенствовать, а жена ему слѣдовать. Старшіе и младшіе братья должны быть проникнуты взаимною любовью, потому что они имѣютъ одно и то же начало жизни, они суть вѣтви одного и того же дерева. Не должно терять человѣколюбія, милосердія, сострадательности; должно во всѣхъ превратностяхъ жизни сохранять правила, справедливость, честность, смиреніе. Если сохранять природную прямоту, то намѣренія будутъ приводиться въ исполненіе; если дѣйствовать только подъ вліяніемъ внѣшнихъ впечатлѣній, то мысли будутъ блуждать. Корень государственнаго управленія заключается въ земледѣліи, — займитесь этимъ послѣднимъ, дѣлайте посѣвы и собирайте жатву“.

Видите, китайскаго ребенка не занимаютъ пѣсенками: „лягушка скачетъ по дорожкѣ, кверху вытянувши ножки“ или „у Тита было семеро дѣтей, всѣ семеро малютокъ“, ему говорятъ о самыхъ важныхъ вопросахъ жизни, о семьѣ, обществѣ, государствѣ. Ему передаютъ съ дѣтства основныя жизненные правила, начала общественной дисциплины, на которой основанъ весь строй китайской жизни. Тоже и въ американской школѣ, которой примѣръ я видѣлъ въ Лосъ-Анжелесъ, въ Южной Калифорніи. Тамъ тоже ребенокъ знаетъ всѣ устои своей общественной жизни. Отчего же у насъ ребенокъ воспитывается такъ, точно онъ осужденъ жить на необитаемомъ островѣ? Отчего онъ не знаетъ, какъ живутъ люди его класса, какъ они управляются, какъ они относятся къ государству, что они дѣлаютъ и что такое государство. У насъ дѣти зажиточныхъ классовъ

выносятъ или глубокое сожалѣніе, или презрѣніе къ мужику, за то, что онъ бѣденъ и грязенъ, и полное непониманіе своихъ будущихъ правъ и обязанностей... И вотъ вырастаетъ юноша, у котораго внутри или хоть шаромъ покати, или такой песимизмъ, который дѣлаетъ для него жизнь невозможной и прямо съ университетской скамьи ведетъ его къ самоубійству. Потому что то, что онъ читалъ, не имѣетъ никакого примиренія съ тѣмъ, что онъ видитъ, у него нѣтъ мостика отъ идеаловъ къ жизни. А между тѣмъ мостъ этотъ существуетъ. И воспитаніе должно давать его каждому ребенку. Для этого только надо просто и честно, по сердцу, относиться къ такимъ словамъ, какъ „Религія, Царь и Россія“. Относиться безъ идолопоклонства и безъ подвоха, безъ самооплеванія, и безъ нахальства, и тогда отыщется смыслъ въ жизни. К. П. Побѣдоносцевъ въ предисловіи къ „Курсу гражданскаго права“ говоритъ о прекрасномъ воспитательномъ значеніи чтенія нашихъ законовъ въ „Полномъ собраніи“. Отчего же наша школа совершенно игнорируетъ законы? Отчего юноша, окончившій среднюю школу, выноситъ такое впечатлѣніе, будто въ Россіи никакихъ законовъ нѣтъ, и если онъ потомъ не учился юридическимъ наукамъ въ университетѣ, то на всю жизнь остается съ такимъ впечатлѣніемъ? Развѣ это правда, что въ Россіи нѣтъ законовъ, а есть одинъ только произволь, а если это не правда, такъ сообщайте же юношѣ законные способы выраженія своихъ мыслей, законные пути дѣятельности, дабы онъ зналъ мѣру дозволеннаго и недозволеннаго. Если вы будете издали, объективно смотрѣть на систему русскаго воспитанія, то покажется, будто она сочинена какимъ-нибудь злѣйшимъ врагомъ Россіи и ея вѣковыхъ историческихъ началъ, будто кто-то нарочно работалъ надъ тѣмъ, чтобы русское юношество приходило къ отчужденію ото всего того, на чемъ наши предки создали нашу великую и славную землю. Языкъ нашихъ предковъ намъ кажется смѣшнымъ, ихъ нравы — дикими, ихъ литература — ничтожной, ихъ искусство — грубымъ и варварскимъ. Я не говорю, что у насъ все было хорошо и что надо подслащивать и заглаживать. Я говорю, что надо быть справедливымъ, а въ особенности справедливымъ по отношенію къ пред-

камъ, ибо мы отъ нихъ все равно не избавимся, какъ бы мы ни пробовали избавиться и какъ бы ни хотѣли волгаться въ родъ англичанъ или французовъ и въ ихъ международные „концерты“. Но великій народъ не забываетъ великихъ предковъ. Варягъ возродился въ Петрѣ Великомъ, съ его характеромъ древне-русскаго князя, въ родѣ Мономаха, пребывавшаго, какъ и Петръ, въ вѣчныхъ трудахъ и ученіи и походахъ. Русская исторія тѣмъ и велика, что въ ней славянство служило той таинственной средой, въ которой претворился варяжскій берсеркъ и татарскій баскакъ въ Пушкина, Лермонтова, Достоевскаго, Толстого. И въ каждомъ изъ насъ возраждается то варягъ, то татаринъ. И въ этомъ залогъ нашего великаго будущаго, въ этой вѣчной борьбѣ кровей, вѣчной борьбѣ востока и запада въ русскомъ умѣ и въ русскомъ сердцѣ. Не стихіей мира и молчанія, а стихіей борьбы проникнута русская исторія и борьба есть наша истинная атмосфера, а „единачество“ было только необходимое условіе бытія кучки славяно-варяговъ, затерянныхъ среди тьмы враждебнаго имъ инородческаго населенія, которое они осваивали, ибо они были вооруженнымъ лагеремъ.

Итакъ, русскій классицизмъ будетъ воспитаніе въ духѣ героев русскихъ и иностранныхъ. Русскій классицизмъ будетъ основанъ на нашей исторіи и на нашей письменности. Русскій классицизмъ, окружая ребенка атмосферой Москвы, не будетъ закрывать глаза его на Новгородъ и Кіевъ, на Мономаха и Петра. И русскій классицизмъ не изгонитъ Бога и Духа изъ школьнаго образованія и не позволитъ буквѣ, склоненію, спряженію задавить живую, человѣческую душу и разстроить живое человѣческое тѣло.

Вотъ что такое, по моему, русскій классицизмъ.

Сигма

Epigrammata aenigmatica.

К. Котельниковъ, Владивостокъ.

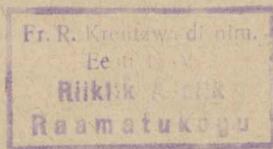
I.

Malum putantes me omnes irrident solum,
Odisse eos libenter consuevi tamen.
Ridentes nil credunt fecisse me bene
Idemque iure possum, sed nolo. Optime:
Omnes sunt, quod sum, nam quod facio, id illi item.

II.

Hilaris sum, si felix, non — adversis rebus,
Opes, vis, gloria sunt felicitas mea,
Mors imminet timenti eam semper mihi
Odisse egoque amicique inter se solent.

(Aenigmata haec responsa sua ipsa per acrostichon dant).

Въ книжн. магазинахъ П. ЛУКОВНИКОВА (СПБ., Летушковъ, 2)
и К. РИККЕРА (СПБ., Невскій пр. 14) продаются :

ПАВСАНИЯ

ОПИСАНІЕ ЕЛЛАДЫ

или

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ГРЕЦИИ ВО II-мъ ВѢКѢ ПО Р. ХР.

Переводъ Г. Янчевецкаго съ толкованіями

и съ приложеніемъ статей:

*Историко-литературное значеніе Павсаніи, Краткій очеркъ
исторіи греческ. искусства, Родословныя таблицы еллинскихъ
династій и пр. Ц. 5 р.*

*Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. рекомендовано
для приобрьтенія въ фонд. библ. ср. уч. заведеній
(Ж. М. Н. Пр. 1893. 4).*

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

КСЕНОФОНТА

ВЪ ПЯТИ ЧАСТЯХЪ.

Перевелъ съ греческаго *Г. Янчевецкій.*

Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. — Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ.
80 к. — Ч. III. Киропедія. 1 р. 25 к. — Ч. IV. Исторія Греціи.
1 р. 25 к. — Ч. V. Мелнія статьи. 1 р. 50 коп.

Изданія ж. «Гимназія».

Въ продажѣ у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ находятся
изданія ж. „Гимназія“:

- 1) Ф. Экштейнъ. Преподаваніе латинск. и греческ. языковъ. Пер. подъ ред. Г. Яичевскаго. Стр. 358+132. Ц. 3 р. **Рекомендовано** Уч. Ком. Мин. нар. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библиотек. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Апр.)
- 2) В. Шрадеръ. Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Перев. подъ ред. Г. Яичевскаго. Стр. 472. Ц. 5 р. **Одобрено** Уч. Ком. Мин. нар. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библиотек. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.). 3) К. Негельсбахъ. Гимназ. педагогика, пер. Н. Кораблевъ. Стр. 117. Ц. 1 р. **Реком.** Уч. Ком. Мин. нар. пр. для приобрѣтенія въ фонд. библиотек. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.). 4) Г. Шидлеръ. Методика преподаванія въ гимназіяхъ и реальныхъ уч. Переводъ подъ ред. Г. Яичевскаго. Вып. I. Ц. 50 к. 5) I. Вилкельманъ. Исторія искусства древности. Перев. подъ ред. Г. Яичевскаго. Стр. VI+404. Ц. 3 р. 6) Ж. Бартеlemi. Путешествіе молодого Анахарсиса по Греціи. Перев. подъ ред. Г. Яичевскаго. Вып. I. Ц. 50 к. 7) Г. Вржоска. Необходимость педагог. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. Г. Яичевскаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к. 8) А. Фогель. Философ. основанія педагогii. Стр. 134. Ц. 1 р. 9) Я. А. Коменскій. *Jana linguarum reserata*. Открытая дверь языковъ. Латинскій текстъ съ русскимъ переводомъ, портр. Коменскаго и статьи о Коменскомъ Г. Яичевскаго. Стр. 113. Ц. 50 к. 10) Его-же: Великая Дидактика. Стр. 342. Ц. 1 р. 11) Его-же—Диогенъ Циникъ на сценѣ. Переводъ Г. Яичевскаго. Ц. 50 коп. 12) К. Негельсбахъ. Върученіе Гомера. Переводъ С. Николаева. Вып. I. Ц. 50 к. 13) И. Шпангенбергъ. *Bellum grammaticale*. Война въ латинской грамматикѣ. Пер. съ лат. Д. Яичевскій. Ц. 50 коп. 14) Е. Фидлеръ. Отношеніе французскаго языка къ латинскому. Переведъ Д. Яичевскій. Ц. 25 к. 15) Біологія и христіанская педагогика въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Перев. съ нѣм. I. Реима. Ц. 50 коп. 16) Р. Менге. Иова. Переводъ А. Ветнекъ. Съ картою о Иоваки. Ц. 25 коп. 17) Е. Ветнекъ. Десятидѣтiе ж. «Гимназія» (1888—1897). Указатель авторовъ и статей въ ж. «Гимназія» и «Педаг. Ежедѣльникъ». Ц. 30 к.

Ред.-изд. Г. Яичевскій.